

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса (Медфорд, США)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» (Москва, Российская Федерация)

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Иван Иванович КОТЛЯРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (Казань, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Лаури МЯЛКСОО

профессор международного права, Университет г. Тарту (Таллинн, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**Анна Ивановна ЕФИМОВА**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Олег Николаевич ХЛЕСТОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 25.06.2021 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 670

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2021

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Professor, School of Law and Politics, Tufts University (*Medford, USA*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey A. Kostin

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Vyacheslav N. Kulebyakin

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Ivan I. Kotlyarov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Lauri Mälksoo

Professor of International Law, University of Tartu (Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (Moscow, Russian Federation)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Ustinov

Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Oleg N. Khlestov

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «Moscow Journal of International Law» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW
<i>Ануфриева Л.П.</i> Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только...	6 <i>Ludmila P. Anufrieva</i> Following up the Discussion on the stricto sensu 'Principles' in Modern International Law and Beyond the Same...
<i>Вылегжанин А.Н., Нефедов Б.И., Воронин Е.Р., Магомедова О.С., Зотова П.К.</i> Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право	35 <i>Alexander N. Vylegzhanin, Boris I. Nefedov, Evgeny R. Voronin, Olga S. Magomedova, Polina K. Zotova</i> The Term "Rules-based International Order" in International Legal Discourses
МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	INTERNATIONAL CRIMINAL LAW
<i>Тарабрин В.Е., Кантур Р.А.</i> Преступления против лиц, пользующихся международной защитой: проблемы международно-правовой квалификации	61 <i>Vladimir E. Tarabrin, Ruslan A. Kantur</i> Offences against Internationally Protected Persons: Problems of International Legal Qualification
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	HUMAN RIGHTS
<i>Кебурия К.О., Солнцев А.М.</i> Значение основных принципов и руководящих положений ООН о праве на защиту и возмещение ущерба 2005 г.	78 <i>Kristina O. Keburiya, Alexander M. Solntsev</i> The Significance of the 2005 UN Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation
<i>Ястребова А.Ю., Гуляева Е.Е.</i> Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне	99 <i>Alla Yu. Yastrebova, Elena E. Gulyaeva</i> Right to Health in the International Legal System of Human Rights at the Universal and Regional Levels
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW
<i>Цыганцова С.И.</i> Международно-правовая защита животных: проблемы и перспективы	122 <i>Sandra I. Tsygantsova</i> International Legal Protection of Animals: Problems and Prospects

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 02.04.2021
Принята к публикации: 27.05.2021

Людмила Петровна АНУФРИЕВА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация
lpanufrieva@msal.ru
ORCID: 0000-0002-5132-879X

ПРОДОЛЖАЯ ДИСКУССИЮ О СОБСТВЕННО «ПРИНЦИПАХ» В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И НЕ ТОЛЬКО...

ВВЕДЕНИЕ. Положение дел в российской науке в области исследования проблемы принципов в международном праве можно обрисовать в виде достаточно статичной картины, внушающей безмятежную веру в неизменность существующего состояния. Это состояние заключается в иллюзии отсутствия сложностей и проблем: исходим из наличия бинарной оппозиции принципы / нормы, а также дихотомии основные / отраслевые принципы. При этом отраслевые принципы альтернативно и в большинстве случаев равнозначно именуются также специальными [Черниченко 2014:101-102]. Следствием подобного убеждения является презумпция аналогичности отраслевых и основных принципов по существу и функциям, исходя лишь из наименования и места в нормативной системе (отрасли). Несомненно, у отраслевых и основных принципов в МП есть нечто общее: во-первых, они складываются объективно, а, во-вторых, на их составах (перечнях) и содержании сказывается специфика регулируемых отношений, присутствующая в отдельных отраслях. В то же время при всей справедливости сказанного рассматриваемая область весьма разнопланова, непроста и способна породить немало различий во взглядах, неприятие или поддержку, дискуссии, возражения и т. п., что объясняется реальным присутствием большего видового и прочего разнообразия принципов в международном праве.

Ввиду этого требуется более придирчивый взгляд на проблему: с одной стороны, обосновывающий факт, что принципы не хаотичное явление в системе международного права, с другой, обеспечивающий предметный их анализ, с учетом дифференциации и идентификации объектов, претендующих на то, чтобы быть зачисленными в категорию принципов, выстраивания их типологии и т. д. Подобный подход не только логичен, но прежде всего своевременен и тем самым вполне оправдан.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой статьи служат положения международных договоров, работ Комиссии международного права ООН, актов правоприменения Международного суда [ООН] и других международных судебных учреждений, иных документов, отражающих позитивное («положительное») международное право, а также воззрения наиболее известных деятелей в области теории и практики международного права. Исследование оперирует различными общенаучными и частнонаучными методами: диалектического материализма, структурного и системного анализа, формальной логики, дедукции и индукции, сравнительного правоведения, историко-ретроспективного подхода, формально-юридического анализа, правового моделирования, техники юридических доказательств и правового обоснования (*legal reasoning*), а также разнообразных приемов юриди-

ческого толкования и пр., принятых в отечественной и зарубежной юриспруденции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Цель публикации – провести некоторое уточнение научных данных применительно к такой фундаментальной категории, как принцип международного права, достигается за счет идентификации разнообразных конструкций, оперирующих элементом «принципы» или сходными понятиями, их упорядочения (систематизации) и отграничения от иных явлений, присутствующих в рамках международно-правовой действительности, – не зря этот дискурс обозначен уже в названии статьи: «... о принципах в современном международном праве и не только...». Чтобы разобраться в функционировании международного права как системы принципов и норм, для уточнения и упорядочения базовой терминологии проведена типологизация понятий, относящихся к принципам и образующих юридический фундамент современного регулирования межгосударственных отношений, поскольку неоднородность различных руководящих положений, претендующих на роль принципов МП, даже при отсутствии у некоторых из них нормативной природы, предстает в виде ряда очевидных фактов. В качестве таковых выступают, с одной стороны, диверсификация нормативно выраженных принципов в современном международном праве, что обуславливает установление идентифицирующих признаков каждого из имеющихся их разрядов, а с другой – необходимость построения их системы. Наряду с этим основания для «стратификации», т. е. распределения принципов по отдельным группам (допустим, деления на основные и отраслевые или общесистемные и специальные), далеко не изучены и также нуждаются в целенаправленном приложении усилий теоретиков. С учетом этого автор дифференцирует отраслевые и специальные принципы, обосновывая выделение среди последних особого разряда – принципы автономных («самодостаточных») договорных режимов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Думается, существует серьезное смысловое разграничение между

постановкой вопроса о «принципах современного международного права» и «принципах в современном международном праве». Словосочетание «принципы в международном праве», имея более широкий смысл, при отсутствии к тому же однозначности понимания самого термина «принцип», более точно отражает состояние вопроса о принципах в науке международного права, равно как и сущность, особенности, функциональные качества конкретного вида объектов, иногда именуемых «принципами». Когда речь идет о принципах международного права, они идентифицируются преимущественно как основополагающие, руководящие, иерархически самые высокие нормы в рамках системы международного права, важнейшие составные части этой системы и классифицируются по родовым и видовым признакам в зависимости от их конкретных характеристик. Формула «принципы в международном праве» говорит о таком взгляде на предмет, который имеет более широкий и менее структурированный диапазон вариантов для квалификаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принципы в международном праве, система принципов международного права, типология, отраслевые принципы, специальные принципы, принципы автономных договорных режимов, замкнутый / самодостаточный режим, общее право, обычное право, договорное право, *lex generalis*, *lex specialis*, общие принципы права, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только... – *Московский журнал международного права*. №2. С. 6–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>Research article
Received 02 April 2021
Approved 27 May 2021**Ludmila P. ANUFRIEVA**

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lpanufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

FOLLOWING UP THE DISCUSSION ON THE STRICTO SENSU ‘PRINCIPLES’ IN MODERN INTERNATIONAL LAW, AND BEYOND THE SAME ...

INTRODUCTION. *The situation in domestic legal science of Russia in the field of research of the subject of principles in international law may be ascertained in general terms as a fairly static picture that inspires a serene belief in the immutability of the existing position and further stable sustainability thereof. Such state of things consists in the illusion of the non-availability of difficulties or problems – a person starts from the point of a binary opposition in the values of principles / norms, as well as the unchangeable existence of the dichotomy of basic and sectoral principles. At the same time, let’s take note, that sectoral principles are alternatively and in most cases equivalently treated as special ones [Chernichenko 2014:101-102]. The implications of the said assumption are ideas relevant to sectoral principles as based on the presumption of their similarity in essence and function, based only on the name and place in the regulatory system (branch of law). Undoubtedly, the general tendencies for the sectoral principles of the International Law (IL) are those, which, firstly, appear like basic ones, objectively, and, secondly, the lists and scope thereof depend from specific relations immune to particular branches of law. At the same time, with due account to the submissions afore-referred, the affected area is in many aspects significantly various, not simple and can give rise to many differing views, discussions, objections, rejection or support, etc., because it is conditioned by the real fact of availability in international law of a greater variety of substances/ other phenomena in the matter of principles.*

Due to the above, a more meticulous view of the prin-

ciples in international law shall be required: on the one hand, revealing the rationale for the fact that they are not a chaotic phenomenon within the system of international law, and, on the other hand, providing a substantive analysis of them, taking into account the differentiation and identification of objects that claim to be placed under the head of principles, construing the typology thereof, etc. Such an approach is not only assumed as logical, but prima facie due by time and, therefore, fully justified.

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on the provisions of international treaties, materials of codification of international law norms by the UN International Law Commission, judicial decisions, acts of law enforcement of the International Court of Justice or other international courts, and documents embodying the positive international law, as well as the teachings of the most highly qualified publicists in the field of theory and practice of international law. The research operates with various general and particular methods of analysis: dialectical materialism, structural and system analysis, formal logic, deduction and induction, comparative law, historical and retrospective approach, formal legal analysis, legal modeling, “techniques of evidence” (legal reasoning), as well as various methods of legal interpretation, etc., adopted in domestic and expatriate jurisprudence.*

RESEARCH RESULTS. *The purpose of this publication is to endeavor certain clarification of theoretical data related to such a fundamental category as “the principle of international law”, which is deemed to can*

be achieved through proper identification of various constructions that operate with the element “principles” or similar terms, by way of systematization and delineation thereof from other phenomena available in the framework of international legal reality. Therefore, it is not occasional that the title of the article operates with such a formula to designate the discourse: “... on the stricto sensu ‘principles’ in modern international law and beyond...”. To ensure the better links of the scope and objectives of the research in terms of highlighting the system of principles and smooth functioning both of international law itself and the entirety of its principles and norms, as well as to clarify and streamline the basic terminology and conceptual basis of international legal science in the matter of principles, the typology of concepts that form the legal backgrounds for contemporary regulation of interstate relationships has been commissioned herein, since there is heterogeneity of various heads of items that claim to be the principles of international law, even with no normative nature in some of them, etc. The same appears to be quite obvious facts. In witness of the same, there are, on the one hand, diversification of the normative principles expressed in modern international law, which determines the identifying features for each of existing heads of principles, and as an outcome of the latter, the need to build up the respective system, on the other hand. However, the grounds for “stratification”, i.e. the distribution of the principles per separate groups (for example, the subdivision into basic and sectoral principles or differentiation between the system-wide and special principles), are far from being exhaustively revealed as yet, and need in better targeted efforts of scholars. Due to the above, the author held differentiating sectoral and special principles inter se, having substantiated the segregation of the specific head of principles within the latter group – “principles of autonomous (self-contained) legal regimes”.

1. Общие положения, касающиеся дифференциации принципов в международном праве

Анализ современного международного права демонстрирует, помимо основных принципов, наличие их аналогов, воспринимаемых принципами и функционирующих в качестве руководящих правил юридически обязательного порядка (правда, имеющих менее широкую сферу для своего воздействия

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. It seems that there is a serious substantive distinction between the formula “principles of modern international law” and “principles in modern international law”. The discourse outlined as “principles in international law”, having a broader sense and destination, in the absence of an unambiguous understanding of the term ‘the principle’, is more diligent to reflect the state of things in the field of principles in so far the legal science / international law science is concerned regarding the essence, features, and functional qualities of any particular type of objects, sometimes referred to as ‘principles’. In case, if it comes to “principles of international law”, they are to be identified primarily as the fundamental, guiding, hierarchically high norms within the system of international law, bearing the burden of the most important components of this system, and are classified according to generic and specific characteristics, which depend on their salient features. The formula “principles in international law” assumes a view of the subject that has a broader and less structured range of options for qualifications.

KEYWORDS: principles in international law, system of principles in international law, typology, sectoral principles, special principles, principles of autonomous legal regimes, closed /self-contained regime, general law, customary law, treaty law, lex generalis, lex specialis, general principles of law, general principles of law recognized by civilized nations

FOR CITATION: Anufrieva L.P. Following up the Discussion on the stricto sensu ‘Principles’ in Modern International Law, and Beyond the Same – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.2. P. 6–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>

The author declares the absence of conflict of interest.

на регулируемый объект). К ним относятся, во-первых, принципы, направленные на регулирование специфических (причем однородных) отношений, т. е. отраслевые и подотраслевые / институционные и субинституционные принципы (например, принципы международного экономического (МЭП), морского или экологического и т. п. права для первого случая), а во-вторых, принципы международного торгового, финансового, инвестиционного или налогового права в МЭП, либо дипломатического и консуль-

ского права, права представительства государств в международных организациях и др. в праве внешних сношений, равно как, допустим, «права Гааги», «права Женевы» в международном гуманитарном праве и т. д.). Обычно в литературе принципы, о которых идет речь, называют как отраслевыми, так и специальными. Думается, однако, что для пущей точности целесообразно произвести более строгое упорядочение самих принципов и их наименований: называть принципы в рамках отраслей международного права «отраслевыми» (в зависимости от соответствующей ситуации – «подотраслевыми»), а во вторую группу поместить конкретные по предметным сферам действия и назначению принципы, регулирующие отношения в отдельных областях сотрудничества субъектов международного права, именуя их специальными. К ним, в частности, следует отнести принципы международного научно-технического сотрудничества, принципы информационного обмена, принципы международной ответственности, международного правосудия и др., поскольку перечисленные сферы не являются ни отраслями, ни подотраслями каких-либо отраслей МП¹.

В разряд специальных необходимо внести и *нетождественную*, но соседствующую с вышеупомянутыми принципами разновидность – *принципы, свойственные особым договорным, или специальным, автономным («самодостаточным») режимам*. В данном случае также наблюдается отсутствие аналогии с отраслевыми либо подотраслевыми принципами, что заставляет задуматься об их квалификации. Подразумеваемое при этом уточнение терминологии позволит осуществить дифференциацию принципов, отграничив отраслевые и подотраслевые принципы от иных рядов принципов, также относящихся к международному праву, но не являющихся ни отраслевыми, ни подотраслевыми принципами (равно как и руководящими нормами / принципами прочих структурных образований, существующих внутри разветвленных, сложно организованных отраслей или других

подразделений норм международного права). Таким образом, во избежание путаницы присвоение им наименования *специальных принципов МП* было бы полезным и оправданным с точки зрения его систематики. Материалы Комиссии международного права ООН, косвенно затрагивающие структурные, а также содержательные аспекты развития и несомненного усложнения нормативного массива в современном международном праве², оперируют понятиями «отрасли», «подсистемы», используя соответственно термины «отраслевые» и «специальные» принципы как синонимы, что в свете изложенного выше кажется весьма спорным. Тем не менее, разработчики указанного доклада КМП все же находят «нормативный смысл» отраслевого деления международного права, подмечая: «С такими отраслями или подсистемами в этом понимании принято связывать специальные правовые принципы, касающиеся применения соответствующих норм»³.

Понятие, функции и роль отраслевых и *иных категорий* принципов международного права, незаслуженно отодвинутые в сторону, несомненно требуют постановки их в центр внимания как предмета исследования. Достаточно сказать, что порою в науке не различают юридическое значение основных и отраслевых принципов: отраслевые принципы выдаются за основные, а некоторые основные «понижаются» до уровня отраслевых либо специальных. Таким образом, речь следует вести в целом о проблеме *принципов в международном праве*, которая длительное время фундаментально, всесторонне и системно не исследовалась, что на современном этапе несомненно должно быть скорректировано.

Исчерпать подобной констатацией даже схематичный круг всех значимых составляющих общего взгляда на принципы и связанные с ними проблемы не удастся, поскольку иногда в практике и доктрине международного права можно столкнуться с иными явлениями, нежели собственно «международно-правовые принципы», которые внешне кажутся не противоречащими характеру и особенностям современного между-

¹ Понятно, что аспект, касающийся структуризации и систематики международного права, представляет собой большую и явно отдельно стоящую проблему, поэтому обстоятельно в настоящем рассмотрен быть не может. Некоторые его грани, если и могут быть затронуты, то лишь постановочно и крайне фрагментарно.

² См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. Доступ: 15. <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

³ Там же. С. 74.

народного права. Речь, прежде всего, идет об «общих принципах права» и «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями». Однако обо всем по порядку...

2. Типология принципов международного права

Заявки на овладение особым приемом, используемым в науке в отношении различных объектов международно-правового анализа и именуемом «типология», иногда встречаются в правоведческих публикациях, однако далеко не всегда намерения исследователей увенчиваются реальными и успешными результатами⁴. Если принять за основу классическое утверждение философской науки о том, что типология⁵ есть специфическая классификация объектов по существенным признакам, покоящаяся на расчленении систем объектов, и их группировка с помощью обобщенной или идеализированной модели или типа⁶, то применительно к изучаемому явлению типом – конкретной идеальной моделью, единицей расчленения изучаемой реальности – будет выступать объект, именуемый «принцип международного права». Однако типология принципов международного права объективно должна мыслиться в виде «продолжения» типологии принципов права как таковых, в результате чего «предтипом», т. е. «предшественником» принципов в международном праве закономерно служит более широкое понятие – принцип права вообще, далеко не всецело совпадающий

по своей сути и роли с принципами международного права. Тогда в состав «расчленяемой реальности» нужно включить все существующие в международном праве юридические нормы руководящего, основополагающего значения, которые могут быть регуляторами межгосударственных (междувластных) отношений, т. е. общественных отношений, возникающих между субъектами международного права.

По мнению философов, проблемы типологии возникают во всех науках, которые имеют дело с крайне разнородными по составу множествами объектов (как правило, дискретных) и решают задачу упорядоченного описания и объяснения этих множеств⁷. В этом смысле материал международного права предоставляет широчайшие возможности. Вместе с тем в международно-правовой науке самому многообразию принципов уделялось откровенно мало внимания, вследствие чего не удивительно, что и типология принципов как специальный предмет, по существу, не знакома отечественной теории международного права⁸.

Методология создания типологии принципов МП оперирует как эмпирическими, так и теоретическими способами. В их основе, согласно общефилософским подходам, лежат:

- а) количественная обработка и обобщение;
- б) фиксация устойчивых признаков сходства и различия, устанавливаемых индуктивным путем;
- в) систематизация и интерпретация полученного материала (эмпирический способ);

⁴ В частности, в структурном плане докторской диссертации И.М. Лифшица поставлена конкретная задача построения типологии взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза. В реальности выдвижение предложений собственно по типологии в указанном направлении не состоялось – в параграфе 2.1 вразрез с его наименованием «Общие вопросы типологии взаимодействия финансового права и права Европейского союза» типология как самостоятельный предмет даже не затронута. См.: Лифшиц И.М. Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского Союза. Дисс. ...доктора юрид. наук. Москва. 2020.

⁵ Слово «типология» (греч.) состоит из двух частей: «отпечаток, форма, образец» и «слово, учение», из чего следует, что данная наука занимается синтезом и анализом соответствующих форм, типов или видов изучаемых объектов.

⁶ *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 685.

⁷ Там же.

⁸ В иностранной доктрине вопрос о типологии принципов получил своеобразную интерпретацию – он касается больше словоупотребления (в значении понятийного подхода), а вовсе не принципов международного права как таковых и тем более их разнообразия в формально-юридическом отношении, что предполагается самим понятием, раскрывающим явление «типология». Так, Г. Харт в связи с оспариванием свойства и статуса международного права считается «правом» пишет: «...разнообразие в типологии принципов, которые обычно руководят охватом общих классифицирующих терминов, слишком часто игнорировалось в юриспруденции. Тем не менее, источники сомнения относительно международного права более глубоки и более интересны, чем эти ошибочные взгляды на использование терминов. Более того, две альтернативы, предлагаемые этим простым способом разрешения вопроса («Будем ли мы соблюдать существующее соглашение или откажемся от него?»), не исчерпывают проблемы, ибо, помимо них, существует альтернатива показать наглядно и исследовать те принципы, которые в действительности управляют существующим словоупотреблением» [Hart 1961:216]. Вместе с тем даже в этой далекой от темы принципов цитируемой

г) выявление надежных способов идентификации объектов, отображение строения исследуемой системы объектов, выявление в ней закономерностей, позволяющих предсказывать существование неизвестных на определенном этапе объектов (теоретический способ)⁹.

Не претендуя на решение проблемы, а, скорее, лишь обозначая факт ее существования, стоит начать с некоторых «знаковых» точек. Один из наиболее часто используемых подходов к типологии права базируется на «формационном» критерии, т. е. выделении исторических типов права на основе характерных для определенных исторических периодов общественно-экономических и социальных типов производственных отношений (формаций). Разумеется, в зависимости от того или иного исторического типа права как совокупности «характерных, существенных, взятых в единстве черт права, выражающих сущность и условия развития системы права определенной общественно-экономической формации»¹⁰, которые в свою очередь воплощаются и в международном праве, различаются и действующие в нем принципы. Для целей настоящего исследования мы опустим все предшествующие новейшему международному праву формации с присущими им правовыми системами и сконцентрируем внимание только на современном этапе, хотя некоторые детали прошлых эпох бывают очень важны, поскольку многое могут объяснить в настоящем, в том числе и в части состояния международно-правовых принципов.

При построении типологии принципов международного права как явления, состоящего из множества объектов и подлежащего исследованию, целесообразно обращение к методам структурной типологии. Изучаемые объекты – принципы международного права, во-первых, должны быть распределены в пределах системы

по отдельным видам и подвидам в зависимости от общности признаков, а также наличия характерных отличий друг от друга, и, во-вторых, каждый из них нужно сопоставить со всеми остальными (по принципу «один против всех»).

В содержательном и структурном отношении в перечне принципов международного права в рамках их типологии различимы несколько видов (собственно «типов» для целей построения типологии), присутствующих в объективном праве и в теоретическом плане служащих, как указывалось ранее, «единицами расчленения систем объектов и их группировки»: основные (базовые – от англ. “basic”) принципы (иногда именуемые в литературе и нормативных источниках «общепризнанными» отраслевые принципы, а также конкретные принципы отдельных областей / сфер сотрудничества либо автономных режимов (действующих в международных организациях и объединениях преимущественно интеграционной природы), специально предназначенные для регламентации особых блоков отношений.

Для большей точности и определенности при рассмотрении представленного спектра принципов межгосударственного сотрудничества, думается, лучше безальтернативно именовать свойственные отраслям международного права принципы *отраслевыми принципами*, а принципы отдельных областей / сфер сотрудничества либо автономных договорных режимов – *специальными принципами*.

При этом «архетипом» в данном отношении выступает созданное в соответствии с международным правом императивное правило поведения, обладающее нормативностью, признанное субъектами МП характером юридической нормы и более того – иерархически наивысшей юридической силой и свойством служить ру-

работе, насущность такой категории, как принцип, все-таки обнаруживает себя: например, Г. Харт заводит разговор о поиске «базовой нормы» и ее роли в международном праве. Несмотря на то, что автор не применяет буквально термин «принцип» при рассмотрении «базовой нормы международного права», многочисленные ссылки на известные труды западной доктрины (Кельзена, Анцилотти, Браерли, Фитцмориса, Лаутерпахта, Джессепа и др.) свидетельствуют о небеспочвенности аллюзий на проблематику принципов [Hart:267-268]. Говоря же о современности, кажется, что до сих пор нет оснований констатировать прогресс в этой части. Во всяком случае в материалах КМП ООН, связанных с изучением темы фрагментации международного права, не нашлось места ни типологии, ни хотя бы отдельным видам принципов, несмотря на наличие подходящих поводов и предметов, – отраслевого деления МП, рассмотрения «автономных режимов», к числу которых, кстати, Комиссия относит и некоторые отрасли международного права (космическое, экологическое и др.), о чем пойдет речь далее. См.: UN International Law Commission: Report of the Study Group “Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law”, finalized by Martti Koskenniemi. April 13, 2006. P. 81, 98, 256. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/L.682> (accessed 12.01.2021).

⁹ *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 685.

¹⁰ Там же.

ководством в рамках или всей системы международного права, или какой-то из ее подсистем (прежде всего, разумеется, отраслей) сообразно кругу регулируемых общественных отношений и сегменту межгосударственного сотрудничества.

Не субстантивное, но и не служебное (вспомогательное или техническое) значение имеют другие явления, иногда трактуемые как разновидности рассматриваемого понятия, внешне будто бы очень похожие на правовые принципы, которыми оперировало «старое» и продолжает оперировать «новое» международное право. Речь идет об «общих принципах права», а также «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями». Наличие *внешних признаков*, сходных с принципами (наименования), и отсутствие качественных внутренних характеристик (свойств, которые присущи именно принципам МП как его главным – фундаментальным, «базовым», юридическим нормам), не позволяют поместить их строго в материал типологии принципов международного права, но множество нюансов, возникающих в связи с обсуждением их существа и пересекающихся с «юридической материей», не делает возможным и полное их игнорирование. Каждая из перечисленных здесь позиций нуждается в дальнейшем освещении, адекватном их значимости и соответствии объекту¹¹.

3. Отраслевые принципы международного права

В целом представляется, что раздел международно-правовой науки, касающийся отраслевых принципов международного права в свою очередь всерьез нуждается в особых усилиях со стороны теоретиков в целях получения новых знаний об этом предмете и их углубления. Проблематика отраслевых принципов тесно связана с вопросами отраслеобразования в международном праве, но ни то, ни другое не удостоено сегодня надлежащим исследовательским вниманием. Достаточно сказать, что достижения отечественной науки в последней из затронутых областей

относятся едва ли не к сорокалетнему прошлому. Следует отметить, что специалисты не во всем были единодушны, когда дело касалось факторов, обуславливающих выделение норм в особую отрасль международного права. До сих пор указанное является актуальным не только при обосновании наличия либо раскрытия содержания категории *отраслевые принципы*, но в отдельных случаях и при аргументации деления нормативного массива на отрасли и подотрасли в рамках международно-правовой системы.

В международном праве, в отличие от внутрисударственного права, принципы выступают практически второй по очереди, следующей за специфичным объектом регулирования, правовой абстракцией системообразующего (в рамках отрасли) порядка. Это оправдано постольку, поскольку объект международного права не может служить безусловным критерием для целей отраслеобразования, ибо во всех отраслях и подотраслях МП объект правового регулирования один и тот же – «междувластные» отношения¹². Не может способствовать отграничению одной отрасли международного права от другой ни дифференциация первичных элементов (норм, нормативных образований), ибо все нормы создаются самими субъектами рассматриваемой системы права, ни метод регулирования (он также един), суть которого выражается в координационной, а не субординационной природе. В качестве метода регулирования, как известно, в международном праве выступает согласование воли государств и иных его субъектов. Равным образом отраслям международного права свойственны те же субъекты: государства, межгосударственные организации, нации, борющиеся за свое самоопределение (независимость), государственноподобные образования. Следовательно, наряду с задачами и функциями принципы (т. е. юридические нормы, обладающие иерархически более высоким положением, чем обычные правила поведения, и выраженные вовне как таковые) в состоянии дать ответ на вопрос о выделении отрасли (подотрасли) в международном праве. Более того, именно наличие или отсутствие

¹¹ По поводу основных принципов как ведущей категории принципов международного права автор уже высказал свои соображения, вследствие чего останавливаться на этом здесь вновь ни в общем, ни в деталях, думается, нет нужды – см.: [Ануфриева 2021:6–27].

¹² Очевидность позиции о недостаточности одного лишь предмета (объекта регулирования) для создания отрасли международного права подтверждается высказываниями со стороны многих отечественных международников (А.И. Йойрыша, Ю.М. Колосова, Д.Б. Левина, С.А. Малинина, Д.И. Фельдмана, Е.А. Шибяевой и др.).

специфических норм (принципов) в определенном массиве международно-правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений, образует критерий для выявления самостоятельности их в рамках отрасли права.

О международно-правовых принципах как критериях отраслеобразования и структурирования системы международного права говорил, помимо Е. Т. Усенко [Усенко 1988:124-125; Усенко 2008:115-119], и В.А. Карташкин¹³. Хотя и вне контекста основ систематики МП, но по существу понимания, что такое отраслевые принципы, высказываются и западные деятели международного права, к мнениям которых вполне можно присоединиться. В частности, в цитирувавшемся докладе КМП ООН 2006 г. присутствуют следующие утверждения: «Каждому нормативному комплексу или "режиму" присущи свои собственные принципы, своя собственная форма экспертизы и свой собственный этос, который необязательно идентичен этосу соседней отрасли. Например, торговое право и право окружающей среды преследуют сугубо специфические цели и базируются на принципах, которые могут зачастую указывать в разные стороны»¹⁴.

Как представляется, эволюция взглядов на природу, структуру, отраслевое деление и систему международного права как нельзя лучше отражает процессы в самом международном праве, которое в ряде периодов развивалось революционно. В частности, в 70–80-х гг. XX столетия дебатировался вопрос о необходимых свойствах, которым должно удовлетворять отраслевое распределение международно-правовых норм, в то время как чуть ранее, в 50–60-е гг., отрицался статус международного права вообще как системы: оно «не является упорядоченной системой согласованных норм; в лучшем случае – это кон-

гломерат норм различного происхождения, более или менее произвольно систематизируемых авторами» [Wolfke 1993:95]¹⁵.

В обобщенном виде предложения, выдвинутые в правовой литературе в части систематики МП¹⁶, касаются ряда факторов, которые детерминируют в соответствующих случаях выделение совокупностей норм, претендующих на статус отрасли международного права. Среди них, во-первых, специфичность юридических норм и способов их создания (например, права международных организаций – Е.А. Шибаева); во-вторых, качественная обособленность отношений (С.А. Малинин); в-третьих, заинтересованность международного сообщества в развитии такой отрасли и совершенствовании специализированного правового регулирования конкретного вида / группы общественных отношений (скажем, «атомного права» – А.И. Йойрыш)¹⁷; в-четвертых, присутствие большого объема нормативного материала и его «сквозной» характер для соответствующей области отношений (Ю.М. Колосов). Фундаментальным выводом в отношении системы в целом и отраслеобразования в международном праве, в частности, нужно признать утверждения советских ученых прежде всего об *объективности* (противопоставленной произвольным конструкциям) *характера системы международного права*, которая опосредствует его внутреннее качество, обусловленное свойствами и закономерностями регулируемых им общественных отношений [Курс международного права... 1989:242].

Отсюда следует заключение об объективности возникновения и формирования также и составных частей системы – отраслей (подотраслей / институтов / субинститутов) международного права. В этом русле лежит еще и такой вывод: од-

¹³ См.: Карташкин В.А. Права человека и мирное сосуществование. Автореф. дисс...доктора юрид. наук. Москва. 1977.

¹⁴ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Марти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 15. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

¹⁵ Отрицалась, как известно, даже обязательная природа международного права, само качество быть «правом» [Hart 1961:215–217].

¹⁶ Развернутый спектр мнений по вопросу о различных критериях, предлагаемых отечественными международниками, присутствует в статье Д.И. Фельдмана [Фельдман 1979: 105–107].

¹⁷ Нужно признать: такой критерий трудно поддается идентификации. Тем не менее, любопытно, что это перекликается с упоминавшимся докладом Исследовательской группы КМП ООН по вопросу о фрагментации международного права 2006 г., в котором говорилось о «политических обязательствах», возлагаемых «на правоприменителей, увязывать свои решения с предпочтениями и ожиданиями общества, чье право они претворяют в жизнь». См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Марти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 25. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

ним из отраслеобразующих признаков в международном праве служит наличие у нормативного образования собственных принципов, хотя и базирующихся на основных его принципах. При этом очень важна классификация принципов международного права и принадлежность их к тому или иному разряду. Иными словами, в отличие от отраслей национального права, которые в силу внутригосударственной природы уже специфицированы *inter se*, обладая лишь свойственными их объекту регулирования принципами, международное право как система располагает несколькими категориями принципов. Этот вывод становится центральным для решения многих задач международно-правовой науки: «Положения общей теории права относительно критериев правовых систем, развитые главным образом на основе обобщения нормативного материала национального права, могут быть использованы при исследовании системы международного права лишь с учетом ее своеобразия» [Курс международного права...1989:243]. При этом, по мнению Д.И.Фельдмана, интегративные свойства системы выражаются в том, что «системообразующие компоненты единого целого в отличие от суммативного целого обладают общим качеством, которое отсутствует у них вне системы». И далее: «Для того, чтобы придать совокупности элементов свойство системы, нужно, чтобы в такой совокупности были объединяющее начало, принципы, оси, хребет, связующее звено, когда (по Канту) «целое главенствует над частями» [Фельдман 1983:4]. Нельзя не подчеркнуть, что в рассматриваемом вопросе отечественная (советская) международно-правовая школа если не опережала, то, по крайней мере, не отставала от иностранной доктрины (Р. Дворкин, Дж. Раз, А. Аарнио и др.), что выразилось в упрочении системного мышления, о котором в более масштабном измерении стали говорить в КМП ООН в начале XXI в.: «...правовое толкование и таким образом правовое обоснование создает системную взаимосвязь между нормами и принципами, выстраивая их в качестве элементов, составляющих часть каких-либо человеческих начинаний или целей. Отнюдь не являясь

чисто «академическим» юридическим упражнением, системное мышление проникает во все области правоведения... Это проистекает именно из «группового» характера, который обрели правовые нормы и принципы»¹⁸. В развитие сказанного для теории и практики правоприменения (и особенно толкования норм международного права), предложен даже новый концепт – «системная интеграция».

В работах Д.И. Фельдмана и отчасти Е.Т. Усенко красной нитью проходит также мысль об автономности определенной группы норм как о неперменном свойственном отраслевому делению признаке. Хотя Е.Т. Усенко сам признает его неточность и неконструктивность – своего рода инструмент определения *idem per idem*: «Критерий автономности бесспорен, – пишет он, – но сам по себе ничего не решает. Если мы говорим о группе норм, значит, предполагаем ее выделенность, в какой-то мере автономность. Но на чем основывается эта автономность? Данный критерий ответа дать не может» [Усенко 2008:114]. Можно, конечно, указать на специфику объекта регулирования, но это – второй виток хождения по кругу, и для решения вопроса о существовании отрасли, как было отмечено, этого недостаточно. Не будет лишним добавить еще одно замечание: дискутируемая автономность отрасли обладает относительностью, но для ее формирования в рамках системы МП требуется такой элемент, как принципы.

В ходе дальнейшего развития позитивного международного права и науки, его изучающей, системные и структурные теоретические положения (во всяком случае то, что касается признаков, определяющих отраслевое деление норм международного права, их качества, перечень, формирование и виды), до сих пор не получили всесторонней, научно обоснованной и развернутой интерпретации. Факт вычленения отраслевых принципов в процессе функционирования международного права поддерживается и международной судебной практикой. В решении по спору между Сальвадором и Гондурасом от 13 сентября 1990 г. МС [ООН] исходил из наличия *принципов морского права*¹⁹. В рассмотрении

¹⁸ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 25. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

¹⁹ См: International Court of Justice: Case Concerning Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador v. Honduras). Judgment of 13 September 1990. – *I.C.J. Reports*. 1990. P. 126. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/75/075-19900913-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020).

спора по делу «Габчиково – Надьмарош» тот же Суд, затрагивая вопрос о «принципе предосторожности», хоть и не подтвердил его статус как *принципа международного экологического права* с точки зрения нормативной завершенности выражения, но, как видно, связывал его именно с отраслью экологического права²⁰. В то же время Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации в деле «ЕС – Гормоны», оценив доказательства сторон, наоборот, пришел к заключению, что «принцип предосторожности в общем международном праве не получил должного закрепления, но является отраслевым принципом международного экологического права (курсив мой. – Л.А.)²¹. Причем Апелляционный орган указал, что, хотя этот принцип, вероятно, «кристаллизовался в общий принцип обычного экологического права, четко заявить, что он стал частью общего обычного права, невозможно». В другом деле третейская группа постановила, что «юридический статус принципа предосторожности остается неурегулированным» и ей «нет необходимости определять, действительно ли принцип предосторожности является признанным принципом общего или обычного международного права»²². В этой связи следует отметить, что в доктрине встречаются различные ситуации: некоторые отраслевые принципы признаются, во-первых, принципами общего международного права, во-вторых, его императивными нормами, а в-третьих, кумулятивно и еще более конкретно – *jus cogens*. Так, в отношении *mare liberum* (исторического принципа «свободы морей») М. Шоу полагает, что в современном морском праве «принцип свободы открытого моря» стремительно стал *основным принципом* международного права [Shaw 2017:490].

Насущным с исследовательской точки зрения вопросом выглядит не столько то, как ча-

сто международные судебные и арбитражные учреждения обращаются к отраслевым международно-правовым принципам, ибо факт их существования в международном праве не подвергается сомнению, сколько механизмы возникновения отраслевых принципов, обеспечение их связи с основными принципами и воздействие последних на развитие юридического содержания отраслевых принципов. Разумеется, процессы формирования отраслевого принципа в каждом отдельном случае могут отличаться, однако парадигмы связи и влияния на них со стороны основных принципов не могут не быть схожими.

Примечателен пример космического права в части появления основополагающего для него принципа свободы использования космического пространства и свободы пролета над воздушным пространством, входящим в состав государственной территории и подпадающим под действие суверенитета государства. Ю.М. Батурич пишет по этому поводу: «Интересный исторический факт: исходный «строительный блок» космического права не просто предшествовал старту первого в мире космического объекта, ... сам запуск спутника в США зависел ... от результата обсуждения одной из предполагаемых международно-правовых норм» [Батурич 2005:1]. Автор именует «исходный строительный блок» космического права международно-правовой нормой, хотя на самом деле речь должна идти, конечно же, о ведущем отраслевом принципе международного космического права. Важно отметить другое: в данном случае имел место своего рода парадокс, активная *национальная* космическая деятельность, которую вели поначалу две державы – СССР и США, требовала создания определенного *международно-правового* базиса (и прежде всего, принципиальной основы) ввиду колоссальной значимости объекта правового ре-

²⁰ См: International Court of Justice: Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros. (Hungary v. Slovakia). Judgment of 25 September 1997. – *I.C.J. Reports*. 1997. P. 62, 65. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/92/92-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 05.05.2021). Добавим, что КМП ООН иначе резюмировала свою позицию по затронутому предмету: «... Экологическое право, ... которое, как часто считают, снабжено специальными принципами, такими, как принцип предосторожности, "загрязнитель платит" и "устойчивое развитие", которые являются руководством для решения экологических вопросов». См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскениеми. 13.04.2006. С. 77. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (accessed 05.03.2021).

²¹ World Trade Organization: Communities – Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones). 1998. Paras. 123–125. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:WT/DS/26ABR-00.pdf&Open=True> (accessed 12.01.2021).

²² World Trade Organization: EC – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products 2006. Para. 7.89. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/291r_3_e.pdf (accessed 12.01.2021).

гулирования – межгосударственных отношений, самой сферы, в которой они осуществлялись, а также теоретической разработанности понятийной базы («космическое пространство», «космические объекты», «летательные аппараты», «космическая деятельность» и др.).

Масштабное соперничество и даже противостояние двух великих держав – Советского Союза и США – в 1950-е гг. в производстве новых видов энергии и освоении космического пространства осуществлялось прежде всего в военных целях, т. е. для обеспечения безопасности за счет создания новых видов оружия, в частности, баллистических крылатых ракет, разведывательных спутников и пр. Впервые то, что ныне известно как «доктрина открытого неба», прозвучало в середине 1950-х гг. Решение о запуске американского научного спутника было принято в качестве американского вклада в проведение Международного геофизического года – совместной программы 1957-58 гг. с участием 67 ученых, на основе резолюции Международного совета научных союзов 1954 г., которая нацеливала на запуск искусственных спутников для содействия картографированию Земли. В силу ряда стратегических и тактических причин политического характера, а также действия психологических факторов запуск первого искусственного спутника Земли СССР был смещен назад с 6 на 4 октября 1957 г. С этого момента начался отсчет первого этапа в формировании доктрины открытого неба, а также иных специальных принципов международного космического права.

Вот как описывают в литературе соответствующие обстоятельства: «Спутник делал виток за витком, пролетая над территорией многих стран. США внимательно следили за их реакцией. Дипломатических демаршей и протестов в мире не последовало...: «Русские ненамеренно создали для нас хорошую ситуацию для утверждения принципа свободы космического пространства», – сказал заместитель министра обороны США...» [Батурин 2005:9].

Запуск Советским Союзом 3 ноября 1957 г. второго, «биологического» спутника Земли с собакой Лайкой на борту, практически через месяц

после первого, ознаменовал не только успешное завершение начального этапа в освоении космического пространства, но и кардинальный перевес в политическом измерении в пользу СССР, а вместе с тем и возникновение иных отраслевых основополагающих норм международного космического права: использование космического пространства исключительно в мирных целях²³; нераспространение ядерного оружия на «третью среду» (космос), неразмещение там прочих видов вооружений. Со временем основные принципы уважения суверенитета и равноправия, сотрудничества государств обеспечили формирование целого блока норм международного права – «общего достояния» или «общего наследия человечества» и т. п. как ведущих принципов ряда отраслей, в том числе международного космического, международного морского, международного гуманитарного права и др.

Функционирование отдельных звеньев либо конкретных инструментов в механизмах влияния основных принципов на возникновение и развитие отраслевых принципов разнится, но имеется некий общий «заряд» – прежде всего, их высокий уровень абстракции (обобщения), который позволяет осуществить «разворот» на специфический объект регулирования именно той грани основного принципа, которая в наибольшей степени соотнобразится с ним. В этом смысле можно говорить о наличии некоей связки (парных категорий) в рядах основных и отраслевых принципов международного права. Примерами могут служить, скажем, основные принципы МП и отраслевые принципы МЭП: уважение государственного суверенитета и суверенного равенства (основной принцип) и принцип неотъемлемого суверенитета государств над своими естественными ресурсами; принцип сотрудничества (основной принцип, закрепленный в Уставе ООН) и принцип сотрудничества в целях развития; принцип неприменения силы и угрозы силой как основной принцип общего международного права и принцип запрета принудительного взыскания долгов (в более широком ключе – использования силы в международных экономических отношениях)²⁴.

²³ См.: письмо Президента США Н.А. Булганину от 13 января 1958 г.: «Мы согласны с тем, что космическое пространство будет использоваться только в мирных целях» [Батурин 2005:11]. Кроме того, см.: Генеральная Ассамблея ООН: Резолюция № 1348 (XIII) от 13 декабря 1958 г. «Вопрос об использовании космического пространства в мирных целях». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/1348%28XIII%29> (дата обращения: 12.01.2021).

²⁴ См.: UN General Assembly: Resolution No. 3281 (XXIX) dated December 12, 1974 "Charter of Economic Rights and Duties of States". URL: [https://undocs.org/en/a/res/3281\(XXIX\)](https://undocs.org/en/a/res/3281(XXIX)) (accessed 14.01.2021).

Будущность отраслевой разветвленности в рамках системы международного права трудно однозначно предсказать. Однако в свете изложенного представляется немаловажным подчеркнуть, что искусственное выделение в МП отраслей или «размножение» последних правоведами на бумаге, в отрыве от реалий жизни и международной практики, контрпродуктивно. Примечательно, что еще в начале 70-х гг. прошлого столетия Генеральным секретарем ООН был предпринят обзор международного права в свете решения КМП ООН составить список тем для включения в долгосрочную программу ее работы по кодификации и прогрессивному развитию международного права²⁵. В нем содержалось 17 глав, часть из которых соотносилась с отраслями или общесистемными институтами международного права: право международной безопасности; право экономического развития; ответственность государств; правопреемство; дипломатическое и консульское право; право договоров; морское право; воздушное право; космическое право; право окружающей среды; право международных организаций; права человека; право вооруженных конфликтов; международное уголовное право и др. Как видно, с тех пор не столь многое изменилось в структуре международного права и количественном росте его отраслей, здесь наблюдается скорее устойчивость, нежели угрожающие темпы подвижности.

4. Специальные принципы в международном праве

Как указывалось ранее, этот разряд принципов заслуживает отдельного места в системе международного права, в том числе в системе принципов. Специальные принципы действуют в *конкретных областях сотрудничества* субъектов МП: например, в сферах международной безопасности, военного сотрудничества, охраны культурных ценностей, правовой помощи или образования, науки, техники, передачи технологий и инноваций (международное научно-техническое сотрудничество), банковского, таможенного, страхового дела, торговли, финансов, кредитно-денежных, валютных или инвестиционных и прочих отношений, реализуемых как в институционализированных, так и не инсти-

туционализированных формах (традиционных, «классических» международных организаций и / или интеграционных объединений и др.), в которых создаются так называемые автономные / «замкнутые» / специальные договорные режимы. Скажем, принципы международного научно-технического сотрудничества, содействия развитию новейших технологий в развивающихся странах в эпоху «четвертой промышленной революции», роста уровня наукоемкости экономик и их диджитализации (цифровизации) приобрели несомненную специфичность и автономность по отношению к основам правового регулирования других сфер человеческой деятельности. Определенной автономизации правового режима подвержено в настоящее время даже регуляторное взаимодействие государств, осуществляемое в условиях отсутствия институционализации, – если речь идет, к примеру, о параорганизациях (БРИКС).

В свете сказанного ранее распределение по разным группам отраслевых и специальных принципов в рамках международного права – вопрос отнюдь не схоластический. Конкретизация видового многообразия принципов, уточнение их места в структуре нормативного массива МП и, наконец, упорядочение терминологии требуются для целей совершенствования регулирования. Нет нужды лишней раз доказывать, что учет всего спектра отличительных черт (регулируемых общественных отношений, которые обладают соответствующей индивидуальностью по отношению к их «внешнему ряду» и одновременно внутренней общностью *inter se* создаваемых норм, целей и задач, стоящих перед правовым регулированием, избираемых способов воздействия на регулируемый объект и др.) крайне важен для обеспечения эффективности рассматриваемого процесса.

Следовательно, и подход к специальным принципам в двух разных ситуациях, когда речь идет о регламентации сотрудничества в конкретных областях при отсутствии институционализации (предположим, МНТС) либо же о договорных автономных («самодостаточных») режимах, – должен быть дифференцирован. Дополнительным обстоятельством, усиливающим важность разграничения, специфичность множества факторов влияния и в силу этого специ-

²⁵ См.: UN International Law Commission: Report of the International Law Commission on the work of its twenty-third session, 26 April-30 July 1971. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_8410.pdf (accessed 14.01.2021).

ализацию регулирования, а соответственно, и роль «специальных» принципов, служит классификация и идентификация самих объединений и действующих в них правовых режимов в зависимости от того, являются ли они обычными межгосударственными объединениями, т. е. «классическими» международными организациями (ММПО – универсальными или региональными) либо образованиями интеграционного типа. Для последних, помимо самой природы объединения государств, заключающейся в импульсах к интеграции и сообразной этому направленности связей и сотрудничества в целом, со всеми присущими особенностями, характерен регионализм (в противовес «классическим», в большинстве случаев универсальным международным организациям), а значит, комбинация рычагов воздействия неправового (политического, исторического, этнического, иногда религиозного или иного), но чрезвычайно важного, порою детерминирующего порядка.

И если для некоторых сфер правового регулирования международного сотрудничества вопрос о принципах представляется довольно прозаическим, то применительно к так называемым договорным «самодостаточным» / автономным, специальным и т. п. режимам он далеко не рядовой. В связи с этим уместно упомянуть *inter alia*, что этот аспект в современной отечественной литературе зачастую рассматривается лишь в самых общих чертах, что нередко сопряжено с проблемами фрагментации международного права.

Иначе выглядит состояние дел в иностранной доктрине. В частности, Б.Зимма и Д.Пулковски в статье с говорящим названием «О планетах и Вселенной: самодостаточные режимы в международном праве» незамедлительно вслед за опубликованием доклада КМП ООН о фрагментации МП затронули злободневные и фактически неразработанные грани автономных режимов. По многим вопросам (приемлемости самого термина, «исключительности» специального режима, соотношения с общим международным правом и др.) они выступили критически настроенными оппонентами идей участников дискус-

сии в Комиссии международного права [Simma, Pulkowski 2006:483–530]. Настоятельность качественного анализа и в России, и за рубежом указанных и прочих аспектов «автономных», «самодостаточных», специальных и т.д. «договорных режимов» не утрачена до сих пор.

Данная ремарка тем более применима к принципам, действующим в рамках последних. Действительно, тематика, касающаяся принципов подобного рода, заслуживает интереса к себе в силу разных обстоятельств. Прежде всего, эти принципы, не будучи ныне классифицированными в качестве отдельного видového понятия в научном аппарате МП, следовательно, и не выступая основательно изученным предметом, пока не привлекают внимание теоретиков международного права. Да и само явление, касающееся непосредственно автономных, специальных, «самодостаточных» договорных режимов, неоднозначно воспринимается международно-правовой доктриной. Его обсуждение в ходе подготовки материалов по теме в рамках деятельности КМП ООН, содержание Доклада Исследовательской группы под руководством М. Коскенниemi о фрагментации международного права и развернувшиеся по этому поводу дебаты со всей очевидностью подтверждают такое наблюдение²⁶. Упомянутый выше обзор Генерального секретаря ООН, наметивший направления тем и разработок для КМП, да и сами текущие материалы Комиссии свидетельствуют о возникновении новых витков теоретических споров по, казалось бы, неожиданным вопросам. В частности, при исследовании проблемы фрагментации МП и «самодостаточных» договорных режимов, как сама Комиссия международного права ООН²⁷, так и не связанные на тот момент с ее работой представители науки пришли к совпадающему мнению о существовании в настоящее время по крайней мере четырех примеров подобного рода: «подсистем, которые часто ассоциируются с понятием «автономных режимов», – дипломатического права, права Европейского сообщества, ВТО и прав человека» [Simma, Pulkowski 2006:483]. КМП ООН допускает расширение

²⁶ Отношение авторов к названному явлению отражается в самих заголовках некоторых публикаций [Lindroos, Mehling 2005:860–866].

²⁷ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Марtti Коскенниemi. 13.04.2006. С. 69–73. <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

списка, включая в него гуманитарное право, космическое и экологическое право²⁸. В современных условиях едва ли не самым устоявшимся «самодостаточным» режимом считается право международной ответственности. Приведенные суждения заставляют задуматься над очередной каверзной задачей: нет зашло ли в тупик традиционное построение системы МП? Ведь налицо гипотетическая утрата этой системой своего «двоичного» алгоритма развития: общее / целое (система) – часть (отрасль / подотрасль) за счет смешения или комбинации структур отрасли и автономный (специальный) режим!

Представляется, однако, что тотального распространения автономных режимов и тем самым поглощения ими отраслей МП не произойдет, поскольку строй отрасли и строй автономного режима существенно разнятся: в отрасли – одномерный (линейный), а в автономном режиме – многомерный, разнопорядковый и разнонаправленный. Кроме того, противопоставление общего и специального (а именно это и составляет суть правового феномена в случае «самодостаточно» правового режима) объективно присутствует в отрасли гораздо в меньших масштабе и концентрации за счет гомогенности регулируемых общественных отношений. Стоит только обратиться к примерам интеграционных объединений или к некоторым международным организациям (скажем, ВТО, МВФ, МБРР), чтобы понять, насколько неоправданно говорить о тождественности отраслей международного права и автономных специальных режимов». Кроме того, это неизбежно послужило бы триггером для разрушения

всей системы международного права, несмотря на сегодняшнюю оптимистичную риторику, оперирующую инновационными понятиями системного мышления, системной интеграции и т. п.

Специальные принципы автономных режимов. Лаконичный, но не всеми принимаемый ответ на вопрос, отраженный в подзаголовке, можно получить, обратившись к основополагающему документу КМП ООН – докладу М.Коскенниemi о фрагментации международного права, где указывается: «Такие области, как «право в области прав человека», «право ВТО», «европейское право» / право ЕС, «гуманитарное право», «космическое право», среди прочих, часто называют «специальными» в том смысле, что нормы общего международного права предположительно изменены или даже исключены при их применении. Часто говорят о «принципах международного экологического права» или «принципах международного гуманитарного права», имея в виду, что в определенной степени эти принципы отличаются от того, что общее право предусматривает для аналогичных ситуаций»²⁹.

Может создаться впечатление, что явление автономных режимов (self-contained regimes) возникло вследствие бурного развития международно-правовых норм, их специализации и диверсификации, приведших к обширной фрагментации международного права, о которой говорили лишь в конце XX–начале XXI вв. Между тем терминологически и фактически с этим явлением можно столкнуться еще в практике Постоянной палаты международного правосудия (дело «Уимблдон», 1923 г.³⁰).

²⁸ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 73. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

²⁹ Там же.

³⁰ Permanent Court of International Justice. Case of the S.S. "Wimbledon". Judgment of 17 August 1923. URL: https://legal.un.org/PCIJsummaries/documents/english/5_e.pdf (accessed 16.01.2021). Несмотря на известность дела, нелишне остановиться на нем ввиду почти классической чистоты некоторых характерных черт затрагиваемого предмета. В споре шла речь о праве, применимом к плаванию военных и иных судов по Кильскому каналу, построенному Германией на своей территории и до 1919 г. имевшему статус внутреннего водотока государства, которому принадлежали оба берега. Версальским договором 1919 г. Кильский канал не был приравнен к другим внутренним судоходным водотокам в Германской империи. В его тексте есть особые правила, предназначенные исключительно для Кильского канала, во многом отличавшиеся регулирования прочих внутренних судоходных водотоков империи. Конкретное же различие заключалось в том, что Кильский канал был открыт для прохода военных кораблей и транзита *всех государств, не воюющих с Германией*, тогда как общие правила предусматривали свободный доступ к ее внутренним судоходным водотокам только для союзных и ассоциированных держав. Поэтому режим Кильского канала, как указывается в упомянутом Докладе КМП ООН, имел «автономный характер», что означает исключение действия положений, касающихся других водотоков. См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 66-67. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

Между тем обозначенный ракурс обладает далеко не до конца раскрытой научной и практической значимостью. Целесообразно выделить важнейшую «стыковую» проблематику: к примеру, вопросы о широком или, наоборот, узком понимании термина автономный / специальный режим, об абсолютности и / или относительности «замкнутого» характера автономных режимов, о видах их «исключительности», о соотношении *общих* и *специальных* норм международного права, «жестких» («концентрированных») и «слабых» («разбавленных») формах *lex specialis* и т. п., что служит ключевыми предпосылками в исследовании такого понятия, как «специальные принципы» в международном праве. Именно эти моменты и являются, собственно говоря, преобладающими при установлении существа того, что называется специальными, или «самодостаточными», т. е. автономными договорными режимами, требуя самостоятельной проработки³¹.

При изучении обозначенной проблематики следует подчеркнуть, что и в отдельных областях сотрудничества, и в рамках функционирования автономных / договорных правовых режимов, включая международные организации (Всемирную торговую организацию (ВТО) или Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и т. п.) либо интеграционные объединения (ЕС, ЕАСТ, ЕАЭС, Андское сообщество наций, НАФТА, МЕРКОСУР; проект будущего: «Панафриканское экономическое сообщество» (ПАЭС) — организация государств Африканского союза, создающая основы для взаимного экономического развития среди большинства государств африканского региона, в цели которой входит создание зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, центрального банка и единой валюты, т. е. экономического и валютного союза; Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС - ECOWAS), Восточно-Африканское сообщество (ЕАС), Общий рынок для Восточной и Южной Африки (COMESA); и др.). Первостепенное значение в регулировании соответствующих отношений имеют, разумеется, основные принципы международного права.

Несмотря на то, что такое утверждение, - произведя все необходимые грамматические согласования. Так, специалисты, занимающиеся изучением взаимных связей РФ с иностранными государствами, обращаясь к конкретным сферам взаимодействия государств, отмечают, что имплементация отдельно взятых принципов «не должна быть изолирована от реализации международных принципов деятельности межгосударственных объединений, в которых Россия является участницей, в частности, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, а также общепризнанных принципов международного права» [Поветкина 2017:70]. В целом, конечно же, общий смысл наблюдений верен: неразрывность всего комплекса международно-правового регулирования по отношению к основным принципам международного права, о какой бы его части ни говорилось, в том числе и в рамках различных по природе международных объединений (БРИКС, ШОС, ЕАЭС или СНГ и т.д.), очевидна. Однако акцент, думается, должен быть поставлен на ином: стоит подчеркнуть не столько принципы деятельности самих организаций, сколько принципы сотрудничества государств в этих образованиях. Это в корне поменяет дело, ведь существенны не принципы деятельности какой-либо организации, функционирующей в соответствующей сфере (военная безопасность, экономика, наука, техника, здравоохранение, образование, экология, культура и т. п.), а принципы взаимодействия государств друг с другом в рамках данного образования, которые закладываются в его основу с самого начала в силу специфики решаемых задач. В этом плане принципы интеграционного взаимодействия существенно отличаются от принципов координации сотрудничества в международных организациях «классического» типа, хотя понятно, что и те, и другие будут корнями уходить к основным принципам международного права. При этом, подчиняясь определенным отраслевым принципам МП в зависимости от сферы деятельности организации (к примеру, в ВТО это многосторонняя международная торговля, в Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития – валютно-финансовая и инвести-

³¹ Помимо материалов КМП ООН, указанных ранее, см. решение вопросов о *lex specialis* в процессе выработки проекта Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, об определении видов «исключительности» автономных режимов, соотношения *lex generalis* и *lex specialis* и др. в: UN International Law Commission: Third report on State responsibility, by Mr. James Crawford, Special Rapporteur. Para. 420. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_507.pdf (accessed 16.01.2021).

ционная деятельность, в ИКАО – организация межгосударственного взаимодействия в области воздушного сообщения, безопасности международных полетов гражданской авиации; в ИМО, ИНМАРСАТ – координация международного морского судоходства, связи и эксплуатации ресурсов Мирового океана; в Интерспутнике, Европейском космическом агентстве – исследование и освоение космического пространства; в ОБСЕ, ОБМДА, МАГАТЭ и др. – сотрудничество и контроль для целей международной безопасности), специальные принципы будут служить сущностным проявлением и содержательным воплощением основных принципов МП.

В российской юридической литературе недавнего времени появилось немало «нетривиального» в решении краевых вопросов интеграционного сотрудничества. Так, в одной из новейших публикаций при рассмотрении правового регулирования интеграции, включая понятия системы права и правовой системы, а также принципов и соотношения права интеграционного сообщества («коммунитарного права») с общим международным правом, говорится об автономности правового режима соответствующего образования, которая простирается до такой степени «особости» его права (к примеру, ЕС), что мысль о его сегрегации по отношению к международному праву в целом покажется не только закономерной, но едва ли не приведет к прямо противоположному выводу – о доминировании над МП права ЕС. В частности, И.М. Лифшиц полагает, что «институты ЕС ... устанавливают собственные базовые фундаментальные нормы и принципы, которым не могут

противоречить нормы международного права» [Лифшиц 2020:227]. Пожалуй, с этим категорически нельзя согласиться, ведь именно нормы Устава ООН расставляют здесь все точки над *i*, указывая в ст. 103, что «в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Никаких сомнений: нормы Устава ООН превалируют над любыми иными правилами, в том числе и над нормами региональных соглашений³², выступая соответствующим мерилom правомерности.

Следовательно, общий вывод, касающийся специальных принципов, в том числе тех, что определяют автономный договорный режим в рамках интеграционных объединений, таков: юридическим фундаментом служат основные принципы международного права, а их конкретизация должна реализовываться в специальных принципах каждого интеграционного объединения индивидуально, ибо нет принципов интеграционного взаимодействия государств отдельно от общего международного права и его основы, но каждое объединение строит сотрудничество входящих к его состав государств-членов, руководствуясь целями, задачами и интересами, зафиксированными совместно в учредительных актах сообщества при условии их непротиворечия действующим императивным нормам общего международного права и, разумеется, как подчеркивалось ранее, прежде всего нормам Устава ООН. В силу этого принципы интеграции в ЕС отличаются от принципов интеграционного сотруд-

³² Надо заметить, что и сами решения Суда ЕС не идут вразрез с приведенными нормами Устава ООН: в деле «*Kadi v. Council and Commission*» Суд первой инстанции Суда справедливости Европейского Союза, охарактеризовал *jus cogens* как «свод наивысших норм международного публичного права». См.: European Court of Justice: Yassin Abdullah Kadi v Council of the European Union and Commission of the European Communities. Judgment of the Court of First Instance (Second Chamber, extended composition) of 21 September 2005. Para 226. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=82FE99DA5F576CBBE27B29B1EC7E6D8C?text=&docid=59906&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&oc=s=first&part=1&cid=14470819> (accessed 17.01.2021). И хотя магистральный вектор в упомянутой части практики этого судебного учреждения не является устойчивым (в публикациях названного автора справедливо указывается и на это), при всех прочих условиях большим весом обладает соответственно та правовая позиция, которая получила положительный отклик в международном масштабе. В данном случае это подкрепляется и европейской доктриной (см.: [Conklin 2012:837–861]), и констатациями КМП ООН (см.: International Law Commission. Sixty-ninth session. Geneva, 1 May–2 June and 3 July–4 August 2017. См.: UN International Law Commission Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. P. P. 3/47–4/47. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/706> (дата обращения: 17.01.2021). Вообще указание на приверженность принципам международного права содержится в учредительных актах ЕС и практике Суда ЕС. Вместе с тем вряд ли было бы уместным упрощение проблем – об этом свидетельствуют различные подходы к определению соотношения правопорядка ЕС и международного права. См.: Исполинов А. Дело Achmea, автономный характер права ЕС и права ЕАЭС и бесславный закат концепции «интеграционного права». – *ЗаконРy*. 29.03.2021. Доступ: https://zakon.ru/blog/2021/3/29/delo_achmea_avtonomnyj_harakter_prava_es_i_prava_eaes_i_besslavnyj_zakat_koncepcii_integracionnogo_p (accessed 17.01.2021).

ничества в Евразийском экономическом союзе, а руководящие нормы права «Андского сообщества наций» – от права МЕРКОСУР («Южноамериканского общего рынка»), равно как принципы НАФТА отличаются от принципов Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и т.д. Для сравнения: право ЕС, не вполне «гомогенное» с точки зрения формально-юридической оценки фундаментальной основы, поскольку оперирует принципами, «ценностями», а также «ценностями общественного устройства», располагает принципами subsidiarity, пропорциональности, равенства государств-членов, уважения национальной индивидуальности, лояльного сотрудничества, взаимного уважения и содействия друг другу в выполнении задач, вытекающих из Договоров (ст. 4 Маастрихтского договора). В числе шести принципов как *ценностей* Союза, закрепленных в ст. 2 ДЕС, значатся: человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, господство права, соблюдение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Помимо этого, существуют еще шесть ценностей, указанных в качестве *признаков общественного устройства* государств-членов: плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность, равенство женщин и мужчин³³.

Право Евразийского экономического союза (ЕАЭС) строится на принципах, перечисленных непосредственно в ст. 3 Договора о ЕАЭС: уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. При этом в преамбуле учредительного акта ЕАЭС недвусмысленно обозначены приверженность «целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нор-

мам международного права», стремление к «укреплению экономического взаимовыгодного сотрудничества» с другими странами, международными интеграционными объединениями и международными организациями, учет норм, правил и принципов Всемирной торговой организации.

Другая пара интеграционных сообществ, объединяемых, пожалуй, лишь формально общностью организационно-правовой формы интеграции в виде зоны свободной торговли, – ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли) и НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле, ныне USMCA) – не только с позиций принципиальной основы, но и по многим иным важнейшим параметрам выглядит контрастно, что подтверждает справедливость вышеприведенного тезиса о коренных различиях в устройстве и организации интеграции. Так, в учредительном акте ЕАСТ в первостепенном порядке фиксируется формат объединения с закреплением того, что «учреждается международная организация «Европейская ассоциация свободной торговли», в дальнейшем именуемая «Ассоциация»» (ст. 1) и перечислением принципов: содействие и углубление сотрудничества по либерализации торговли, последовательное достижение целей свободы перемещения лиц, товаров, услуг, инвестиций, охрана прав интеллектуальной собственности, в том числе с установлением в определенных областях принципа национального режима, на основе соблюдения условий добросовестной и справедливой конкуренции, обеспечения экономического роста, устойчивого развития и др. Иными словами, недвусмысленно (причем положительно) решается вопрос о международной правосубъектности организации. В противовес этому новое соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA), вступившее в силу с 1 июля 2020 г., не сохранило даже в названии упоминания о сотрудничестве в рамках северо-американской зоны *свободной торговли* трех государств, реально обеспечив такую лишь для США, а в целом перешло на рельсы протекционизма и двусторонних обменов, прежде всего, со стороны США³⁴.

³³ Суд ЕС объявил эти ценности основой существования ЕС, продвижение которых является целью ЕС, в том числе на международной арене в соответствии со ст. 3 ДЕС. Иллюстрацией усилий ЕС по поддержанию и сохранению *принципа господства права Союза* стало разрешение Судом ЕС дела о признании изменений польского законодательства, сокращающих срок полномочий судей Верховного суда, противоречащим ДЕС [Лифшиц 2020:105].

³⁴ См.: Школяр Н. Новое НАФТА: свободная торговля под прицелом протекционизма. – *Российский совет по международным делам*. 8.02.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/united-states/novoe-nafta-svobodnaya-torgovlya-pod-pritselom-proteksionizma/> (дата обращения: 22.12.2020).

Право Всемирной торговой организации (ВТО) и принципы права ВТО. Особое место среди договорных правовых режимов занимает право ВТО и, в свете рассматриваемого предмета, принципы права ВТО. Вместе с тем право ВТО – не только «правовой режим, действующий в рамках международной организации», который регулирует ее учреждение, совершенствование и развитие, реализацию право-, дееспособности, права и обязанности согласно международному праву и национальному праву страны местонахождения штаб-квартиры организации, отношения с другими международными органами или учреждениями и субъектами международного права, прекращение деятельности и т. д., но это еще и правовой фундамент обеспечения функционирования международной *многосторонней торговой системы*. Соответственно принципы права ВТО включены органически и в данную систему со всеми ее особенностями, и в процесс достижения провозглашенных в учредительном акте целей и задач. Не имея возможности специально останавливаться на данном вопросе³⁵, отметим лишь самое существенное: принципы недискриминации (запрета дискриминации) в торговле, наибольшего благоприятствования (установления режима наиболее благоприятствуемой нации), национального режима, преференциального режима в пользу развивающихся стран, взаимности и взаимной выгоды, свободы и либерализации торговли, свободы конкуренции, транспарентности (прозрачности), запрета использования скрытых барьеров в торговле как средства конкурентной борьбы, – это полноценные правовые принципы, т. е. руководящие предписания, выраженные юридически как нормы права ВТО, которые должны регулировать взаимоотношения участников международной торговли, являющихся членами ВТО. Вместе с тем отнесение вышеуказанных норм к специфическим принципам международного торгового права, а еще шире – международного экономического права – не всегда единодушно воспринимается в среде теоретиков. Одни авторы видят в принципе национального режима собственно принцип международной торговли, т. е. основополагающее правило поведения, определяющее юридический фундамент взаимоотношений между государствами – субъектами между-

народного торгового права (И. С. Перетерский, Л. А. Лунц, М. М. Богуславский и др.), другие усматривают в нем некий «внутренний режим», особо связывая с его действием ограниченную сферу регулирования, прежде всего, иностранное инвестирование. Подчеркнем: будучи выражены текстуально в соглашениях пакета ВТО, они составляют коренной массив руководящих правил поведения членов организации и образуют *специальный правовой режим*, принятый в этой многосторонней торговой системе. Вопрос о степени автономности такого «договорного» режима порождает неоднозначные ответы в литературе. Между тем важно прояснить, что же именно скрепляет специальный договорный режим права ВТО как таковой. Презумпция его включенности в рамки международного права, безусловно, должна быть поставлена на первое место. Это мнение разделяют если не все, то большинство специалистов. В то же время перечисленные ранее принципы сами по себе не смогли бы сформировать автономный правовой режим, поскольку они известны и другим областям международного права. Следовательно, речь должна идти об иных инструментах, которые обеспечивали бы внутренне единство и целостность рассматриваемого правового режима. Таковыми в праве ВТО выступают принципы и нормы другого, нежели изложенные выше, функционального назначения, призванные обеспечивать урегулирование споров, равно как и «презумпции», «стандарты», толкование международных соглашений ВТО (в процессе реализации практики ОРС ВТО). Многие из выдвинутых гипотетических предположений раскрывается непосредственно в нормах «охваченных соглашений» ВТО. В частности, ст. 3 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, недвусмысленно устанавливает, что «система урегулирования споров ВТО является центральным элементом, обеспечивающим безопасность и предсказуемость многосторонней торговой системы. Ее члены признают, что система урегулирования споров имеет целью охранять их права и обязательства по охваченным Соглашениям и вносить ясность в отношении действующих положений этих Соглашений в соответствии с обычными правилами толкования международного права»³⁶ (п. 2 ст.3). Так, если в целом в

³⁵ Подробнее см.: [Право ВТО...2016:78-127].

³⁶ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 декабря 1994 г. Приложение 2. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. – *Справочно-правовая система Гарант*. Доступ: <http://base.garant.ru/2541158/> (accessed 12.01.2021). Пункт 2 ст. 19 Договоренности четко предусматри-

отношениях, регулируемых правом ВТО, признается применение принципов ответственности, свойственных общему международному праву, то п. 8 ст. 3 Договоренности императивно устанавливает, что «в случаях нарушения обязательств, принятых на основе охваченного Соглашения, возбуждаемое дело считается *prima facie* делом об аннулировании или сокращении выгод». В такой ситуации речь идет об особом инструменте права ВТО, который стоит на страже согласованного и принятого его членами правопорядка – презумпции «аннулирования или сокращения выгод». Это означает, что обычно нарушение правил влечет неблагоприятные последствия для других членов сообщества (общий подход в праве ответственности в международном праве), а в многосторонней торговой системе ВТО первостепенным обязательством выступает обеспечение отмены принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из пакета «охваченных соглашений». Обращение к компенсации, которое является ординарным в перечне мер возмещения вреда, причиненного правонарушением, в общем праве международной ответственности, здесь следует только в том случае, если немедленная отмена принятой меры не осуществима, и лишь на временной основе до отмены меры, несовместимой с охваченным Соглашением. «Последняя возможность, которую настоящая Договоренность предоставляет члену, прибегающему к процедурам урегулирования споров, – это приостановление действия уступок или других обязательств по охваченным Соглашениям на дискриминационной основе по отношению к другому члену при условии, если ОРС разрешает такие меры» (п.7 ст.3). Представленный порядок и характер перечисленных действий, направляемых в адрес члена ВТО, в полной мере вмещает в

себя ответ на поставленный ранее вопрос о движущих силах, приводящих в действие механизмы автономного договорного режима. Думается, нет нужды указывать, что устранение или повреждение какого-либо из названных звеньев разрушит всю систему «права ВТО». Недаром сегодня, когда механизмы и процедуры урегулирования споров в ВТО испытывают кризис, во многом вызванный деструктивными действиями США, подвергается серьезным рискам и сама многосторонняя торговая система ВТО, оформленная Марракешским соглашением и приложениями к нему.

Международное научно-техническое сотрудничество (МНТС). Ввиду своей значимости в развитии экономики отдельных государств и мировой экономики в целом наука в современном обществе стала непосредственной производительной силой, и МНТС заслуживает хотя бы краткого рассмотрения с позиций ранее указанной типологии и системы принципов, сложившейся в международном праве. Сопоставление форм и принципов сотрудничества, присущих международному взаимодействию в области науки и техники на разных исторических этапах, позволяет выявить присутствие сходных средств воздействия, которые были известны и ранее межгосударственным связям в затронутой сфере. Так, сохраняет свое значение сочетание договорных и институциональных инструментов реализации международных отношений по научно-техническому сотрудничеству. Вместе с тем обнаруживаются и новые черты, порожденные необходимостью совершенствования оформления договорных связей в области НТС и адаптации его правового регулирования к современным реалиям жизни. И в той, и в другой из названных составляющих МНТС принципы играют ведущую роль³⁷.

вает: «В своих заключениях и рекомендациях третейские группы и Апелляционный орган не могут расширять или умалять права и обязательства, предусмотренные в охваченных соглашениях». В то же время приведенные положения не должны восприниматься как незыблемые схемы, затмевая собой гораздо более сложные ситуации, возникающие в жизни. А к таковым относится установление условий для превалирования (в подлежащих случаях) «специальных норм» права ВТО над общими предписаниями МП. В споре «Корея – Меры, касающиеся государственных закупок» третейская группа установила: «...взаимосвязь соглашений ВТО с обычным международным правом шире этого. Нормы обычного международного права применяются в целом к экономическим взаимоотношениям между членами ВТО. Такие нормы международного права применяются в той степени, в какой международно-правовые соглашения ВТО не отклоняются от них. Другими словами, в той степени, в какой нет коллизии или несоответствия, либо же наличия в каком-либо охватываемом ВТО соглашении выражения, которое применяется иным образом, мы полагаем, что обычные нормы международного права применяются к международным договорам ВТО и процессу разработки международных договоров в рамках ВТО». См.: World Trade Organization: Korea – Measures Affecting Government Procurement. 2000. Para. 7.96 URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:WT/DS/163R.pdf&Open=True> (accessed 12.01.2021).

³⁷ Подробнее об этом и о принципах МНТС см.: [Ануфриева 1987; Шугуров 2012: 17–21; Ануфриева 2018:175–186; Ануфриева 2019:181–188; The Freedom of Scientific Research...2018; Global Environmental Change... 2018; Teimurov, Kozheurov

Осуществление научно-технического сотрудничества по совместному созданию или обмену новейшими технологиями, обеспечивающими инновации в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, образования, культуры, доступа к информации и т. д., немислимо в обход принципов международного права, которые складывались в международной системе постепенно и действуют, подвергаясь изменениям под влиянием объективных факторов. Основные принципы детерминируют характер, направленность, содержание, цели и задачи МНТС, отвечающие интересам государств, а также обуславливают юридическое содержание специальных принципов, которые в свою очередь конкретизируют те или иные стороны более высокого по уровню и более общего по функциям принципа-архетипа. Принципы МНТС конкретны, нацелены на достижение специфического эффекта в процессе регулирования соответствующих общественных отношений, которыми наполнены международные связи в области науки, исследовательской деятельности, создания новых знаний, передачи технологий и внедрения инноваций в экономики сотрудничающих государств. Таким образом, налицо взаимосвязь основных, отраслевых и специальных (конкретных) принципов, действующих в отдельной области. Поскольку блок научно-технического / технологического инновационного сотрудничества составляет ныне неотъемлемую часть более широкого взаимодействия государств в сфере экономики (производства, обращения, торговли, образования), и ввиду того, что наука в современных экономиках государств стала обладать «производительной силой», закономерно, что, помимо основных принципов международного права, имеет место действие и влияние именно принципов международного экономического права на правовую основу МНТС.

В результате опорными элементами юридического фундамента МНТС являются принципы равноправия, недискриминации, добросовест-

ности исполнения международно-правовых обязательств по НТС, сотрудничества в содействии мировому научно-техническому прогрессу, сближения уровней экономического и научно-технического развития между развитыми и развивающимися странами, свободы научных исследований, взаимной выгоды и справедливого распределения выгод от достигнутых результатов совместной научно-исследовательской деятельности в рамках международного взаимодействия, равного доступа и обмена информацией участников сотрудничества в отношении результатов научных исследований, эквивалентности и конфиденциальности. Научно-технический прогресс, будучи противоречивым по своему существу, может принести человеческому обществу как благо, так и серьезные потрясения. Ввиду этого непреходящий смысл имеет принцип осуществления научно-технического прогресса в интересах мира, развития, блага человека и человечества, зафиксированный в Декларации об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества 1975 г.³⁸

Подытоживая проведенную часть рассмотрения проблем разнообразия или дифференциации принципов в современном МП, новых явлений, возникших в международном праве (в частности, автономных режимов) и в свою очередь породивших очередные трудности в части принципов, необходимо привлечь внимание еще к одному небесспорному вопросу, разрабатываемому в документах КМП ООН. Имеется в виду концепция наличия особых разновидностей специальных режимов – так называемых единых (целостных) режимов (в оригинале – *single wholes or regimes*)³⁹. Не раз цитировавшийся Доклад о фрагментации выявляет три вида специальных режимов:

- а) специальные совокупности вторичных норм, касающихся ответственности государств;
- б) специальные совокупности вторичных норм и принципов, касающихся урегулирования какой-либо определенной проблемы;

2020]. См. Также: Basic principles for effective international science, technology and innovation agreements. Ed. by D. Fikkers and M. Horvat. 2014. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b5253eb5-1e1f-4656-98cd-e70f3fa9d226> (accessed 12.01.2021).

³⁸ Декларация ООН об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества от 10 ноября 1975 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/science.shtml (дата обращения: 12.01.2021).

³⁹ UN International Law Commission: Report of the Study Group "Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law", finalized by Martti Koskenniemi. April 13, 2006. P. 252. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/L.682> (accessed 12.01.2021).

с) специальные отрасли международного права со своими собственными принципами, институтами и телеологией». От комментария по понятным причинам придется воздержаться, хотя нельзя не заметить, что воспроизведенные положения влекут куда больше неясностей и недоумений, чем раньше.

5. «Общие принципы права»

Сразу стоит оговориться: это понятие в науке международного права как настоящего, так и прошлого, будь то в отечественной или зарубежной литературе, получив немалую долю внимания к себе, до сих пор предстает для одних общеизвестным, фактически аксиоматичным, для других – в существенной мере «фантомом». Тема «общие принципы права» была включена в долгосрочную программу работы КМП ООН⁴⁰. На 71-й сессии Комиссии был представлен первый доклад Специального докладчика, в осветивший эту тему и основные вопросы, которые должны быть включены в круг внимания Комиссии⁴¹. В докладе также анализировалась предыдущая работа Комиссии, связанная с общими принципами права и дан обзор их развития. Думается, что материалы разработок КМП инициируют новый виток обсуждения проблемы на основе соответствующих сегодняшнему времени выводов, полученных Комиссией, государствами и практикой международного права.

Категория «общие принципы права», а также присутствующее в положениях Статута Международного суда (а ранее в Статуте Постоянной палаты международного правосудия Лиги Наций) близкое им обозначение «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», несмотря на внешние признаки рудиментарности, имеют непосредственное юридическое значение и в современных условиях для международно-правовой действительности. В настоящее время, как и в прошлом, в зарубежной и российской международно-правовой науке бытуют несовпадающие позиции в отношении общих принципов права. Да и внутри научных доктрин указанных «миров» нет однородности. Как следствие, в рамках международно-правовой теории

до сих пор не существует развернутого, а тем более единого представления о рассматриваемом понятии. С учетом этого проблема выявления сущности и содержания общих принципов права как категории международного права является весьма актуальной, настоятельно требуя особого к себе внимания со стороны специалистов.

Еще Г.И. Тункин в известном труде «Теория международного права» (1970 г.) посвятил рассматриваемому понятию специальный раздел, озаглавив его «Проблема общих принципов права» [Тункин 2016:167–180]. Казалось бы, прошло более полувека, многое должно было измениться: и проблема могла перестать существовать, и само явление из terra incognita превратиться в хорошо изученный предмет. Однако до сих пор в отечественной и зарубежной международно-правовой науке применительно к «общим принципам права» не прибавилось ясности, а дискуссия так и не исчерпала себя. Более того, поскольку в иностранных изданиях перечисленный ряд терминов пополняется все новыми вариантами (например, в современном учебнике международного права коллектива немецких авторов присутствует и новое понятие – «общие правовые принципы» [Витцтум и др. 2015:193-194]), о чем пойдет речь далее, то выходит, что состояние разработок в этой части по-прежнему далеко от завершенности.

В литературе по международному праву словосочетание «общие принципы права» имеет различные варианты интерпретаций его природы и содержания. В одних случаях оно понимается как аналог термина «общепризнанные принципы и нормы» международного права, в других – как положения, общие для различных национальных правовых систем, нередко – как лишенные нормативности некие аморфные «общие контуры» каких-либо исходных международно-правовых положений, а иногда и как «общие принципы права, свойственные международному праву».

В отношении последнего Х. Кельзен явно выражал сомнения в существовании «принципов, общих для правовых порядков всех цивилизованных народов» [Kelsen 1952:540], ввиду идеологического и политического противостояния

⁴⁰ Генеральная Ассамблея ООН: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии. Доклад Шестого комитета. 13.11.2018. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/73/556> (дата обращения: 15.01.2021).

⁴¹ UN International Law Commission First report on general principles of law by Marcelo Vázquez-Bermúdez, Special Rapporteur. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/732> (accessed 17.01.2021).

государств. Укрепляясь еще более в своем предположении, он подчеркивает со ссылкой на ст. 38 Статута Международного суда, что последний должен разрешать переданные на его рассмотрение дела на основании международного права: «Можно поэтому утверждать, что общие принципы права могут быть применяемы, только если они являются частью международного права, а это означает – частью права, о которой упоминается в параграфах «а)» и «b)» ст. 38. Следовательно, параграф «с)» является излишним» [Kelsen 1952:540]. Разноречивой представляется позиция Ш. Руссо, который, с одной стороны, вслед за П. Гугенхеймом, Р. Филимором и Альбером Ж. де Ля Праделем полагал, что это – принципы, «принятые всеми государствами *in foro domestico*», а с другой стороны, считал, что в ст. 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия (от себя добавим, что и Статута Международного суда) речь шла о «принципах, общих внутреннему правопорядку и международному правопорядку», т. е. о «праве вообще» (*du droit sans épithète*), охватывающем как внутреннее право, так и международное. Вместе с тем, будучи не только принципами, общими для различных национальных правовых систем, но и общими принципами международного права, эти принципы не совпадают, по его мнению, ни с конвенционными, ни с обычными нормами [Rousseau 1944:511]. Более того, на основе анализа международных судебных и арбитражных решений он видел в «общих принципах права» некий «самостоятельный источник международного права», делая при этом акцент на уникальности подобного вывода, поскольку иначе нужно было бы считать, что данный подраздел Статута является излишним.

Эти положения так и остаются досконально не проясненными ни в том, что касается вопроса, какие решения из разряда международной судебно-арбитражной практики послужили основой для анализируемого заключения, ни относительно разгадки их сути, если они не совпадают ни с договорными, ни с обычно-правовыми нормами, ни, наконец, того, что обуславливает способность общих принципов права служить самостоятельным источником международного права. Казалось бы, ныне нет никаких сомнений в том, что общие принципы права (даже,

если бы они и были признаны явлениями в нормативно-правовом смысле) не создают особой формы объективирования (выражения вовне) норм международного права, и, значит, не могут являться формально-юридическим источником международного права. Этот вывод базируется на устоявшихся тезисах общей теории права. Вместе с тем в первом же докладе Специального докладчика КМП ООН, касающемся вводных положений темы «общих принципов права», утверждения обратного толка рефреном проходят по всему содержанию подготовленного материала⁴² не только без серьезных замечаний по этому поводу, но вообще без малейшей критики в адрес подобных констатаций. С этим трудно согласиться, однако предметное углубление в этот аспект требует куда больших объемов, нежели лимитированные настоящим.

В.М. Корецкий, посвятив в 1957 г. специальную работу рассматриваемому вопросу, однозначно утверждал, что «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», – это общие (основные) принципы международного права [Корецкий 1989:165]. Аргументация этого тезиса строится автором, во-первых, на отстаивании «демократического содержания» принципов суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств, самоопределения народов, ненападения, суверенного равенства, соблюдения международных договоров как «общих» норм для всех государств, ставших основными принципами международного права, а, во-вторых, на положениях ст. 38 Статута МС, и именно на первичности ее формулы об обязанности Суда разрешать переданные ему дела на основании международного права. Почти автоматический перевод общих принципов права (хотя бы и с учетом их «признания цивилизованными нациями», «демократичности» содержания т. п.) в разряд основных принципов международного права кажется неоправданным: руководствуясь той же логикой, следует признать и «доктрину наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» источником международного права (здесь ведь также целесообразно допустить, что речь идет о специалистах не просто публичного права, а «международного публичного права»?!).

⁴² Достаточно сказать, что в проекте вывода 1 по докладу «сфера применения» указывается четко: «Настоящие проекты выводов касаются общих принципов права как одного из источников международного права».

В международно-правовой литературе распространено предположение об «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями» выступать в качестве инструмента толкования и функционально обеспечивать преодоление проблемы *non liquet* («дело не ясно»). Напомним, что Г.И. Тункин не разделял концепцию *non liquet* применительно к общим принципам права и резко возражал против их интерпретации в качестве принципов права, свойственных внутригосударственному праву (национальным правовым системам отдельных государств, в частности, «буржуазных»), особенно как «принципов», «общих» для систем права классово, следовательно, идеологически, равно как и субстантивно различающихся государств по причине качественных расхождений в праве двух систем. Исходя из принципа историзма, нельзя отрицать его правоту в контексте соответствующего формационного подхода к развитию права и государства и адекватной тому этапу науки международного права. Однако в иную эпоху стоит взглянуть на анализируемую категорию с другой стороны. Так, в условиях усиления взаимозависимости государств, несомненно отражающейся и в праве, поступательности глобализационных процессов, усиления тенденций к сближению национально-правовых норм во все более широком международном масштабе, укрепления взаимного влияния друг на друга международного и внутригосударственного права и т. п., создается иная материальная основа для появления действительно общих для правовых систем разных государств принципов права.

В новейшей юридической литературе высказываются даже идеи о конвергенции международного и внутригосударственного права (Ю.С. Безбородов), которые конструируются в определенной мере с использованием и линии «общих принципов права». В частности, указывается на их роль в качестве средства гармонизации и унификации права⁴³, что на самом деле далеко от истины, так как гармонизация и унификация – это процессы, ведущие к достижению цели единообразия в праве (в отдельных его секторах и сферах), ничего общего не имеющие с классическим пониманием «общих принципов права». В иных исследованиях, по-

священных правовой, или юридической конвергенции, последняя определяется как процесс взаимодействия между элементами внутри системы права как такового, между правом и неправом, между различными системами права и т. д. При этом выделяются дополнительные факторы для определения контуров конвергенции как сближения, а именно наличие иных регуляторов отношений в обществе, между системами, увеличение количества связей между элементами (О.Д.Третьякова)⁴⁴. Не разделяя по существу концепций конвергенции международного и внутригосударственного права, все же заметим, что, если бы данное высказывание принадлежало специалисту в области международного права, в число упомянутых дополнительных факторов вышеуказанной конструкции «общие принципы права» можно было бы вписать лишь в качестве неправового элемента. Однако данное предложение отнюдь не должно восприниматься в виде попытки усилить обоснование так называемой «теории конвергенции международного и внутригосударственного права».

Возвращаясь к общим принципам права как явлению, имеющему неоднозначный смысл не только в общетеоретическом плане, но в науке международного права, важно подчеркнуть: сегодня, пожалуй, оправданно говорить об «общих принципах права, признанных большинством международного сообщества», в которых присутствуют *элементы общности принципов права национально-правовых систем, оказавшихся усвоенными также и международным правом*. Иными словами, такие правила, как *pacta sunt servanda*, *lege posteriori derogat lege anteriori*, *lege speciali derogat lege generali*, *par in parem non habet imperii*, *par in parem non habet jurisdictionem*, *pacta tertii nec nocent nec prosunt*, *nullum crimen sine lege*, *nullum poena sine lege*, *uti possidetis juris*, *bonae fidei*, *audiatur et altera pars*, *nemo iudex in propria causa*, *non bis in idem* и т. п. представляют собой арсенал как внутригосударственного, так и международного права. Данные положения действительно являются общими для обеих систем благодаря воплощению в себе наиболее ценных свойств, которые выявляют содержание права в виде исходных, сквозных идей, главных его начал, юридических максим апробированного типа

⁴³ Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Дисс...доктора юрид. наук. Екатеринбург. 2019. С. 49, 181.

⁴⁴ См.: Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция. Дисс...доктора юрид. наук. Владимир. 2012. С. 8.

или практического значения для уяснения как воли сторон (содержания волеизъявления), так и смысла соответствующих процедур, техник и т. п., разделяемых и признаваемых национальными и международно-правовыми системами права. При этом стоит указать на не юридический, не нормативный, а вспомогательный, субсидиарно-интерпретационный характер «общих принципов права»: даже в упомянутой трактовке они не утрачивают своего значения, обозначенного в ст. 38 Статута Международного Суда, выступая *средством для определения правовых норм*.

Действие вышеупомянутого принципа исто-ризма привело и к изменениям в восприятии «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», по сравнению с тем, как они были представлены в Статуте Постоянной палаты международного правосудия, а затем в Статуте Международного Суда – главного судебного органа ООН. Изменения касаются, прежде всего, понимания их природы и функций. Из подготовительных документов Консультативной комиссии юристов, которая была создана Лигой Наций в 1920 г. следует, что комиссия руководствовалась соображениями о том, что стороны, передавая свой спор на решение международного судебного органа, рассчитывают на получение по нему решения. Однако, если суд констатирует отсутствие в праве нормы, подлежащей применению, это будет означать признание состояния *non liquet* и, следовательно, повлечет невозможность вынесения решения. В свете этого понятие «общие принципы права» рассматривается прежде всего как возможность для суда избежать ситуации квалификации *non liquet*. «Случаи *non liquet* в целом контрпродуктивны для юстиции и правопорядка. Чтобы избежать их, международные арбитры обращаются к концепции общих принципов права для широкого толкования

существующего правила, обоснования внутреннего убеждения судьи в том, что несколько обособленных исходных правил можно свести в единое посредством логическо-правового рассуждения. При этом не имеет существенного значения, из национального или международно-го права заимствованы эти исходные правила»⁴⁵.

В завершение краткого рассмотрения некоторых ключевых аспектов понятий «общие принципы права» и «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» с позиций теории международного права представляется важным сделать вывод о том, что на настоящем этапе следует иначе, чем ранее, подходить к их сущности и содержанию. С учетом произошедших изменений в международном праве, современных тенденций в понимании свойственных ему характерных черт, равно как и особенностей его соотношения с системой внутрисударственного права, думается, оправданной будет констатация, что имеется два разряда общих принципов права (даже с учетом их наличия в формулировке «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»). Первый – это «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», т. е. государствами, *общие* для множества национально-правовых систем, присутствующие во внутрисударственном праве значительного числа государств. Второй – «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», которые стали общими для международного сообщества (*generally recognized by civilized nations*), получив большей частью отражение в договорно-правовых либо обычно-правовых нормах в массиве международного права в результате соответствующего признания (*assentance*) правила как правовой нормы в практике субъектов международного права⁴⁶. В таком случае отпадет упрек в механическом

⁴⁵ См.: *Международное право в 2 ч. Ч.1: учебник для академического бакалавриата*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 3-е изд. М.: Юрайт. 2019. С. 34. Как видим, современные авторы присоединяются к Г.И. Тункину в его оценке подобного значения «общих принципов права». В этой связи нельзя обойти молчанием позицию другого не менее именитого советского ученого, относящегося к более раннему периоду в развитии науки международного права, – В.М. Корецкого. Он весьма резко протестовал, во-первых, против придания «общим принципам права» качества выступать нормообразующим инструментом международного права, перенесенным из внутрисударственного права, доказывая с помощью обстоятельного анализа их генезиса невозможность заполнения пробелов в международном праве за счет теории *non liquet* и техники решения на такой основе международно-правовых споров, – во-вторых [Корецкий 1989:165-169]. Здесь будет весьма кстати обратить внимание российской и прочей аудитории на диссонанс воспроизводимой реакции В.М. Корецкого по поводу трактовки «общих принципов права» как «нормообразующего инструмента» с тем, что *expressis verbis* фигурирует ныне в разработках КМП ООН и доктрине, когда общие принципы права возводятся в ранг формальных «источников международного права» (!). Со ссылками на Л. Оппенгейма – Х. Лаутерпахта см. в этой связи: [Bassiouni 1990:768-818].

⁴⁶ См. об этом: UN International Law Commission: Second report on identification of customary international law by Michael Wood, Special Rapporteur. P. 6–15, 17–31. URL: <https://undocs.org/A/CN.4/672> (accessed 17.01.2021).

перенесении общих принципов права из внутрисударственной системы на почву международного права, не совместимого с природой межгосударственных отношений и средствами их регулирования.

6. Заключение

Отвечая на сегодняшние вызовы правового регулирования межгосударственных отношений, и ввиду необходимости создания концепта функционирования не только системы международного права в целом, но и системы его принципов, очень важно упорядочить аппарат международно-правовой науки, куда входит и анализируемая составляющая – отдельные типы, виды и группы принципов. Достичь этого можно за счет типологизации и дифференциации различных понятий, составляющих основу данного раздела международно-правовой науки. Задача систематизировать базовую терминологию и понятийную основу международно-правовой науки в вопросе о принципах, возможно, не выглядит сегодня первоочередной, но от ее решения зависит и надлежащее правоприменение, и развитие позитивного международного права, поскольку и в том, и в другом отношении фундаментальное значение принадлежит именно принципам. Формирование системы принципов для целей гармоничного, продуктивного функционирования международного права в целом, определение актуального вектора в развитии его норм в целом или обозначение доминирующих тенденций в реализации международного общеправия, – все это обеспечивается благодаря принципам. Равным образом указанное детерминирует

парадигму развития отечественной международно-правовой теории на настоящем этапе и в свете перечисленного требует скорейшего адекватного выявления существа, юридического значения и места каждого из разрядов (видов) принципов в целостном функционировании системы, учета их взаимосвязи, и, наконец, обеспечения синхронизации действия всех компонентов системы.

Несмотря на критику, которая присутствует в настоящем относительно недостаточного уровня научно-теоретической исследованности типологии принципов в международном праве, равно как и некоторых отдельных их категорий, особенно в части *специальных принципов*, полезно для укрепления оптимизма вспомнить нехитрый завет древнекитайских философов: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага» (Лао-Цзы), который современным юристам–международникам, как представляется, нужно начинать и продолжать прокладывать дальше. С учетом предложенной картины разнообразия в субстантивной материи международного права, составляемой его принципами, подвергшимися освещению, нелишне подчеркнуть, что сталкивающиеся мнения и противоположные тенденции в подходах к существенным элементам функционирования международного права, каковыми, несомненно, выступают и его принципы, усиливают своевременность фундаментального анализа и смежных явлений, соседствующих с ними. Данное заключение, пожалуй, способно поставить определенную точку в порядке подведения итогов по представленным здесь соображениям.

Список литературы

1. Ануфриева Л. П. 1987. *Сотрудничество в области науки и техники между социалистическими и развивающимися странами (правовые вопросы)*. М.: Наука. 175 с.
2. Ануфриева Л.П. 2019. Принцип свободы научных исследований в системе принципов современного правового регулирования международного научно-технического сотрудничества. – *Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. Ч. 1*. М.: РФ-Пресс. С.181–188.
3. Ануфриева Л.П. 2018. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС. – *Актуальные проблемы российского права*. № 12. С. 175–186. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.97.12.175-186>
4. Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>
5. Батурин Ю.М. 2005. Первый спутник и международное космическое право (советский и американский подходы). – *Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора Г.П.Жукова*. Отв. ред. А.Я. Капустин, А.Х.Абашидзе. М.: Издательство РУДН. С. 1–17.
6. Витцтум Г. [и др.]. 2015. *Международное право*. М. Инфотропик Медиа. 1072 с.
7. Доронина Н.Г., Казанцев Н.М., Семилютин Н.Г. 2017. *Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное: монография*. М.: Норма.160 с.

8. Игнатенко Г.В., Малинин С.А. 1987. Новые тенденции в международном нормотворчестве. – *XXX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права. 28, 29, 30 января 1987 г. Тезисы докладов.* М. С. 8-9.
9. Корецкий В.М. 1989. *Избранные труды. В 2 книгах. Кн.2.* Киев: Наукова думка. 414 с.
10. *Курс международного права: В 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права.* Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
11. Лифшиц И.М. 2020. *Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние: монография.* М.: Юстицинформ. 544 с.
12. Поветкина Н.А. 2017. Принципы правового обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации: теоретические подходы и классификация. – *Журнал российского права.* № 5. С.64–80. DOI: 10.12737/article_58f48b4947b517.02418784
13. *Право ВТО: теория и практика применения: монография.* Под ред. Л.П. Ануфриевой. 2016. М.: Норма. 528 с.
14. Тункин Г.И. 2006. *Теория международного права.* М.: Зерцало. 416 с.
15. Усенко Е.Т. 2008. *Очерки теории международного права.* М.: Норма. 240 с.
16. Усенко Е.Т. 1988. О системе международного права. – *Советское государство и право.* № 4. С. 117–126.
17. Фельдман Д.И. 1979. О системе международного права. – *Советский ежегодник международного права, 1977.* М.: Наука. С. 105–107.
18. Фельдман Д.И. 1983. *Система международного права.* Казань: Издательство Казанского университета. 119 с.
19. Черниченко С.В. 2014. *Контуры международного права. Общие вопросы.* М.: Научная книга. 592 с.
20. Шугуров М.В. 2012. Международно-правовой принцип свободы научных исследований и глобализация научно-технологического прогресса. – *Российская юстиция.* № 2. С. 17–21.
21. Bassiouni M. C. 1990. A Functional Approach to "General Principles of International Law". – *Michigan Journal of International Law.* Vol. 11. Issue 3. P. 768–818.
22. Conklin W. 2012. The peremptory norms of the international community. – *European Journal of International Law.* Vol. 23. Issue 3. P. 837–861. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs048>
23. *Global Environmental Change and Innovation in International Law.* Ed. by N. Craik [et al.]. 2018. Cambridge, Cambridge University Press. 363 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108526081>
24. Hart H.L.A. 1961. *The Concept of Law.* London; Oxford: Clarendon Press. 263 p.
25. Kelsen H. 1952. *Principles of International Law.* New York: Rinehart & Co. 461 p.
26. Lindroos A., Mehling M. 2005. Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO. – *European Journal of International Law.* Vol. 16. Issue 5. P. 867–877. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi148>
27. Rousseau Ch. 1944. *Droit international public. T. I. Introduction et sources.* Paris: A. Pedone. 796 p.
28. Shaw M.N. 2017. *International Law.* 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
29. Simma B., Pulkowski D. 2006. Of Planets and the Universe: Self-Contained Regimes in International Law. – *European Journal of International Law.* Vol. 17. Issue 4. P. 483–529. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chl015>
30. Teimurov E., Kozheurov Y. 2020. Conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation on the example of marine scientific research. – *Journal of Physics: Conference Series.* Vol. 1685. No. 012013. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012013. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1685/1/012013/pdf> (accessed 11.01.2021).
31. *The freedom of scientific research: Bridging the gap between science and society (Contemporary Issues in Bioethics).* Ed. by S. Giordano, J. Harris and L. Piccirillo. 2018. Manchester: Manchester University Press. 264 p.
32. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo.* Moscow. Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p.)
33. Wolfke K. 1993. *Custom in Present International Law.* 2nd ed. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff. 192 p.

References

1. Anufrieva L. P. *Sotrudnichestvo v oblasti nauki i tekhniki mezhdru sotsialisticheskimi i razvivayushchimisya stranami (pravovye voprosy)* [Cooperation in the field of science and technology between socialist and developing countries (legal issues)]. Moscow: Nauka Publ. 1987. 175 p. (In Russ.)
2. Anufrieva L.P. Printsip svobody nauchnykh issledovaniy v sisteme printsipov sovremennogo pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [The principle of freedom of scientific research in the system of principles of modern legal regulation of international scientific and technical cooperation]. – *Rossiiskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoi promyshlennoi revolyutsii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskije chteniya): materialy konferentsii: v 3 ch. Ch. 1* [Russian legal system in the context of the fourth industrial revolution. XVI International scientific-practical conference (Kutafin readings): conference materials: in 3 parts. Part 1]. Moscow: RG-Press Publ. 2019. P.181–188. (In Russ.)
3. Anufrieva L.P. Printsipy i pravovye formy sotrudnichestva v oblasti nauki, tekhniki i innovatsii mezhdru Rossiei i stranami ES [Principles and Legal Forms of Cooperation in Science, Technology and Innovation between Russia and the EU Countries]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava.* 2018. No. 12. P. 175–186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.97.12.175-186>
4. Anufrieva L.P. Printsipy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponyatiya, prirody, genезisa, sushchnosti i soderzhaniya) [Principles in Modern International Law (Certain Issues of Concept, Nature, Genesis, Substance and Scope)]. – *Moscow Journal of International Law.* 2021. No. 1. P. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>
5. Bassiouni M. C. A Functional Approach to "General Principles of International Law". – *Michigan Journal of International Law.* 1990. Vol. 11. Issue 3. P. 768–818.
6. Baturin Yu.M. Pervyi sputnik i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo (sovetskii i amerikanskii podkhody) [The first satellite and international space law (Soviet and American approaches)]. – *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu professora G.P.Zhukova.* Otv. red. A.Ya. Kapustin, A.Kh.Abashidze [Materials of the interuniversity scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of Professor G.P. Zhukov. Ed. by A. Ya. Kapustin and

- A.Kh. Abashidze.]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN Publ. 2005. P.1–17. (In Russ.)
7. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [International Law Contours]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2014. 592 p. (In Russ.)
 8. Conklin W. The peremptory norms of the international community. – *European Journal of International Law*. 2012. Vol. 23. Issue 3. P. 837–861. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs048>
 9. Doronina N.G., Kazantsev N.M., Semilyutina N.G. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii: global'noe, natsional'noe, regional'noe: monografiya* [Regulation of Economic Relations: Global, National, Regional: a monograph]. Moscow: Norma Publ. 2017. 160 p. (In Russ.)
 10. Fel'dman D.I. O sisteme mezhdunarodnogo prava [About the System of International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1977* [Soviet Yearbook of International Law, 1977]. Moscow: Nauka Publ. 1979. P. 105–107. (In Russ.)
 11. Fel'dman D.I. *Sistema mezhdunarodnogo prava* [The System of International Law]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ. 1983. 119 p. (In Russ.)
 12. *Global Environmental Change and Innovation in International Law*. Ed. by N. Craik [et al.]. Cambridge, Cambridge University Press. 2018. 363 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108526081>
 13. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. London; Oxford: Clarendon Press. 1961. 263 p.
 14. *Global Environmental Change and Innovation in International Law*. Ed. by N. Craik [et al.]. Cambridge, Cambridge University Press. 2018. 363 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108526081>
 15. Ignatenko G.V., Malinin S.A. Novye tendentsii v mezhdunarodnom normotvorchestve [New Trends in the International Rule-making]. – *XXX ezhegodnoe sobranie Sovetskoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava. 28, 29, 30 yanvarya 1987 g. Tezisy dokladov* [XXX Annual Meeting of the Soviet Association of International Law. 28, 29, 30 January 1987 Abstracts]. Moscow. 1987. P. 8–9. (In Russ.)
 16. Kelsen H. *Principles of International Law*. New York: Rinehart & Co. 1952. 461 p.
 17. Koretskii V.M. *Izbrannye trudy. V 2 knigakh. Kn.2* [Selected Works. In 2 Books. Book 1]. Kiev: Naukova dumka Publ. 1989. 414 p. (In Russ.)
 18. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. R.A. Müllerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Müllerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
 19. Lifshits I.M. *Mezhdunarodnoe finansovoe pravo i pravo Evropeiskogo soyuza: vzaimodeistvie i vzaimovliyanie: monografiya* [International financial law and the law of the European Union: interaction and mutual influence: a monograph]. Moscow: Yustitsinform Publ. 2020. 544. (In Russ.)
 20. Lindroos A., Mehling M. Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO. – *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. Issue 5. P. 867–877. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi148>
 21. Povetkina N.A. Printsipy pravovogo obespecheniya finansovoi ustoychivosti Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie podkhody i klassifikatsiya [Principles of legal provision of financial stability of the Russian Federation: theoretical approaches and classification]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2017. No. 5. P.64–80. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_58f48b4947b517.02418784
 22. *Pravo VTO: teoriya i praktika primeneniya: monografiya*. Pod red. L.P. Anufrievoi. [WTO law theory and practice of application: a monograph. Ed. by L.P. Anufrieva]. Moscow: Norma Publ. 2016. 528 p. (In Russ.)
 23. Rousseau Ch. *Droit international public. T. I. Introduction et sources*. Paris: A. Pedone. 1944. 796 p.
 24. Shaw M.N. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
 25. Shugurov M.V. Mezhdunarodno-pravovoi printsip svobody nauchnykh issledovaniy i globalizatsiya nauchno-tekhnologicheskogo progressa [International legal principle of freedom of scientific research and globalization of scientific and technological progress]. – *Rossiiskaya yustitsiya*. 2012. No. 2. P. 17–21. (In Russ.)
 26. Simma B., Pulkowski D. Of Planets and the Universe: Self-Contained Regimes in International Law. – *European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17. Issue 4. P. 483–529. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi015>
 27. Teimurov E., Kozheurov Y. Conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation on the example of marine scientific research. – *Journal of Physics: Conference Series*. 2020. Vol. 1685. No. 012013. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012013. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1685/1/012013/pdf> (accessed 11.01.2021).
 28. *The freedom of scientific research: Bridging the gap between science and society (Contemporary Issues in Bioethics)*. Ed. by S. Giordano, J. Harris and L. Piccirillo. Manchester: Manchester University Press. 2018. 264 p.
 29. Tunkin G.I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Zertsalo Publ. 2006. 416 p. (In Russ.)
 30. Usenko E.T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays in Theory of International Law]. Moscow: Norma Publ. 2008. 240 p. (In Russ.)
 31. Usenko E.T. O sisteme mezhdunarodnogo prava [About the System of International Law]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1988. No. 4. P. 117–126. (In Russ.)
 32. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow. Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p.)
 33. Wolfke K. *Custom in Present International Law*. 2nd ed. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff. 1993. 192 p.

Информация об авторе**Людмила Петровна Ануфриева,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

lpanufrieva@msal.ru
ORCID: 0000-0002-5132-879X

About the Author**Ludmila P. Anufrieva,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lpanufrieva@msal.ru
ORCID: 0000-0002-5132-879X

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>

Research article
Received 10 January 2021
Approved 21 May 2021

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Boris I. NEFEDOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

Evgeny R. VORONIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
tverv@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1229-0012

Olga S. MAGOMEDOVA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

Polina K. ZOTOVA

The Government of Moscow,
22, Voznesenskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009
zotovapk@mos.ru
ORCID: 0000-0002-8647-7410

THE CONCEPT “RULES-BASED ORDER” IN INTERNATIONAL LEGAL DISCOURSES

INTRODUCTION. *The term “rules-based order” is increasingly referred to in speeches within many international forums as well as declared from national political tribunes. The initial question is whether this notion is of purely political nature (since it is not used in the UN Charter or in other universal international conventions and this term is not relied upon by the International Court of Justice or by the UN International Law Commission). On the other hand, with the popularization of such a political discourse, the*

frequent usage of this term by representatives of some states (not only of Western States, but also of China, for example) can affect international law. The very application of this term definitely provokes a splash of other questions. How does the term “rules-based order” correlate with the universally recognized term “international legal order”? Does the idea to use the term “rules-based order” have substantive legal grounds? Which rules in concreto¹ are meant by the term? Who and how creates these rules? What is the

¹ Latin: in English - “specifically”; “defining concretely”; in French – “dans le concret”.

nature of these rules – are they rules of national law and if so – national rules of what State? If these are rules of international law – why is it not reflected in the term? Due to the attractive wording the concept gets widespread, but lacking a common understanding of its content, everyone might put a different meaning into the concept. Does it result in the fact that some officials, representing states, become politically entitled with the right to abuse the international legal order as it is established by modern international law? This research examines these theoretic aspects of the concept “rules-based order”, taking into account that in the context of international relations it may be referred to also as “rules-based international order”. An additional question to answer is whether the concept might be regarded as one of the numerous attempts to adapt the current international law to new challenges.

MATERIALS AND METHODS. *The research paper is based on the analysis of numerous statements of representatives of states, in which their attitude to the “rules-based order” concept is manifested, positive and critical remarks relating to the concept made by international lawyers, as well as other research papers of Russian and foreign international scholars. The methodological instruments include general scientific and special methods, among them the historical method, methods of formal logic, analysis, synthesis, as well as systemic, comparative legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *Although the above-noted questions about the legal meaning of the term “rules-based order” have arisen only in recent years mainly in the context of the anti-Russian rhetoric of Western politicians, the term has been used much earlier at different levels in a wide variety of topics. The question of inconsistent perceptions of this term is another reflection of a more general problem of weakening or strengthening the universal legally binding international order. One of the appropriate interpretive versions of this concept might be that “rules-based order” means first and foremost the world order which is based on norms of international law (which are mandatory as well known), and on applicable non-binding international rules containing a normative element, such as international rules provided in the documents of intergovernmental organizations and conferences, interstate political arrangements, and*

other mutually accepted rules, formed in the contemporary practice of international relations. This interpretation allows to bring the concept in line with modern international law. Nevertheless, even within such interpretation, it is necessary to respect the distinction between the norms of international law, which are binding, and other rules, which do not create State’s obligations under international law. Thus, unilateral or “blocking” imposition of values of one State on other States under the guise of rules on which, according to the first State, the world order is based, will not be allowed.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *If another interpretation prevails, the “rules-based order” concept may have a negative impact on the existing international legal order insofar as it “washes out” the established legitimate procedures of international law-making, thus rejecting traditional international values of legal stability and diminishing the role of international law in international relations. Such scenario would not only multiply legal uncertainty and even unreasonable expectations among the participants of the international processes, but also might lead to undermining the very fundamentals of modern international law based on the UN Charter. The latter in its turn will inevitably lead to the global legal instability and will dramatically increase the risks of World War III. At the moment, the frequent abuse of the term “rules-based order” by the representatives of the NATO countries in support of their politically motivated statements, agreed upon only among them, impedes achievement of accepted understanding of the concept at the universal level, that might be consistent with international law.*

KEYWORDS: *rules-based order, international legal order, the rule of law, international legal system, soft law, normativity in international law*

FOR CITATION: *Vylegzhanin A.N. [et al.]. The Term “Rules-based International Order” in International Legal Discourses – Moscow Journal of International Law. 2021. No.2. P. 35– 60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>*

The authors declare the absence of conflict of interest.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 10.01.2021
Принята к публикации: 21.05.2021

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Борис Иванович НЕФЕДОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

Евгений Ростиславович ВОРОНИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
tverv@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1229-0012

Ольга Сергеевна МАГОМЕДОВА

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

Полина Константиновна ЗОТОВА

Правительство г. Москвы
Вознесенский переулок, д. 22, Москва, 125009, Российская Федерация
zotovapk@mos.ru
ORCID: 0000-0002-8647-7410

ПОНЯТИЕ «ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ» И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВВЕДЕНИЕ. На многих международных площадках и с национальных политических трибун всё чаще используется термин «международный порядок, основанный на правилах». Исходный вопрос состоит в том, является ли этот термин чисто политическим (поскольку он не используется ни в Уставе ООН, ни в других универсальных международных конвенциях, и на этот термин не опираются ни Международный суд ООН, ни Комиссия международного права ООН)? С другой стороны, с популяризацией этого политического дискурса частая практика использования данного термина представителями отдельных

государств (причем не только западных, но и, например, Китая) может повлиять и на развитие международного права. Само использование данного термина определенно вызывает ряд других вопросов. Как термин «порядок, основанный на правилах» соотносится с общепризнанным термином «международно-правовой порядок»? Имеет ли идея применять термин «порядок, основанный на правилах» существенные правовые основания? Какие правила *in concreto* подразумеваются под этим термином? Кто и как создает эти правила? Какова природа этих правил – являются ли они нормами национального права,

и если да, то национальным правом какого государства? Если имеются в виду нормы международного права, то почему это не отражено в самом термине? Ввиду привлекательной формы, но при отсутствии общего понимания его содержания, это понятие получает широкое распространение при том, что каждый может придать ему разный смысл. В результате, получают ли некоторые должностные лица, представляющие государства, политическую возможность злоупотреблять международным правом, установленным на основе современного международного права? В настоящей статье представлен анализ этих проблемных аспектов концепции «порядок, основанный на правилах», учитывая, что в контексте международных отношений его также называют «международным порядком, основанным на правилах». Дополнительный вопрос, на который нужно ответить, заключается в том, может ли данная концепция рассматриваться как одна из многочисленных попыток адаптировать действующее международное право к новым вызовам.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Работа основана на анализе многочисленных высказываний представителей государств, в которых проявляется их отношение к концепции «порядок, основанный на правилах», положительных и критических замечаний к этой концепции со стороны юристов-международников, а также научных публикаций других отечественных и зарубежных исследователей-международников. Методологический инструментарий включает общенаучные и специальные методы, в том числе исторический метод, методы формальной логики, анализа, синтеза, а также системные, сравнительно-правовые методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Хотя вышеупомянутые вопросы о правовом значении термина «порядок, основанный на правилах» возникли только в последние годы, главным образом в контексте антироссийской риторики западных политиков, этот термин использовался гораздо раньше на разных уровнях по широкому кругу тем. Проблема не единообразного понимания данного термина является одним из отражений более общей проблемы ослабления или усиления универсального, юридически обязательного международного порядка. Одним из приемлемых вариантов представляется то толкование данного понятия, согласно которому «международный порядок, основанный на правилах» означает, прежде всего, порядок в

мире, основанный на нормах международного права (которые, как известно, имеют обязательный характер), а также на применимых необязательных международных правилах, содержащих нормативный элемент, таких как международные правила, предусмотренные в документах межправительственных организаций и конференций, политических договоренностях государств и другие общепризнанные правила, сформировавшиеся в современной практике международных отношений. Такое толкование позволяет привести данную концепцию в соответствие с современным международным правом. Но даже в рамках такого толкования необходимо проводить различие между международно-правовыми нормами (обязательными) и другими правилами (не создающими обязательств государств согласно международному праву). Тем самым, не будет допускаться одностороннее или «блокирующее» навязывание ценностей одного государства другим под видом правил, на которых, по мнению первого, основывается «порядок» в мире.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. При преобладании другого толкования концепция «порядок, основанный на правилах» может негативно влиять на существующий международный порядок, размывая установившуюся практику международного правотворчества, тем самым отвергая традиционные международные ценности правовой стабильности и снижая роль международного права в международных отношениях. Такой сценарий не только множит правовую неясность и даже необоснованные ожидания участников международных процессов, но и может привести к подрыву самих основ современного международного права, основанного на Уставе ООН. Последнее, в свою очередь, приведет к глобальной правовой нестабильности и резко повысит риски третьей мировой войны. На данный момент частое злоупотребление термином «порядок, основанный на правилах» представителями государств-членов НАТО в поддержку своих политически конъюнктурных заявлений, келейно согласованных между собой, препятствует достижению на универсальном уровне взаимоприемлемого понимания данной концепции, которая соответствовала бы международному праву.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: порядок, основанный на правилах, международный порядок, верховенство международного права, международная

юридическая система, мягкое право, нормативность в международном праве

ский журнал международного права. №2. С. 35–60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А. Н. [и др.]. 2021. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право. – Москов-

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

In recent years, a certain neo-narrative “rules-based order” has gradually gained ground at many international meetings, even at the level of the United Nations. Within the framework of a vigorous political debate, this phrase, while becoming popular, may not raise suspicion of an “anarchist” or destructive connotation, because of the key “positive” words - “order” and “rules”. However, if we scrutinize it in the context of the international legal discourse, then questions arise about the exact legal meaning of this term, and – most importantly – about the grounds for its appearance and about its relation to the existing international legal system. In the default of a clear content behind the catchy form of the neo-narrative, its meaning has to be defined from the context of its use. In this way the “uncertainty” of the concept becomes not just a shortcoming (if such is assumed), but the danger of “erosion” of the very core of the current international legal system.

In January 2019, Sergei Lavrov, Russian Minister of foreign affairs stated: “There have been attempts [...] to replace the universal norms of international law with a “rules-based order.” This term was recently coined to camouflage a striving to invent rules

depending on changes in the political situation so as to be able to put pressure on disagreeable states and often even on allies”².

On the other hand, in G7 Joint Statement made in 2021 the leaders of Western countries addressed Russian “behavior that is threatening the rules-based international order”³.

As Stefan Talmon, professor of the University of Bonn remarked, “one does not have to go so far as the Russian Foreign Minister who, in fact, accused Germany and others of trying to replace international law with a rules-based order founded on political expediency that serves their political, military and economic interests”⁴. According to the Russian Foreign Minister statement presented at the 12th BRICS (summit hosted by Russian Federation in 2020), the Western countries “are advocating a West-centric concept of a “rules-based world order” as an alternative to international law”⁵. Obviously, the situation around the concept “rules-based international order” goes beyond the framework of discursive misunderstanding, moving to the level of competitive understanding what is the world legal order today. To identify the root of this conflict, we should address a number of questions, beginning with the emergence of the concept.

² Foreign Minister Sergey Lavrov’s remarks and answers to media questions at a news conference on the results of Russian diplomacy in 2018. January 16, 2019. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/3476729?p_p_id=101_INSTANCE_ckNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_ckNonkJE02Bw_languageId=en_GB (accessed 20.12.2020). S. Lavrov noted the problem of the rare use of the language of international law among the Western partners in his speech at the international conference in New Delhi on January 15, 2020. See Foreign Minister Sergey Lavrov’s remarks and answers to questions at a plenary session of the Raisina Dialogue international conference. January 15, 2020. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/3994885 (accessed 20.12.2020).

³ G7 Foreign Ministers Communiqué of 5 May 2021. Para. 7. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/97842/g7-foreign-and-development-ministers-meeting-communiqué_en (accessed 15.05.2021).

⁴ Talmon S. Rules-based order v. international law? – *German Practice in International Law*. January 20, 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (accessed 20.12.2020).

⁵ US pushing West-centric concept of a “rules-based world order”: Russian Foreign Minister Sergey Lavrov. – *The Economic Times*. October 28, 2020. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/us-pushing-west-centric-concept-of-a-rules-based-world-order-russian-foreign-minister-sergey-lavrov/articleshow/78905855.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed 20.12.2020).

2. The reasons for emergence and spread of the concept

Although the authorship of the wording “rules-based order” remains unknown, the term definitely appeared earlier than in the 90s of the XX century. Hugo Grotius in his famous book “De jure belli ac pacis” (published in 1646) wrote about “rules of moral actions”. The founder of the international law teachings explains that according to ‘the rules of reasonable thinking’ any action, “depending on its correspondence or not to the very wise nature” is qualified as “morally shameful or morally necessary” [Grotius 1956: 70-71]. For the XVII century such understanding of international law seems certainly reasonable. But is the wording ‘rules-based order’ reasonable today – in the period of the UN Charter?

From the very beginning, it is to be noted that there is no universal legal document that would manifest the universal approach to the “rules-based order”. According to some theorists [Kundnani 2017:3], the unfolding of the liberal thought in terms of order-building can be traced back to 1941 when the Atlantic Charter⁶ – a so-called founding document of the “liberal international order” – was signed as a joint declaration of the President of the USA and the Prime Minister of the United Kingdom. The Charter represents a body of principles which parties of the agreement aspire to maintain, including provisions concerning peace and security, safety within national borders, the affirmation of peoples’ right to self-determination and also a block of provisions aimed to contribute to economic prosperity by establishing the fullest possible economic co-operation (e.g. trade barriers lowering) and preservation of “global commons”. However, this agreement is far from being agreed upon by all or most of the world’s powers. Commenting this document, it is correctly noted that it is the UN Charter that remains one of the few multilaterally shared bases of the post-war international order [Kundnani 2017:3].

The appeals to the concept “rules-based order” became more frequent at the turn of the millennium, especially on the margins of the UN during the period of Kofi Atta Annan’s tenure as Secretary

General of this organization (1997-2006). In 2005, Mr. Ahern, representative of Ireland, in his speech at the Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (as part of the discussion on the Treaty’s operation), declared that “... for Ireland a rules-based international order and strong international institutions were of fundamental importance”⁷.

Undoubtedly, there is a direct correlation between the spread and recognition of one or another international legal concept and relevant international relations. In this sense, it is no pure coincidence that the concept “rules-based order” came forth at the end of the Cold War. According to Zbigniew Brzezinski, after the collapse of the Soviet Union, the United States has become the only military superpower which no longer meets political opposition from any states [Brzezinski 1997: 256]. After the “period of détente” and Cold War, this new period (Western states dominance without Soviet bloc states) turned out to be fertile ground for the flourishing political and legal populism and gave rise (especially among middle-sized and small states of the world) to the illusion of a universal triumph of soft power, which may not rely on hard rules of international law⁸. The new ideas got widespread use in their optimistic interpretations: the ideas that instead of the “right of military power”, limited only to the right of avoiding global war, the time has come for “the power of good law”, basing only on military might of the “good United States” and on geoeconomic factors, and the norms of international morality, even if some of states turn out to be ‘ugly’. It was presumed in the West that the “good United States” will never organize *coup d’état* against a constitutional head of another state (like against President Yanukovich in Ukraine); that the US will never intervene into the territory of another state (like Iraq); and the US will never strike with rockets against a diplomatic mission of another state (like against the diplomatic mission of Iran). So ‘rules-based order’ should have meant “good order”, including ‘equal terms’ in relations among States, including the US and other leading powers.

Still, the term remains far from being self-explanatory. The lack of uniform approach to the definition

⁶ Joint declaration by the President of the United States and the Prime Minister of the United Kingdom of 14 August 1941. URL: <https://www.un.org/en/sections/history-united-nations-charter/1941-atlantic-charter/index.html> (accessed 14.12.2020).

⁷ United Nations: 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. April 29, 2005. URL: <https://www.un.org/en/conf/npt/2005/npt-conf2005-18%20english.pdf> (accessed 14.02.2020).

⁸ Joseph S. Nye understood by it the ability to achieve the desirable result through the voluntary participation of allies, sympathy and attractiveness, and not through coercion or handouts. Whereas the hard power should be understood as the ability to coerce, conditioned by the military and economic might of the country [Nye 2004].

of the term leads to a variety of concepts concerning the scope and meaning of the phrase. It is to be noted that in this context such terms as “liberal international order”, “multilateral order”, “US-led global order”, “democratic world order” are alternatively used, often as synonyms to the “rules-based order” by foreign analysts when describing the exact content [Jain, Kroenig 2019: 11]. It is to be noted that term “liberal” is used when an emphasis is made on the leading and prevailing role of the USA in current international order.

For instance, G. John Ikenberry, when defining the “liberal international order” did nothing but described it as an “open and rule-based international order” that is “enshrined in institutions such as the United Nations and norms such as multilateralism” [Ikenberry 2011a:56]. There still remains uncertainty regarding such feature of the order as “liberal”, let alone the evident definite fallacy in the definition given by Ikenberry. It is unclear whether “liberal” refers to the liberalism in the political dimension (in opposing to authoritarianism), or in the economic dimension (in opposition to the concept of protectionism), or in terms of international relations (contrary to realism policy). According to one of the theorists, the “liberal international order” encompasses all of the three mentioned aspects [Kundnani 2017:1]. Moreover, the current order is believed to be made up of diverse suborders: economic, security, and political. All of these enshrine “varying breadths of membership, levels of legitimacy, motivating logics, and effects on state behaviour” [Mazarr et al. 2016: xi].

Alongside admitting the ambiguity of the phrase “liberal international order” former Dean of the Harvard’s Kennedy School of Government J. Nye claims the order “was never global and not always very liberal” [Nye 2019: 71]. Professor J. Nye himself, however, adds more ambiguity claiming that the order in question has four major strands. Chronologically, the first strand of the rules-based order is a particular form of international economic relations, creation of which can be traced back to the Bretton Woods conference,

where such liberal economic institutions as the International Monetary Fund and the International Bank for Reconstruction and Development were conceived of. As a matter of fact, the economic suborder is usually meant when the rules-based order is described as open. Charters⁹ of the two intergovernmental economic organizations serve as a legal basis for this strand as well as the WTO agreements¹⁰ that made free trade truly global round by round. Documents mentioned above were designed not only to promote free movement of goods and services but also to enable international financial flows and thus propel global economic growth. According to J. Nye, the second strand – a security one followed the first as the creation of the United Nations marked another step in international order building. In these aspect agreements on arms control and limitation of weapons proliferation were later negotiated. Some analysts emphasize the security aspect when distinguishing a rules-based order from the one where states acts are motivated simply by power [Ikenberry 2011b:XII]. As a matter of fact, security suborder is said to have evolved over time once established in Yalta, then by reaffirming the principle of borders’ inviolability and giving rise to what is now known as the Organisation for Security and Cooperation in Europe, and finally relying upon the terms of Charter of Paris for a New Europe, in which democracy was declared to be “the only system of government of our nations”¹¹.

The third strand, as asserted by J. Nye, concerns human rights and liberal political values that were incorporated in the United Nations Charter and later enumerated in Universal Declaration of Human Rights adopted by the United Nations General Assembly in 1948. The UN Charter document “reaffirmed faith in fundamental human rights, and dignity and worth of human person” as well as committed all member states to promote and foster “universal respect for, and observance of, human rights and fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion”¹². However, this suborder is acknowledged to have taken “root more slowly” than the others, remaining to a great extent

⁹ Articles of Agreement of the International Monetary Fund and Articles of Agreement of the International Bank for Reconstruction and Development of 27 December 1945. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202/v2.pdf> (accessed 28.12.2020).

¹⁰ Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization (with final act, annexes and protocol) of 15 April 1994. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201867/volume-1867-A-31874-English.pdf> (accessed 28.12.2020).

¹¹ Charter of Paris for New Europe of 21 November 1990. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/0/6/39516.pdf> (accessed 28.12.2020).

¹² Charter of the United Nations of 24 October 1945. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (accessed 28.12.2020).

declaratory during the Cold War period [Ikenberry 2011a:56].

According to Prof. Nye the last element of the rules-based order is aimed at protection of “global commons”, United Nations Convention on the Law of the Sea is regarded as one of the relevant documents along with agreements that deal with climate change issues, space and Antarctica.

For instance, according to Prof. Ikenberry such “rules-based order” is comprised of: “(1) shared agreement about the rules of the game within the political order; (2) the establishment of rules and institutions that bind and set authoritative limits on the exercise of power; (3) a high degree of institutional autonomy from special interests; and (4) the entrenchment of these rules, principles, and institutions within a wider and relatively immutable political system” [Ikenberry 2001:30-31]. It is the no coercive and consensual nature of the order that differs it from alternative forms of order. The author admits that “the current order” is stable and resilient because it is recognised as legitimate by all its members [Ikenberry 2001:52]. The post-war international order is characterized by other authors as based on “core principles” as “economic stability, nonaggression, and coordinated activity on shared challenges” [Mazarr et al. 2016: 13]. The authors do not bother, however, to consider *in concreto* whether these principles are already norms of international law.

This is how the contemporary concept “rules-based order” crystallized.

The attractiveness of the concept “rules-based international order”, however, is explained by the fact that, being born in political discourse, it remains free from the formal legal requirements that constitute the proper normativity of international law, and at the same time it is associated with the ideal all-encompassing “natural morality” [Koskenniemi 2006:17]. For a number of authors, the emergence of the concept can be perceived as a by-product of the revival of the natural law approach in international legal discourse [Koskenniemi 2009; Hall 2011]. Further analysis shows that this understanding has also turned out to be far from the reality.

First, the concept “rules-based order”, because of its ambiguity noted above, can't be qualified as an institute of the current international law. This notion does not have universal recognition, it cannot be considered as part of the existing international legal “adaptation” due to the lack of the current normative

content. If, according to H. Kelsen, “international law obliges and empowers the state” [Kelsen 2015: 221] then self-declared soft and ambiguous rules are null and void; such rules do not establish concrete consequences for states in case of their failure to observe these rules. The absence of integral legal content does not allow this concept right now to develop even to the level of international legal teachings within the meaning of Article 38 of the Statute of the International Court of Justice.

Second, lacking universal recognition of legitimacy, due to incompleteness and ambiguity of the “substantive attributes” of the declared order, the concept “rules-based international order” can hardly be considered as a valid idea *de lege ferenda*.

The concept “rules-based international order” is today legally “spineless” and unviable. That does not mean, however, that the concept has no perspective to influence the existing international law. Moreover, an attractive form and “fresh words” without a rigid substantive framework contributes to the wide spread of the concept at the political level, even if understanding of the concept is non-consistent.

3. The problem of non-consistent understanding

Without the relevant support in the universal international treaties, solid doctrinal basis, the concept “rules-based order” can acquire completely different (if not contradictory) meanings depending on a topic of the discussion and intentions of speakers. It is noteworthy that the concept “rules-based order” is addressed by representatives of various states, and even more remarkable, in a wide variety of contexts. Let us examine some examples.

Western Europe. On March 16, 2004 Brian Cowen, the Minister of foreign affairs of Ireland in his speech at the disarmament conference in Geneva stated as follows: “Ireland’s approach to disarmament is rooted in a firm conviction that multilateral cooperation is in the interest of all and most particularly serves the interests of smaller States who, lacking military power, must rely on building and supporting a strong rules-based system... The European Union, over which Ireland is honored to preside at present, has put a commitment to effective multilateralism at the center of its common foreign and security policy. A rules-based international order and strong international institutions are of fundamental importance to the European Union”¹³. Thus, the speaker probably

¹³ UN Conference on Disarmament. Final record of the hundred and fifty-first plenary meeting. March 16, 2004. URL: <https://undocs.org/CD/PV.951> (accessed 14.02.2020).

uses the concept as reflecting the collective security system based on rules of international law, which is supported by the coordinated efforts of the European Union, though (for some reasons) without direct references to the UN Charter as the major source of modern international law.

Russia. Lately, Russian Foreign Minister Sergey Lavrov has numerously drawn the international community's attention to a currently widely used term "rules-based order". Every time the Minister addresses the issue he objects to using this terminology in formal international documents as well as international discourse due to several reasons. According to Lavrov's remarks and answers to questions during the meeting with members of the Association of European Businesses in Russia on October 5, 2020, when only becoming part of the official discourse some three or four years ago, the term "rules-based order" was said to be used as a synonym for international law by Western powers in order to introduce "some fresh language"¹⁴. However, as maintained by the Russian Federation, traditional norms, principles, and mechanisms of international law are now undermined and replaced step by step by some non-universal rules, which are not only uncodified but also created on a unilateral basis without consensus intrinsic to international law.

The allegation stated above manifests itself in two areas where the system established after World War II is being eroded. The first aspect where the re-writing of generally accepted norms of international law takes place concerns the so-called process of existing international organisations' secretariats' privatisation. The most vivid example is the Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW),

which is one of the most universal organisations. It is based on the Chemical Weapons Convention (CWC)¹⁵, which was adopted unanimously (i.e. the only possible way any convention can be adopted) and further ratified by 193 countries. Notwithstanding the fact that Convention and accordingly Organisation were created mainly to "address clearly defined tasks of technical assistance to national programmes of destructing chemical weapons' stockpiles"¹⁶, attempts made by Great Britain and other states to expand the Organisation's mandate by assigning OPCW Secretariat (which is of strictly technical nature) with attributive power to identify the perpetrators responsible for the use of chemical weapons and carry out the attribution succeeded at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties in 2018¹⁷. When in need of expanding Organization's mandate, it is always necessary to amend the Convention it is based upon according to amending provisions. In official Statement of the Republic of Burundi at the Fourth Special Session Burundi Delegation questioned legal grounds for the creation of attributive mechanism within the OPCW, which mission is mainly technical, as well as recalled that, unlike States, international organizations, albeit being subjects of international law, do not possess universal legal personality which leads to conclusion that "they have the right to act only within the mandate clearly stipulated in their founding documents"¹⁸. "Neither the Conference, nor the Executive Council, nor the Technical Secretariat has a mandate that would allow it to assign attribution for violating the Convention"¹⁹. So according to international law, the provisions of the Convention itself had to be amended to vest attributive powers in Organisation

¹⁴ Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to questions during the meeting with members of the Association of European Businesses in Russia. October 5, 2020. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/4368405 (accessed: 28.12.2020).

¹⁵ Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction. of 3 September 1992. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-3&chapter=26 (accessed 28.12.2020).

¹⁶ Russian Embassy in the UK Press Officer's reply to a question on assigning attributive functions to the OPCW Technical Secretariat to identify those responsible for the use of chemical weapons. – *Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. June 28, 2016. URL: <https://www.rusemb.org.uk/fnapr/6571> (accessed 28.12.2020).

¹⁷ OPCW: Decision Addressing the Threat from Chemical Weapons Use. The Fourth Special Session of the Conference of the States Parties. June 27, 2018. C-SS-4/DEC.3. URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/C-SS-4/en/css4dec3_e_.doc.pdf (accessed 28.12.2020).

¹⁸ OPCW: Republic of Burundi Statement by Her Excellency Ambassador Vestine Nahimana, Permanent Representative to the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW) at the Fourth Special Session of the Conference of States Parties to the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons. June 26, 2018. URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/C-SS-4/en/Burundi_National_Statement_English.pdf. (accessed 28.12.2020).

¹⁹ OPCW: Statement by Mr. G.V. Kalamonov Head of the Delegation of the Russian Federation at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties. June 26, 2018. URL: <https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/2018/08/css4nat40%28e%29.pdf> (accessed 28.12.2020).

legitimately in line with Article XV of the Convention. What was done instead – the decision was taken at a special session of the Conference by less than half member states – is “an obvious abuse of the rules of procedure, undermining the spirit of consensus of the global disarmament and non-proliferation mechanisms” as Press Officer of the Russian Embassy in the UK puts it. What is more, as evidenced by the travaux préparatoires of the Chemical Weapons Convention, “any provisions which might have been interpreted as conferring on the organs of the OPCW attributive powers were intentionally excluded from the draft text or reformulated accordingly”²⁰, which can be construed to provide for obligatory amending process in case of conferring attributive powers to the OPCW.

As underlined in Statement by the Head of the Delegation of the Russian Federation at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties²¹, not only the amending provisions stipulated in Article XV of the Convention were bypassed, but also provisions of the UN Charter regarding UN Security Council’s prerogative to take coercive measures, attribution being one of its elements. The UN Security Council remains the only international body, besides international courts, which is entitled to attribute guilt to perpetrators on the international level and take punitive measures as enshrined in the UN Charter. As long as the decision of the Conference in question clearly deviates from international law it constitutes an instrument of the rules-based order in Russian Foreign Minister’s opinion²². In the light of the above Russia calls for the “unwavering compliance with all existing rules when carrying out fact-finding activities in relation to the use of chemical weapons”²³.

Another area that prompts concerns that the current international system based on international law is being eroded refers to situations when some matters characterized by Sergei Lavrov as “inconvenient” are moved outside the United Nations system. The most vivid illustration of this process is the establishment of the International Partnership against Impunity for the Use of Chemical Weapons headed by France: the question is why matters at hand cannot be discussed on the side-lines of the OPCW. The creation of a distinct organization occupied with overlooking the same aspects as already existing one does – OPCW is explained by the need to group “like-minded states”. According to Russian Foreign Minister, the final goal of this acts is to make politicized decisions in a narrow circle, that would not otherwise be adopted in organizations characterized by wider representation, and later present these decisions as an example of multilateralism²⁴.

Latin America. At the 62nd session of the UN General Assembly in 2007, Charles Savarin, the Minister for Foreign Affairs, Trade, Labor and Civil Service of the Commonwealth of Dominica declared: «Dominica believes that it is only a strong United Nations, sensitive to the variable geometry of its own complex construction, that can serve as the foundation of our shared ambitions for effective multilateralism and a rules-based international order»²⁵. In this case the concept is used in the sense of the international legal order with the UN as the pivotal institute of this order.

Africa. On October 29, 2009 Dire Tladi, the representative of South Africa, during the discussion of the Report of the International Court of Justice at the 64th session of the UN General Assembly remarked: «My delegation is particularly pleased to

²⁰ OPCW: Republic of Burundi Statement by Her Excellency Ambassador Vestine Nahimana, Permanent Representative to the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW) at the Fourth Special Session of the Conference of States Parties to the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons. June 26, 2018. URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/C-SS-4/en/Burundi_National_Statement_English.pdf. (accessed 28.12.2020).

²¹ OPCW: Statement by Mr. G.V. Kalamonov Head of the Delegation of the Russian Federation at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties. June 26, 2018. URL: <https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/2018/08/css4nat40%28e%29.pdf> (accessed 28.12.2020).

²² Foreign Minister Sergey Lavrov’s remarks and answers to questions during the meeting with members of the Association of European Businesses in Russia. October 5, 2020. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4368405 (accessed: 28.12.2020).

²³ OPCW: Statement by Mr. G.V. Kalamonov Head of the Delegation of the Russian Federation at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties. June 26, 2018. URL: <https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/2018/08/css4nat40%28e%29.pdf> (accessed 28.12.2020).

²⁴ Foreign Minister Sergey Lavrov’s remarks and answers to questions during the meeting with members of the Association of European Businesses in Russia. October 5, 2020. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4368405 (accessed: 28.12.2020).

²⁵ UN General Assembly: 15th plenary meeting. October 2, 2007. URL: <https://undocs.org/en/A/62/PV.15> (accessed 14.02.2020).

hear of the frequent visits being made to the Court by national judges, senior legal officials, researchers and other members of the legal profession. We believe that it can only strengthen the understanding of and appreciation for international law, which is an important tool towards the creation of a rules-based international system»²⁶. Hereby, the South African speaker presented the “rules-based international order” as future, global order, achievable in compliance with the current international law with an emphasis on the role of the International Court of Justice in strengthening the international law.

Asia. At the plenary meeting of the 60th session of the UN General Assembly in 2005 Manmohan Singh, the Prime Minister of India, made a point: “All of us assembled here recognize that the United Nations is in need of urgent and comprehensive reform. The management of global interdependence requires strong international institutions and a rules-based multilateral system. The reform of the United Nations must be based on that principle”²⁷. In the context of the call for reforming the UN organization, the concept seems to be used here as meaning a more perfect system of multilateral regulation of international relations.

Notwithstanding being described by western scholars as a “revisionist” power, China through its official representatives claims its respect for the concept “rules-based order”. In 2018 the Foreign Minister of the People’s Republic of China at the meeting with the United Nations General Assembly President Maria Fernanda Espinosa declared that “every nation should protect the rules-based international order, adhere to the aims and principles of the UN Charter, and resolve differences through dialogue and consultation”²⁸. So, for China “rules-based order” does not

contradict the international order based on the UN Charter. In the Joint statement following the 20th EU-China Summit held in 2018 the parties (China and the European Union) “reaffirmed their commitment to multilateralism and the rules-based international order with the United Nations at its core”²⁹.

Australia. The concept “rules-based order” has become one of the key points in Australian international policy since 2008. Used for the first time by Australia’s Prime Minister Kevin Rudd in 2008³⁰, the concept “rules-based order” is part and parcel of Australian policymakers’ discourse. For instance, the 2016 Defence White Paper mentions the term at hand 46 times; rules-based order is defined in the document as “a shared commitment by all countries to conduct their activities in accordance with agreed rules which evolve over time, such as international law and regional security arrangements”³¹. Australian Government consistently advocates for the promotion and protection of the stable rules-based order and emphasizes its importance in its documents, in particular, pertaining to the South China Sea dispute. In this regard Australia’s Foreign Minister J. Bishop (at that time) reminded that all states involved in this dispute “have benefited enormously from the rules-based order” and called for the adherence to international law³². Ever since Australian policymakers have numerous addressed rules-based order concept, and the 2018 Australia’s media release (dedicated to the Special Summit between Australia and the leaders of the Association of the Southeast Asian Nations) underlines that Australia is determined to uphold its “commitment to the rules-based order and international law in the region, including the South China Sea”³³. Mr. Quinlan, the

²⁶ UN General Assembly: Sixty-fourth session 30th plenary meeting. October 29, 2009. Report of the International Court of Justice. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/583/51/PDF/N0958351.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

²⁷ UN General Assembly: Sixtieth session 5th plenary meeting. September 15, 2005. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/511/72/-PDF/-N0551172.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

²⁸ Li Keqiang Meets President of the 73rd UN General Assembly, María Fernanda Espinosa. August 8, 2018. (In Chinese). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/t1584054.shtml (accessed 14.12.2020).

²⁹ Joint statement of the 20th EU-China Summit. July 17, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/china_en/48424/Joint%20statement%20of%20the%2020th%20EU-China%20Summit (accessed 28.12.2020).

³⁰ Scott B. But what does “rules-based order” mean?. – *The Interpreter*. November 2, 2020. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/what-does-rules-based-order-mean> (accessed 28.12.2020).

³¹ Australian Government: 2016 Defence White Paper. P.15. URL: <https://www.defence.gov.au/whitepaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (accessed 28.12.2020).

³² Bishop J. Australia Supports Peaceful Dispute Resolution in the South China Sea. July 12, 2016. <https://www.foreignminister.gov.au/minister/julie-bishop/media-release/australia-supports-peaceful-dispute-resolution-south-china-sea> (accessed 28.12.2020).

³³ Turnbull M. Enhancing Regional Collaboration to Strengthen Our Security and Prosperity.” March 18, 2018..URL: <https://www.malcolmtturnbull.com.au/media/enhancing-regional-collaboration-to-strengthen-our-security-and-prosperity-> (accessed 28.12.2020).

representative of Australia, speaking at the 52nd plenary meeting of the 66th session of the UN General Assembly on the issue of equitable representation on and expansion of the UN Security Council, stated in particular that «Australia's own outlook on reform is founded on the very simple premise that no country should have a monopoly on power. We are committed to a rules-based international order that respects international law, and we believe that the effectiveness of such an order depends on the access and buy-in of all Member States»³⁴. Here, the representative of Australia appeals to the concept in the sense of a system of international relations which is based on the international law. A “rules-based international order” is interpreted in a similar way by the Parliamentarians for Global Action (benefiting from the consultative status within the UN Economic and Social Council³⁵), but without *expressis verbis* reference to international law.

Within the UN, the concept is used sometimes to designate a certain branch of international law, and sometimes – to designate norms which are different compared to those of international law. For instance, the report of the UN Secretary General “Unilateral economic measures as a means of political and economic coercion of developing countries” provides: “The comments of Member States generally expressed disagreement with the imposition of unilateral economic measures as instruments of political and economic coercion against developing countries. Such actions are viewed as contrary to the principles of the Charter of the United Nations, the norms of international law and the rules-based multilateral trading system, which undermine the sovereign equality of States”³⁶.

As we can see, due to different understandings of the notion “rules-based order” (or rules-based system) speakers can mean by this term: a) the world

order based on international law or b) something which is different from the world order based on international law, or c) the rules regulating certain areas of international interstate relations (trade relations, for example). Nevertheless, it is possible to identify a common message in addressing this concept – the desire to exclude the possibility of legitimizing arbitrary actions and positions of some states in the international arena by abusing the existing rules of international law. In this case, the idea of a “rules-based [international] order” is directed against negative unilateralism (even that of the United States, the most powerful military state with number one military budget in the world). Due to the fragmented understanding of “rules-based order”, this positive idea is easily subject to instrumentalization when a strong international actor (like NATO bombarding Belgrade) tries to establish an international “order” that conforms exclusively to its current interests. This observation can be confirmed by the practice of using the concept by the representatives of the United States.

It might be suggested that the idea of the world domination in the U.S. foreign policy dates back to the time of the Monroe Doctrine (proclaimed in 1823), and remains prevalent in modern history, which is confirmed by the statement of Woodrow Wilson in 1917 (that the flag of the United States is “not the flag of America, but of humanity”³⁷). Consequently, in the context of general American rhetoric, the notion of the US rules-based order manifests itself in its destructive aspect – the goal of substituting for the current international law and its core – the UN Charter. Estonian jurist R. Müllerson gave a conceptual hard-hitting assessment of the “world order” conceived outside of legal terms. He notes “that Washington is trying to impose, through military force or sanctions against the disobedient, not the noble regulatory sys-

³⁴ UN General Assembly: 52nd plenary meeting. November 9, 2011. URL: <https://undocs.org/A/66/PV.52> (accessed 28.12.2020).

³⁵ The organization's representatives explain the NPO's goal as follows: «PGA's vision is to create a *rules-based international order* for a more equitable, safe and democratic world, which is in line with the United Nations' Millennium Development Goals. See: UN. Economic and Social Council: Quadrennial reports 2002-2005 submitted through the Secretary-General pursuant to Economic and Social Council resolution 1996/31. November 14, 2006. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/615/91/PDF/N0661591.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

³⁶ UN General Assembly: Unilateral economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries. Report of the Secretary-General. July 27, 2009. URL: https://digitallibrary.un.org/record/662804/files/A_64_179-EN.pdf (accessed 14.02.2020).

³⁷ Thanksgiving Proclamation of Woodrow Wilson dated November 7, 1917. In fact, the US flag was taken as a model for elaboration of the so-called “Humanity Flag – *Auxilio Dei*”, which also combines the national flags of the U.S. allies in the WWI, the United Kingdom and France.

tem that somehow worked even during the Cold War [largely due to the existing balance of power], but the so-called “rules-based” liberal world order, that is, an order based on the rules of Washington and not related to international law” [Müllerson 2020]. Of course, not all speakers cited above meant by the concept “rules-based order” only “the rules of Washington”. However, a spectacular example of the U.S. policy is given by Daniel B. Baer, the U.S. Ambassador, in 2016 in the context of the review of the 1996 OSCE Arms Control Framework: “Until the past few years, the framework and elements of a rules-based international order helped to preserve peace and prosperity in the Euro-Atlantic area because they espoused and defended key principles, such as the right of states to choose freely whether to allow the stationing of foreign forces on their territory”³⁸. This statement reduces the essence of American interest in a rules-based order to the right to deploy U.S. military bases in foreign territories.

In a broader concept, according to the United States positions cited above, the establishment of a “world order” depends entirely on the willingness to promote American global goals with references to international law or without such references and even contrary to the principle of equality of states as it is reflected in the UN Charter. At the same time these examples demonstrate that the concept “rules-based order” is used not only with different meanings, but also for different reasons. In other words, the concept “rule-based order” in speeches of the American politicians and in speeches of the politicians from the non-aligned countries – are completely different concepts. In the U.S. rhetoric the concept serves as a tool in the race for the U.S. ordering the rest of the world how to behave (both at sea and on land) whereas the spread and apparent support of the concept by the developing countries is explained rather by their interest in reforming the UN system, and by their hope for increasing their influence on the financial and economic governance of the world affairs. Taking this into account, it is appropriate to assess the scale of the problem of such different understanding, beginning with the scope of the alleged order.

4. The scope of “rules-based order” in the absence of its generally recognized definition

The contextual use of the concept does not clarify, whether the international rules-based order is always understood as the international order based on international law or something different.

On the one hand, using the concept as an interchangeable synonym for international law order, established following the results of the Second World War, one is free to imply the world legal order. But there are obvious facts of violations by the U.S. of such world legal order based on international law. In Russian legal literature the following facts are listed first and foremost: the violation of the international humanitarian law in 1945, when the United States dropped atomic bombs on Japan; the violation of the UN Charter when the United State invaded Vietnam in 1960-s – 1970-s; the violation of the UN Charter when the United States invaded Nicaragua, etc [Narushenie SShA...1984]. There are other examples, as evidenced by J. Ikenberry, that since the establishment of the current international legal order the United States have repeatedly acted in violation of multilateralism by applying unilateral patterns in their diplomatic, economic, and military policies – namely, when the American government’s embrace of free trade rules turned to be ambivalent in the sense that while the USA championed the creation of the WTO (one of the leading binding institutions), the Washington itself neglected the spirit and fundamental purpose of organisation with its unilateral trade policy [Ikenberry 2001:272]. Schweller finds a problem at the core of the Ikenberry’s statement, underlining that it is not attainable for institutions both to restrain hegemons and to remain autonomous – they are either dependent on strong states and, consequently, capable of binding weak ones or independent of leading states and thus ineffective in “running their business” [Ikenberry 2001:182].

On the other hand, the ex-US ambassador in Ukraine, William Taylor, alleges that Russia has undermined international rules-based order: “The Kremlin attacks the rules that guided [sic] relations between nations since World War II”³⁹. W.Taylor

³⁸ OSCE: Revisiting the 1996 OSCE Framework for Arms Control. As delivered by Ambassador Daniel B. Baer to the Joint Session of the Forum for Security Cooperation and the Permanent Council. October 19, 2016. URL: <https://osce.usmission.gov/revisiting-1996-osce-framework-arms-control-statement-joint-fsc-pc/> (accessed 14.02.2020).

continued "... for centuries until 1945 ... powerful nations dominated and invaded less powerful nations ... nations created spheres of influence that oppressed their neighbors, leading to wars and sufferings. This is how the Russian Empire and the Soviet Union conducted international relations..."⁴⁰. Hereby, the politician accuses the USSR and Russia without bothering to provide neither relevant facts nor legal arguments, while ignoring even recent U.S. violations of international law, the most evident for the developing states – invading sovereign Iraq and killing its president S. Hussein. The US official also hides the fact that it is the US Administration that organized *coup d'Etat* in Kiev in 2014 (as a result of which the constitutionally elected President of Ukraine Yanukovich was replaced by the 'acting president' governed from Washington and the former territory of the Ukrainian Soviet Republic was divided) [Vylegzhanin, Kritsky 2014]. Furthermore, the US speaker reveals his nihilist attitude to international law existing before 1945. By that time international law managed to pass through milestones in the development of the world legal order, including the Westphalian world order (1648-1815); the Vienna world order (1815-1871); the Versailles world order (1919-1945). Definitely, with the evolution of the system of international relations, the former norms of the "law of war" (legitimizing territorial conquests and the implementation of colonial policy) have now become obsolete. The renewal of the international legal system is due to the evolution of the values, recognized by the international community of states, which *per se* does not deny the adequacy to the international legal system of some values that exist in international relations from the time immemorial.

As summarized by S. Patrick, the rules-based order presumes that "all sovereign states are entitled to political independence, territorial integrity, and freedom from intervention; the use of force, except in cases of self-defense, requires collective authorization by the UN Security Council (...); vessels from all states are free to traverse the open ocean without hindrance; the commerce of all nations should be accorded non-discriminatory treatment; and all peoples should be entitled to political self-determi-

nation" [Patrick 2016:11-12]. Again, the question arises, because these ideas are already better reflected in the international order based the UN Charter.

S. Van Nieuwenhuizen gives a complex and rather broad definition of the rules-based order that tends to embrace all of the elements and features that substantially characterize order in place: "The international order is generally understood to be comprised of institutions, international law and norms providing for the ordered political, military and economic interaction of states" [Nieuwenhuizen 2019:184]. The words "international law and norms" in this context look strange. Some authors claim that the rules-based system includes also informal rules alongside with formal ones [Jain, Kroenig 2019: 11].

According to some documents, the sources of "rules-based order" are identified with the sources of international law. In the Joint Statement the British Foreign Minister, Boris Johnson, French Foreign Minister, Jean-Yves Le Drian, German Foreign Minister, Heiko Maas and US Secretary of State John Sullivan on 4 April 2017 (in response to a chemical attack in a Syrian city Khan Shaykhun) declared: "Each time a chemical weapon is used, it undermines the global consensus against its employment. Further, any such use in clear violation of the Chemical Weapons Convention gravely undermines the rules-based international order". In this case the invocation of the concept addresses violations of the norms of international humanitarian law, which prohibit the use of chemical weapons; so, in this case the "international rules-based order" is understood as an international order based on modern international law (again without explicit references to it).

At the same time, for some politicians it is unclear whether there exist rules for specific "areas" of the international order or only rules for the world order as a whole. Thus, the representative of Sweden, Mr. Bennwick, who, discussing the promotion and protection of human rights at the 64th session of the UN General Assembly, noted: "The European Union supported respect for rules-based international systems in all fields"⁴¹. The representative of Ghana, Mr. Christian, speaking at the 64th session of the UN General Assembly on financing for development,

³⁹ Eks-posol SShA v Ukraine Uil'yam Teilor ob"yasnil Pompeo, chto SShA dolzhny sdelat' dlya Ukrainy: detal [Ex-US Ambassador in Ukraine William Taylor explained Pompeo what the US should do for Ukraine]. – *Dialog.UA*. January 29, 2020. (In Russ.). URL: https://www.dialog.ua/world/200040_1580246267 (accessed 14.02.2020).

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ UN General Assembly: Sixty-fourth session. February 3, 2010. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/613/63/pdf/N0961363.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

underlined: “The international community should more actively pursue the development of an agreed rules-based approach to sovereign debt workouts”⁴². The representative of the Islamic Republic of Iran, Mr. Dehghani, in turn, stated that “trade was a vital tool to provide long-term sustainable growth. In order to fully utilize its potential, it was important to uphold a universal, rules-based, open, non-discriminatory, depoliticized and equitable multilateral trading system that contributed to growth and development, especially for developing countries”⁴³. Notably the need to “support a rules-based trading system” has been repeatedly emphasized by representatives of many countries: the representative of South Africa, Mr. Mashabane⁴⁴, the representative of Thailand, Ms. Sujira⁴⁵, the representative of Nigeria, Mr. Ejina⁴⁶, the representative of Qatar, Mr. Al Sada⁴⁷, and others. Quite often speculations on an international rules-based system can be found in international practice in relation to human rights⁴⁸, disarmament, non-proliferation and arms control⁴⁹, reforms of the UN Security Council⁵⁰, etc.

The widespread political fashion for the use of the concept by representatives of various states leads to the formation of a “soap bubble”, when states associate many hopes with a “rules-based international order”. Thus, the representative of the Philippines, Mr. De Vega, speaking in the second UN committee on

October 4, 2011, stated that “All those challenges [empowerment of peoples to prosper, natural disasters, food security, and ongoing economic crisis] would be overcome only when international relations were firmly anchored in a rules-based system”⁵¹. Again, he does not explain what “a rules-based system” is; we can only assume that with this wording, the speaker expressed his hope for the international order based on rules which are agreed upon between States (that is – rules of international law).

Some researchers go further, suggesting that the concept may imply several “international systems based on rules”. For instance, M. Chalmers, an expert at the British Royal United Services Institute for Defence and Security studies, suggested the existence of four such systems that serve as the pillars of the international order (“four-pillared international order”): the universal security system; the universal economic system; the western system and the system of major power relations and bargains. According to him, the rules that make up each of the systems reflect the results of power-based bargains [Chalmers 2019: 3]. But do the rules of these systems by themselves have a positive legal value acceptable to the community of States as a whole?

According to M. Chalmers, the “classical” division of states into those which comply with the norms of international law and those which do not comply is

⁴² UN General Assembly Sixty-fourth session. 77th plenary meeting. March 23, 2010. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/286/18/pdf/N1028618.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ UN General Assembly: Sixty-eighth session. Summary record of the 21st meeting October 24, 2013. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/529/59/pdf/N1352959.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

⁴⁵ *Ibidem*.

⁴⁶ *Ibidem*.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ UN General Assembly: Summary record of the 44th meeting, New York. November 19, 2009. Agenda item 69: Promotion and protection of human rights. Mr. Bennwick (Sweden). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/613/63/pdf/N0961363.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

⁴⁹ UN Conference on Disarmament: Final record of the one thousand two hundred and thirty-first plenary meeting. August 4, 2011. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G12/-611/42/PDF/G1261142.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020). See also: UN General Assembly Sixty-second session. First Committee 7th meeting, October 16, 2007. General debate on all disarmament and international security agenda items. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/542/80/PDF/N0754280.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

⁵⁰ UN General Assembly: Sixtieth session. 5th plenary meeting. September 15, 2005. Mr. Singh (India). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/-N05/511/72/PDF/N0551172.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020); See also: UN General Assembly: The rule of law at the national and international levels. Letter dated 18 April 2008 from the Permanent Representative of Austria to the United Nations addressed to the Secretary-General. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/330/-21/PDF/N0833021.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020); UN General Assembly Sixty-second session. October 16, 2007. General debate on all disarmament and international security agenda items. Mr. Kariyawasam (Sri Lanka). URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/542/-80/PDF/N0754280.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

⁵¹ UN General Assembly: Sixty-sixth session. Second Committee. Summary record of the 4th meeting. November 17, 2011. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/528/67/PDF/N11-52867.pdf?OpenElement> (accessed 14.02.2020).

an oversimplification of the real state of affairs, where the balance of forces in one system affects the "legitimacy" of the state's behavior in another system. For example, the key principles of the universal security system are the principles of international law, embodied in the UN Charter in 1945, such as the right to self-determination, the prohibition of aggression, the sovereign equality of states, etc. This universal system is in constant tension with the selective Western "liberal order" system described above. Although *de facto* the system of Western values is becoming dominant in the western world (especially with the process of globalization), it cannot take legal priority in global security issues, because of the existing rules of the universal security system, as it is maintained by the UN Security Council, and by a number of relevant international treaties on the arms limitation, etc.

In this context it is logical to assume that the basis for different understandings of the concept "rules-based order" and the reason for free use of this legal neologism (attractive by wording and indefinite in content), is the lack of a clear understanding what exact rules constitute the foundation of the concept "rules-based order".

5. The problem of unclear content of the concept

As was shown above, the adherents of the concept "rules-based order" cannot agree on the key question – what concrete "rules" serve as a basis for this order.

Some of them do not see the difference between these "rules" and the norms of international law⁵². Moreover, the opinion that the rules of international legal order and international legal norms are identical is widespread not only among public officials, and also among international experts. For instance, R. Allison (the British political analyst) argues that "norms and rules are ultimately vested in international law, which is contested but is still the foundation of global order". Therefore, according to R. Allison, Russia's objections to the imposition of

"rules-based international order" are interpreted not only as an opposition between the observance of the rules and the operation of law, but as a "revisionist approach of Russia" to international law in general [Allison 2020:981-983]. The scholar calls it "the neo-revisionist argument" under which he means "the image of Russia as a status quo power, drawn into qualified revisionist actions in reaction to the earlier Western practice of liberal interventionism and concerns about Moscow's agency in interpreting international law and norms" [Allison 2020:980]. American diplomat and independent expert of the Carnegie Endowment for International Peace Ph. Rembler believes that "reducing" the foundations of international law to the provisions of the UN Charter and Security Council resolutions allows to a state to "reject on principle commitments regarding human rights and democratic governance"⁵³. At the same time, it should be noted that the Russian prevailing legal teachings do not try to "reduce" the principles of international law to the principles set forth in the UN Charter; however, they do emphasize the significance of the UN Charter among other sources of international law⁵⁴. Dutch researchers, M. Groff and J. Larik, share the same opinion on the foundations of contemporary international legal order: "There is today an overwhelming commitment to the rules-based order established in 1945" [Groff, Larik 2020].

Other publicists do not consider as identical the rules which are meant within the concept "rules-based order" and the norms of international law; however, they find "no clear or agreed set of goals, methods, or limits", which would constitute such order [Kissinger 2015:10]. Using some norms of international law as a pretext, they include into the relevant "order" within the concept such "rules" that do not have international legal character⁵⁵.

These notwithstanding calls to "play by the rules" are more and more often heard from international tribunes, addressed to Russia. For example, in 2006 Condoleezza Rice, the US Secretary of State, claimed that "Russia must play by ... the rules"⁵⁶, and in 2008 she spoke about the inadmissibility of the situation

⁵² See, for example: [The Contribution...2019].

⁵³ Rembler Ph. Russia at the United Nations: Law, Sovereignty, and Legitimacy. – *Carnegie Endowment for International Peace*. January 2020. // URL: <https://carnegieendowment.org/2020/01/22/russia-at-united-nations-law-sovereignty-and-legitimacy-pub-80753> (accessed 20.12.2020).

⁵⁴ See: *Mezhdunarodnoe pravo v 2 ch. Chast' 1: uchebnik*. Otv. red. A. N. Vylegzhanin. 4-e izd [International Law. In 2 parts. Part 1: a textbook. Ed. by A.N. Vylegzhanin. 4th ed.]. Moscow: Yurait Publ.2021. P.73-81. (In Russ.).

⁵⁵ See, for example: [Mazarr et al. 2016:7; United Nations Association of Australia... 2015:7-12].

⁵⁶ Berg A. Double-Edged Peace Pipes. – *AntiWar.com*. January 20, 2006. URL: <https://original.antiwar.com/annberg/2006/01/20/double-edged-peace-pipes/> (accessed 27.02.2020).

“when there is one set of rules for Russia – and another for everyone else”⁵⁷. And that is astonishing taking into account that never has the Soviet Union nor modern Russia committed such grave violations of international law as the USA – flouting of international humanitarian law or aggression against another state, as described above.

In November 2017 Theresa May declared that the most important diplomatic task of the United Kingdom is “to defend the rules based international order against irresponsible states that seek to erode it”, she underlined “it is Russia’s actions which threaten the international order on which we all depend”⁵⁸. In 2019, Ursula von der Leyen, Germany’s Minister of Defense, stated that “Russia does not respect weakness ...”. She also clarified that to play by the rules means to respect the rules-based international order, including respect to the sovereignty of other countries⁵⁹. Thus, there are sufficient reasons to think that the modern concept “rules-based order” has a political connotation, first and foremost an anti-Russian one; it is added to the current political weapons of the West. Indeed, as noted above, the military intervention of the United States to Iraq, its occupation and organization of death penalty of the Iraqi president S. Hussein is a gross violation of the UN Charter. The same holds for the instructions of the U.S. Ambassador in Kiev to putchists Turchinov, Yatsenuk, Poroshenko how to overthrow the constitutionally elected Ukrainian president Yanukovich. But the flexible anti-Russian concept “rules-based order” allows justifying such actions, committed contrary to the UN Charter.

We can suggest two dimensions of the policy of realizing the concept “rules-based international order” – civilizational and political. The civilizational dimension aims to “liberalize” international relations though revision of the very role of international law in favor of interests of “western civilization” (the United States and their western allies). The political

dimension uses the extra-legal format of such order as a tool to counter the national interests of all other states excepting western states. Both dimensions are “built” on ignoring international law as a legal system though hypocritically referring sometimes to the authority of some rules of international law. In a nutshell the concept presents a tool to universalize a “one-sided western project” of the world order. If “[international] law can exist only if there is a balance, a balance of power between the members of the family of Nations” [Oppenheim 1905: 73], then the utilitarian meaning of the concept “rules-based order” can be reduced to unilaterally imposed view of certain international actors.

So, the concept which has a purely political background, is generally circulated under the guise of the international legal construct. The Russian Foreign Ministry notes that “these ‘rules’ are invented and selectively combined depending on the current needs of the authors” [Lavrov 2019: 31]. Furthermore, those alleged rules present only “a free interpretation or pulling out of the context of certain international legal norms in favor of a limited group of countries”⁶⁰. Therefore, the deduced aim of the concept is to strive “to replace universally agreed international legal instruments and mechanisms with narrow formats, where alternative, non-consensual methods of resolving certain international problems are developed bypassing the legitimate multilateral framework” [Lavrov 2019:31]. Thus, the idea of rules-based international order “denies the collegial beginning of interstate interaction and, by definition, is unable to generate solutions to global problems that will be viable and sustainable in the long-term perspective, and not designed for a propaganda effect within the electoral cycle of a particular country” [Lavrov 2019:34].

Consequently, attempts to establish the predominance of the concept “rules-based order” over international law at least in rhetoric on the international

⁵⁷ Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations at the German Marshall Fund. – *US Department of State*. September 18, 2008. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm> (accessed 27.02.2020).

⁵⁸ PM speech to the Lord Mayor’s Banquet. Theresa May spoke about the importance of an international rules-based system, free markets and fair societies. November 13, 2017, URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-2017> (accessed 27.02.2020).

⁵⁹ “Ne uvazhayut slabost’”: FRG prizvala Moskvu igrat’ po pravilam [“They don’t respect weakness”: Germany called on Moscow to play by the rules]. – *Gazeta.ru*. January 23, 2019. (In Russ.). URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2019/01/23a12140233.shtml> (accessed 02.02.2020).

⁶⁰ Vystuplenie Postoyannogo predstavatelya V.A.Nebenzi v khode dialoga vysokogo urovnya predsedatelei General’noi Assamblei, Soveta Bezopasnosti i Ekonomicheskogo i Sotsial’nogo Soveta OON po voprosam mnogopolyarnogo mira [Speech by the Permanent Representative of the Russian Federation to the UN and the UN Security Council V.A. Nebenzya during a high-level dialogue between the Presidents of the General Assembly, the Security Council and the UN Economic and Social Council on a multipolar world]. – *News2.ru*. September 12, 2019. (In Russ.). URL: <https://news2.ru/story/576161> (accessed 20.05.2020).

arena entail the risks of destabilizing the foundations of international relations. The ambiguous “rules” widely promoted (instead of relevant concrete international legal norms) are aimed at ensuring a “liberal world order” at the cost of undermining the existing system of international law. First, such suggested order supposes to abandon the agreement-based level of relations in Europe achieved in the “post-confrontational” 1990s. Second, the new practice of coercion according to some unclear rules is asserted by introduction of unilateral measures, the so-called “sanctions”. Third, there is a risk of lowering the quality or even nullifying the diplomatic dialogue that states usually carry out, guided by the provisions of the UN Charter and other main sources of international law. Measures preventing such risks should be developed on the basis of a consistent international legal analysis of the current situation, including comparative analysis of the relevant legal teachings.

6. The concept “rules-based order” in the international legal teachings

If one seeks an explanation of this ambiguous concept in the international legal discourse, one has to face the “relative silence of international lawyers”⁶¹. This is quite understandable given that international lawyers, by their profession, deal only with those “rules” that are endowed with normative character by legitimate means of international legal rule-making. Thus, no “rules” in the sense of some conditions for making international legal decisions or of a set of values are included into the research subject of international lawyers, namely the international legal system, until they are expressed in the content of sources of international law or subsidiary means for the determination of rules of law, or, at least, in legitimate positions of states in the international arena within international law.

At the same time, some international lawyers have already drawn attention to the detrimental effect of replacing international legal terms with the category “rules-based order”. Australian international lawyer, Shirley Scott considers the emergence

of “rules-based order” as an attempt to replace the “law-based order”⁶². In her opinion, this dangerous tendency is leading to the extinction of the traditional understanding of international law as politically neutral. According to Dr. Scott, despite the fact that references to the “rules-based order” often include the idea of continuity with the international legal system established after the end of the Second World War, this concept has nothing to do with the principles on which the “ideal of international law” is based [Scott 1994: 313]⁶³. S. Scott identifies six such principles: first, “the principle of political neutrality”, which is expressed in the equal effect of the norms of international law for each state; second, “the principle of peace through law”, which means the possibility of applying law for the peaceful settlement of interstate disputes; third, “the principle of compulsory compliance”, according to which states comply with international law by assuming international legal obligations; fourth, “the principle of legal/illegal dichotomy”, which establishes the distinction between permissible and wrong in legal terms; fifth, “the principle of law preceding politics”, according to which law dictates the choice of political decisions; sixth, “the principle of comprehensive coverage”, which means the ability of international law to cover any issue that arises in interstate relations [Scott 2018: 630-631]. Relying on these principles, international law represents the universally accepted normative ideal with which the international community of states as a whole has agreed on. Therefore, international law is capable of serving as the regulator of all interactions in the international arena. Consequently, the rejection of the principles of international law implies a drastic change in the very coordinate system of international relations; that is the replacement of the world order based on international law with an amorphous order based on potentially changing rules: rules of the United States and their allies – today; or rules of China – tomorrow, etc.

German international lawyer Stefan Talmon does not pose the question so radically: for him the idea of “rules-based order” does not exclude the traditional

⁶¹ Jorgensen M. International Law cannot save the rules-based order. December 18, 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/international-law-cannot-save-rules-based-order> (accessed 20.12.2020)

⁶² Scott Sh. In defense of the International Law-Based Order. – *Australian Institute of International Affairs*. June 7, 2018. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/in-defense-of-the-international-law-based-order/> (accessed 20.12.2020).

⁶³ Sh. Scott is the author of a methodological approach to understanding the relationship between international law and international politics through the presentation of international law as an ideology.

⁶⁴ Talmon S. Op. cit.

international legal order⁶⁴. If “rule-based order” is based on the commitment of states to the existing system of legal rules, then such international order inevitably reflects a system of modern global governance by the norms of international law established in 1945. But as was demonstrated, the concept “rule-based order” seems broader than legal order resulting from observance of international law. It is not limited to a system of binding norms agreed by the sovereign will of states, but also includes the so-called “soft law”, i.e. declarative acts of states, documents of international organizations and associations expressing non-legally binding political intentions. This suggestion finds confirmation of the German Ministry of Foreign Affairs: according to his statement, the concept “rule-based order” is political in nature and “covers not only legally binding norms of international law, but also non-binding norms, standards and rules of conduct. For example, timely payment of contributions, multilateral cooperation to establish a cooperative world order, or informal associations in groups of like-minded or allies. The political term also refers to various international forums, their decision-making rules and negotiation processes”⁶⁵. Within this interpretation the popularity of the term “rules-based order” on the UN platform becomes understandable, as well as the inclusion of references to the rule-based order in numerous international materials.

However, even this positive approach to understanding “rule-based order” also raises concerns⁶⁶. Firstly, to put the system of norms of international law on a par with a set of certain rules that do not have any normative properties means blurring the line between ‘law’ and ‘non-law’. Secondly, the “rule-based order” does not distinguish between the sub-

jects of international law and other participants in international processes, such as transnational companies, international non-governmental organizations, etc. Thirdly, the fragmentary content of the concept “rules-based order” endows the sum of different rules with unpredictable character, always “special rules in special cases”. Non-binding rules are *a priori* deprived of the universality inherent to general international law and expressed in such legal categories as “main principles of international law”, “obligations *erga omnes*”, “*jus cogens*”, etc. Fourthly, calls from political tribunes for a rule-based order are in essence an attempt to tacitly establish the universal “bindingness” of a new aggregate of rules that form the international order without the consent of all states.

In addition to the existing internal contradictions of the concept, its different interpretations and the visible shortcomings as described above, fundamental questions are not answered: *who* sets these rules and *how* are they set? Answering these questions, S. Talmon warns that the assumption of the obligatory “rules-based order” means recognition of some kind of dictate: order by “dictate of the majority” or “order of the strong”⁶⁷. Moreover, if this approach is accepted, one form of establishing authoritarian rule-making at the international level is capable of transitioning into another⁶⁸. Such trend runs counter to the principle of the sovereign equality of states, which includes only voluntary acceptance of international legal obligations by the state. The key question is whether the idea the idea of a “rules-based order” *per se* affects the UN Charter global observance, modern international law in general and the principle of rule of international law in international relations?

⁶⁵ “Die „regelbasierte Ordnung“ umfasst neben den rechtlich verbindlichen Normen des Völkerrechts auch rechtlich nicht bindende Normen, Standards und Verhaltensregeln. Dies sind zum Beispiel die pünktliche Zahlung von Beiträgen, die multilaterale Zusammenarbeit mit dem Ziel einer kooperativen Weltordnung oder informelle Zusammenschlüsse in Freundesgruppen oder Allianzen. Der politische Begriff bezieht sich zudem auf verschiedene internationale Foren und ihre Entscheidungsregeln sowie Verhandlungsprozesse“. See: Deutscher Bundestag. 123. Sitzung. Berlin. 6. November 2019. S. 71-72. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19123.pdf> (accessed 20.12.2020).

⁶⁶ Talmon S. Op. cit.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ It should be noted that the dictate of the majority is the reverse side of the idea that international law is the result of rule-making by the entire international community. For example, M. Hakimi substantiates the idea of the international community by the fact that all its participants are initially interested in achieving common goals, then the conflicts that arise between them are contradictions only in relation to what specific offices of international law and order should be and how they should be established. Contradictions and misunderstandings are only exceptions to common aspirations, and at the same time, they are a natural and even necessary feature of the development of international law. Thus, “international legal conflict can have systemic value for the global order, even when it lacks substantive resolution”. See [Hakimi 2017:317-356].

7. The concept “rules-based order” and the principle “rule of law in international relations”

The first concept, as noted above, has come from the political discussions and tribunes, so it is reasonable to address the question of the existence of any intentions of states to consider this order as based on the principle “rule of law in international relations”. If we follow A. Watts' assumption that “the rule of law’ cannot be other than generally acknowledged as a desirable element of any community’s structure” [Watts 1993:15], we are to say that adherence to the rule of law in international relations is the most desirable conduct among all law-abiding sovereign members of the international community of states. Individual intentions of different states are then explicitly recorded in their declared positions.

7.1. “Rules-based order” is not international law

Reviewing documents or statements by government officials at the level of official policy of states, it can be seen that goals to undermine the rule of law in international relations were never explicitly revealed. Moreover, the statements with references to the “rules-based order” follow the line of accepting the key sources of modern international law, first and foremost, the UN Charter. For instance, speaking at the 68th session of the UN General Assembly on the rule of law at international level, the representative of Pakistan, Mr. Masood Khan, emphasized: «The Charter, international law and a rule-based international system should underpin a just world order. In that regard, the fundamental notions of sovereign equality, the settlement of disputes by peaceful means, and the conduct of international relations without threat or use of force, the right to self-determination of peoples that remained under colonial domina-

tion and foreign occupation, and non-interference in the internal affairs of States were sacrosanct»⁶⁹. The other remarkable statement was made by Al Hadji Yahya A. J. J. Jammeh, the President of Gambia, at the 14th plenary meeting of the 60th session of the UN General Assembly: «Our Organization must be the ultimate defender of the rule of international law, to which all States in the comity of nations must adhere. Any attempt to weaken or undermine our rules-based international system should be rejected without compromise»⁷⁰.

In this regard, the appeal to the rule of law in international discussions correlates with the existing numerous references to the key role of the rule of international law in regulating international relations not only in scholastic works [Troekurov 2006], but also in numerous international acts adopted by the absolute majority of states, including those states the representatives of which invoke the concept “rules-based order”. Thus, the preamble of the Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations 1970 includes such reference to the rule of international law: “Bearing in mind also the paramount importance of the Charter of the United Nations in the promotion of the rule of law among nations...”⁷¹. In the United Nations Millennium Declaration, adopted by a UN General Assembly Resolution in 2000, the member states decided: “To strengthen respect for the rule of law in international as in national affairs and, in particular, to ensure compliance by Member States...”⁷². At the UN World Summit in September 2005, Member States “unanimously recognized the need for universal adherence to and implementation of the rule of law at both the national and international levels”⁷³, and also “to the purposes and principles of the Charter and international law

⁶⁹ United Nations A/C.6/68/SR.6. General Assembly Sixty-eighth session. October 9, 2013. Agenda item 85: The rule of law at the national and international levels (continued). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/505/88/pdf/N1350588.pdf?OpenElement> (accessed 28.12.2020).

⁷⁰ UN General Assembly: 14th plenary meeting. September 19, 2005. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/513/98/PDF/N0551398.pdf?OpenElement> (accessed 28.12.2020).

⁷¹ Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations of 24 October 1970. URL: [https://www.undocs.org/en/A/RES/2625\(XXV\)](https://www.undocs.org/en/A/RES/2625(XXV)) (accessed date: 14.02.2020). The English words “promotion of the rule of law among nations” are expressed in the French text of the Declaration “en favorisant le regne du droit parmi les nations”; in Russian text as “установление правопорядка в отношениях между государствами”.

⁷² United Nations Millennium Declaration of 18 September 2000. Para. 9. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_55_2.pdf (accessed 28.12.2020).

⁷³ UN General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. Para. 134. URL: <https://undocs.org/A/RES/60/1> (accessed 28.12.2020).

and to an international order based on the rule of law and international law”⁷⁴. In 2004 Kofi Annan, the UN Secretary General called the rule of law a “concept at the very heart of the Organization’s mission”⁷⁵.

In this context it might be suggested that concerns about the concept of “rules-based order” as contradicting to the rule of international law in international relations arise precisely in the case of a final equalization of international legal norms and some “rules” of non-legal nature. However, in order to scrutinize specific issues of this contraction, we should get an insight into the substance of the principle “rule of law” itself.

7.2. The principle “rule of law in international relations”

In contrast to the concept “rules-based order”, the very idea of the rule of law (supremacy of law) in international relations is universally developed in the generally accepted categories of “justice” and “equality” [Koskenniemi 2019:27]. Hugo Grotius deduced the possibility of the rule of law from the reasonable nature of the human being; in view of Grotius, it is the reason of a man that allows him to abandon the momentary satisfaction of individual interests, and follow the norms that can ensure the well-being of the whole society [Koskenniemi 2019:30]. The Westphalian international legal order was built on a reasonable presumption of sovereign autonomy and sovereign interests (*raison d’Etat*) that could best be satisfied by a consistent respect of balance of power [Kissinger 2015: 19].

In the XX century, H. Lauterpacht in his outstanding work “The Function of Law in the International Community” (1933) asserted the importance of the rule of law for ensuring peace within the international community. For him, “peace is pre-eminently a legal postulate. Juridically, it is a metaphor for the postulate of the unity of the legal system» [Lauterpacht 2000: 438]. H. Lauterpacht considered the rule of international law as comprehensive: moreover, this comprehensive nature is “an *a priori* assumption of every system of law, not a prescription of positive law”. This logically means that the legal system does

not consist of separate “isolated” acts of coordination of sovereign wills, (which objectively cannot cover and provide for all international legal issues arising in changing international relations), but rather is integrated by some key general principles that always allow to find an argument within international law even in a situation, for which there is no directly applicable norm [Koskenniemi 1997:226]. Thuswise, the idea of the rule of international law itself does not imply a specific course of action, but rather covers the guiding principles for relations within “legally ordered community”, which set the framework for the operation of substantive norms of law [Watts 1993:22].

According to William Bishop the rule of law presumes “the reliance on law as opposed to arbitrary power in international relations; the substitution of settlement by law for settlement by force” [Bishop 1961:553]. However, there is considerable skepticism concerning the very existence of the rule of law on the international level due to the exorbitant role of politics in the international relations so that, according to G. Schwarzenberger, it is more correctly to speak about the rule of force instead of the rule of law [Schwarzenberger, Brown 1976].

Generally, the criticism unfolds as follows: certain theorists believe that the international law lacks normativity due to the absence of universal coercive power in the international dimension so that there are no incentives for states to abide by its rules [Menon 2020:53]. This judgement arises from the John Austin’s command theory, which defined law as a command of the sovereign, and in the event of non-compliance, the offender could be sanctioned [Austin 1995]. However, the mentioned above theory was criticized by Austin’s successors, namely H.L.A. Hart, who emphasized the “internal aspect” of rules rather than external [Hart 1997]. Indeed, such characteristic of law as threat of coercion by the sovereign (which is absent in case of international law) does not stand scrutiny, especially when the government itself complies with decisions made against it [Fisher 1961].

On the other hand, if one takes a look at the state of compliance with the international law nowadays,

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ UN Security Council: The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies. Report of the Secretary-General. August 23, 2004. Para. 6. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/PCS%20S%202004%20616.pdf> (accessed 14.02.2020). See also: UN General Assembly: Uniting our Strengths: Enhancing United Nations Support for the Rule of Law. Report of the Secretary-General. December 14, 2006. URL: <https://www.refworld.org/docid/45c30c5f0.html> (accessed 14.02.2020).

it turns out that by and large states do comply with its rules notwithstanding the fact that it lacks a sovereign [Menon 2020: 54]. This can be proved as follows: firstly, the sources of international law are generally recognized⁷⁶, secondly, there are certain widely accepted rules, governing the process of international rulemaking⁷⁷, and finally, it can be illustrated by numbers – the percentage of rulings of international courts that are complied with is consistently higher than the rate of the complete defiance [Paulson 2004:457; Llamzon 2007: 852]. Therefore, those who claim that international law does not exist due to the lack of universal coercive power at the international level simply contradict observable facts.

Indeed, “international obligations today are perhaps more enforceable than ever before” [Menon 2020: 55]. According to S. Menon, this is the result of the overall growth of the number of international judicial institutions and their significance in international relations. Such issues as consular assistance, dual nationality and the detention of foreigners are getting more attention within the corpus of international law [Trindade 2015:5]. Moreover, it is noted that individuals are gaining more mechanisms designed to hold states accountable for violations of international law vis-à-vis them within various emerging procedures such as investor-state dispute settlement mechanism, which are usually initiated by way of arbitration. The advantages of the mentioned above system include more time- and cost-effective procedure and less cumbersome compared with dispute resolution performed at the state-to-state level [De Baere, Chané, Wouters 2015: 4].

It should be emphasized that the clause “the rule of law” cannot exist without association with justice. By itself, the “dominant position” of law as a regulator of social relations is not sufficient evidence of the rule of law, since the dominant position may be occupied by a system of unjust and repressive norms [Watts 1993: 23]. For instance, it is in this way that proponents of the so called “Third World Approaches to International Law” qualify the norms of international law of the previous world legal order of the colonial system, as well as the norms of modern international law that impede the equal economic development of states [Ikejiaku 2014]. In this sense, the rule of law is a counterbalance to political power of

strong actors, exerting a deterrent effect. As V. Jenks justly noted, “no legal system operates, or can operate, in a political vacuum; no political system can provide good government, ensure justice, or preserve freedom except on the basis of respect for law” [Jenks 1964:757]. The law itself can never be ultimately perfect. But the absence of respect for law will always bring negative consequences.

7.3. Compatibility of the concept “rules-based order” with international law

In view of the above-mentioned arguments, is it possible to formulate criteria for those circumstances under which the concept does not contradict international law? This issue is examined by the international research group at the Free University of Berlin and the University of Potsdam as part of the project “The International Rule of Law – Rise or Decline?”, which has been implemented since 2016. Co-leader of the project, German lawyer G. Nolte identifies five factors influencing the rise and decline of the rule of international law.

First, political developments, including ‘return of geopolitics’, including ideological confrontation, the problem of legitimacy of international legal decisions related to the distribution of decision-making power, and the shift of power from the core players. Second, systemic violations of the norms of international law, which can indicate the formation of new directions in the development of international law, and raise the question of the very existence of international law. Third, structural developments in international law, which may cast doubt upon the role of international law as a necessary basis for international relations. On the one hand, structural developments make it possible to avoid stagnation in the evolution of interstate relations, ensuring the relative flexibility of the international legal system, for example, by allowing informal types of cooperation or by involving new participants. On the other hand, structural developments bring with them all the disadvantages of deformalization, such as the problem of hegemonic governance, a distorted legal consciousness and a lack of legitimacy of the rules being formed. Fourth, contestations of the underlying values of the international law, such as maintaining peace and security,

⁷⁶ Statute of the International Court of Justice of 26 June 1945. Art. 38(1). URL: <https://www.icj-cij.org/en/statute> (accessed 12.12.2020).

⁷⁷ As of April 2021, 116 State Parties have ratified the Vienna Convention on the Law of Treaties.

recognition of human rights, solidarity obligations in relation to common values, such as sustainable development, etc. Fifth, institutional challenges associated with the proliferation of international organizations, and institutions for the resolution of disputes, their expansive and fragmented international legal practice [Krieger, Nolte 2016].

According to this five-sided scheme, one can characterize the influence of the concept “rules-based order” on the principle “rule of law” – in terms of “rise or decline”. However, the positive or negative impact will depend on the proposed hypotheses. For example, the emergence of the rhetoric about the “rules-based order” as a political development is negative if it allows the unilateral imposition of selected rules by illegitimate means against the will of other states, entailing, for example, concentration of power within a group of western states at the expense of other states. In these circumstances the concept “rules-based order” becomes a factor of systemic violations of international law. The concept exerts negative impact as it serves the purpose of justifying some acts of western states through distorting the content of international legal norms. As a structural development, the establishment of such new “order” would entail erosion of the normative hierarchy in the international legal system and decrease in the legitimacy of existing legal procedures. As a factor undermining the international peace and security, the concept “rules-based order” turns out to be negative as it is aimed at rejection of the existing values of the international legal system in favour of questionable alternatives. Finally, as an institutional challenge, the concept “rules-based order” takes on a negative meaning if it is realized *de facto* via some international agreements, contacts or associations, thus claiming universality. Accordingly, it is a necessity to prevent these “negative” parameters, so that the very idea of a rules-based order does not contradict the principle of the rule of law in international relations.

Without such “negative” factors, the idea of a “rules-based order” could be compared with the concept “international juridical system” as suggested by Prof. G. Tunkin. The Soviet international lawyer introduced the concept of an “international juridical system”, which included not only legal norms, but also semi-legal norms, closely interrelated [Tunkin 1978:60-61]. He understood “semi-legal norms” as norms that though are not norms of law, contain some legal element, for instance, recommendations of international organizations and international arrangements (understandings and memoranda). This doctrinal innovation made it possible to systematize

constantly emerging norms at the international level in the context of the growing internationalization of many aspects of life. The concept presented within the walls of the Hague Academy of International Law in 1975 did not cause any controversy or refutation, and even was repeatedly mentioned in publications on the legal significance of the rule-making of international organizations [Institut...1985:39]. This is probably because the advanced legal concept positively affects the operation of the existing procedures for establishing international legal norms. It was assumed that “semi-legal” norms, as well as international legal ones, are the result of the coordination of the wills of states, and are addressed only to states, their difference lies only in the degree of normativity and flexibility of creation.

This example allows us to draw a conclusion about possible positive features of the concept “rules-based order” if it corresponds to international law. First, the concept should not question the legitimacy of recognized international law-making procedures. Consequently, the concept is to exclude any illegitimate distortion of universal legal rules. Second, the concept should distinguish between the types of norms that form the basis of the order, according to the degree of normativity. Therefore, references to the rules that form the basis of the order must contain an indication of the source, i.e. the site at which the rules were developed and within which they apply. This means that the claim that the entire “rule-based order” is universally binding is wrong. Third, the concept “rule-based order” cannot be abstract. Finally, the effect of particular rules should be limited to a specific circle of creators and addressees of the rules, thereby excluding unreasonable expectations of the implementation of the rules by states not participating in their development. These simple suggestions might promote the concerned concept into real international life without raising doubts about its compatibility with international law.

8. Conclusion

Research of the concept “rules-based order” has demonstrated, that the use of this concept *per se* does not shatter the stability of the existing international legal order. However, the dependence of the concept on the meaning given to it by those who refer to this concept makes the concept vulnerable to political discursive manipulation. Today, the meaning of the concept is determined by the relevant concrete circumstances and authorship. From this point of view, the concerns of the Russian Foreign Ministry about

the risks of replacing international law with the paralegal concept “rules-based order” are well reasoned and, as was shown, find support of foreign international legal scholars. The problem is that today the concept is widely accepted not only by the USA and other western states, but also by huge number of developing states and such a rising economic and military superpower as China. In these circumstances, in our opinion, the conceptual conflict is to be re-

solved. In fact, is not as sharp as, for example, the famous “War of books” (“Mare Liberum” v. “Mare Clousum”). It can be resolved without a radical rejection of the use of this popular notion nor its acceptance. It is enough to agree on the basic content of the concept which might be universally acceptable and might neutralize its negative anti-international law connotation, burdened with risks of legal nihilism in international relations.

References

- Abashidze A.Kh., Mel'shina K.Yu. Verkhovenstvo prava, ponimaemoe Organizatsiei Ob"edinennykh Natsii [Supremacy of law in the UN conception]. – *Vestnik VolGU. Seriya 5, Yurisprudentsiya*. 2016. Vol. 15. No. 4. P. 10-18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.1>
- Ablaeva E. B. "Rule of law" v rabote mezhdunarodnykh organizatsii. ["Rule of law" in the work of international organizations]. – *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. 2017. No. 7. P. 193-200. (In Russ)
- Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the 'Rules-Based' International Order. – *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol.72. Issue 6. P. 976-995. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1773406>
- Austin. J. *The Province of Jurisprudence Determined*. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521546.006>
- Bishop W. The International Rule of Law. – *Michigan Law Review*. 1961. Vol. 59. Issue 4. P. 553-574.
- Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books. 1997.256 p.
- Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single 'Rules-Based International System'. – *Royal United Services Institute for Defense and Security Studies Occasional Paper*. 2019. April. URL: https://rusieurope.eu/sites/default/files/201905_op_which_rules_why_there_is_no_single_rules_based_international_system_web.pdf (accessed 20.12.2020)
- De Baere G., Chané A.-L., Wouters J. Assessing the Contribution of the International Judiciary to the Rule of Law: Elements of a Roadmap. – *Leuven Centre for Global Governance Studies Working Paper*. 2015. No. 157. 45 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID2704266_code1616973.pdf?abstractid=2704266&mirid=1 (accessed 20.12.2020)
- Fisher R. Bringing Law to Bear on Governments. – *Harvard Law Review*. 1961. Vol. 74. No. 6. P. 1130-1140.
- Graham T. U.S.-Russian Relations in a New Era. – *SShA i Kanada: politika, ekonomika, kul'tura*. 2019. No. 1. P. 76-89. DOI: 10.31857/S032120680003607-1
- Grinin L. E. Global'nye protsessy i kontury novogo mirovogo poryadka [Global processes and contours of the new world order]. – *Filosofiya i obshchestvo*. 2015. No. 3-4. P. 7-33. (In Russ.)
- Groff M., Larik J. *Strengthening the Rules-based global order. The Case for an International Rule of Law Package*. Leiden. 2020. 13 p. URL: <https://www.stimson.org/2020/strengthening-the-rules-based-global-order-the-case-for-an-international-rule-of-law-package/> (accessed 20.12.2020)
- Grotius H. *De jure belli ac pacis* (Russ. ed.: Grotius H. *O prave voiny i mira*. Moscow: Gosyurizdat Publ. 1956. 868 p.)
- Hakimi M. Constructing an International Community. – *American Journal of International Law*. 2017. Vol. 111. Issue 2. P. 317-356. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2017.22>
- Hall S. The Persistent Spectra: Natural law, International Order and the Limits of legal positivism. – *European Journal of International Relations*. 2011. Vol. 12. Issue 2. 2011. P. 269-307. DOI: 10.1093/ejil/12.2.269
- Hart H.L.A. *The Concept of Law*, 2nd ed. Oxford: Clarendon Law Series. 1997.315 p.
- Ikejiaku B. 2014. International Law is Western Made Global Law: The Perception of Third-World Category. – *African Journal of Legal Studies*. 2014. Vol. 6. Issue 2-3. P. 337-356. DOI: <https://doi.org/10.1163/17087384-12342022>
- Ikenberry G. J. The Future of the Liberal World Order. – *Foreign Affairs*. 2011a. May-June. P. 56-68.
- Ikenberry G. J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 2011b. 392 p.
- Ikenberry, G. J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, NJ.: Princeton University Press. 2001. 312 p.
- Institut de Droit International: Annuaire*. Vol. 61 (I). Paris: Pedone. 1985.474 p.
- Jain A., Kroenig M. *Present at the re-creation: A global strategy for revitalizing, adapting, and defending a rules-based international system*. Washington, DC: Atlantic Council. 2019. 72 p.
- Jenks W. *The Prospects of International Adjudication*. London: Stevens. 1964. 805 p.
- Kelsen H. Pure Theory of Law (Russ. ed.: Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave*. Saint Petersburg: OOO Izdatel'skii Dom "Alef-Press" Publ. 542 p.)
- Kissinger G. World Order (Russ. ed.: Kissinger G. *Mirovi poryadok*. Moscow: AST Publ. 2015. 226 p.)
- Koskenniemi M. 2019. Imagining the Rule of Law: Rereading the Grotian 'Tradition'. – *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30. Issue 1. P.17-52. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chz017>
- Koskenniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493713>.
- Koskenniemi M. Lauterpacht: the Victorian Tradition in International Law. – *European Journal of International Law*. 1997. Vol. 8. Issue 2. P. 215-263. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.ejil.a015565>
- Koskenniemi M. Miserable Comforters: International Relations as New Natural Law. – *European Journal of Inter-*

- national Relations*. 2009. Vol. 15. Issue 3. P. 395-422. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066109338229>
30. Krieger H., Nolte G. The International Rule of Law - Rise or Decline? Points of Departure. – *KFG Working Paper Series*. 2016. No. 1. 25 p. URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/41952/file/kfg_wps01.pdf (accessed 20.12.2020)
31. Kundnani H. *What is the Liberal International Order?* Washington, DC: The German Marshall Fund of the United States. 2017. 10 p.
32. Lauterpacht H. *The Function of Law in the International Community*. New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd. 2000. 470 p.
33. Lavrov S. V. Mir na pereput'e i sistema mezhdunarodnykh otnosheniiv budushchem [The World at a Crossroads and a System of International Relations for the Future]. – *Rossiya v global'noi politike*. 2019. Vol. 17. Issue 5. P. 28-38. (In Russ.)
34. Llamzon A. Jurisdiction and Compliance in Recent Decisions of the International Court of Justice. – *European Journal of International Law*. 2007. Vol. 18. Issue 5. P. 815-852. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chm047>
35. Mazarr M. J. [et al.]. Understanding the current international order. Santa Monica, Calif: RAND Corporation. 2016. 64 p. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1500/RR1598/RAND_RR1598.pdf (accessed 28.12.2020).
36. Menon S. The Rule of Law, the International Legal Order, and the Foreign Policy of Small States. – *Asian Journal of International Law*. 2020. Vol.10. No. 1. P. 50-67. DOI: <https://doi.org/10.1017/S2044251319000262>
37. Müllerson R. Kak liberalizm vstupil v konflikt s demokraciei [How liberalism came into conflict with democracy]. – *Rossiya v global'noi politike*. 2020. Vol. 18. No. 5. P. 43-59. (In Russ.)
38. *Narushenie SShA norm mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. M.M. Avakov [Violations of international law by the USA. Ed. by M.M. Avakov]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.1984. 194 p. (In Russ.)
39. Nieuwenhuizen S. Australian and People's Republic of China government conceptions of the international order. – *Australian Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 73. Issue 2. P. 181-197. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1568386>
40. Nye J. "Myagkaya" sila i amerikano-evropeiskie otnosheniya [Soft power and the US-European relations]. – *Svobodnaya mys'*. 2004 No. 10. P.33-41. (In Russ.)
41. Nye J.S., Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 1990. 261 p.
42. Nye J.S., Jr. The rise and fall of American hegemony from Wilson to Trump. – *International Affairs*. 2019. Vol. 95. Issue 1. P. 63-80. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iyy212>
43. Oppenheim L.F.L. *International Law. A Treatise. Vol. I. Peace*. London: Longmans. 1905. 610 p.
44. Patrick S. World Order: What, Exactly, Are the Rules?. – *The Washington Quarterly*. 2016. Vol. 39. Issue 1. P.7-27. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2016.1170477>
45. Paulson C. Compliance with Final Judgements of the International Court of Justice since 1987. – *American Journal of International Law*. 2004. Vol. 98. Issue 3. P. 434-461. DOI: <https://doi.org/10.2307/3181640>
46. Schwarzenberger G., Brown E.D. *A Manual of International Law*. 6th ed. Oxon, Professional Books.1976. 612 p.
47. Scott Sh. International Law as Ideology: Theorising the Relationship between International Law and International Politics. – *European Journal of International Law*. 1994. Vol. 5. Issue 3. P. 313-325. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.ejil.a035873>
48. Scott Sh. The Decline of International Law as a Normative Ideal. – *Victoria University of Wellington Law Review*. 2018. Vol. 49. No.4. P. 627-644. DOI: <https://doi.org/10.26686/vu-wlr.v49i4.5344>
49. *The Contribution of International Organisations to a rule-based international system*. New York: Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). 2019. 24 p. <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/IO-Rule-Based%20System.pdf> (accessed 28.12.2020).
50. Trindade Cançado. A. Prologue: An Overview of the Contribution of International Tribunals to the Rule of Law". – *The Contribution of International and Supranational Courts to the Rule of Law*. Edited by Geert De Baere and Jan Wouters. Cheltenham, UK: Edward Elgar Pub. P. 3-18.
51. Troekurov N. E. *Verkhovenstvo prava v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyyakh. Monografiya* [The rule of law in modern international relations. A monograph]. Moscow: Nauchnaya kniga. 2006. 88 p. (In Russ.)
52. Tunkin G. International Law in the International System. – *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 147. The Hague: Springer. 1978. 393 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pp1rdc_A9789028610088_01
53. *United Nations Association of Australia: The United Nations and the rules-based international order*. 2015. 24 p. https://www.unaa.org.au/wp-content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (accessed 28.12.2020)
54. Vylegzhanin A.N., Kritskiy K.V. Souchastie SShA v gosudarstvennom perevorote v Kieve - eto mezhdunarodnoe pravonarushenie [US Complicity in the 2014 Coup d'etat in Kiev is an International Crime]. – *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2019. No. 3. P. 2-19. (In Russ.)
55. Watts A. The International Rule of Law. – *German Yearbook of International Law*. Vol. 36. Berlin: Duncker & Humblot. 1993. P. 15-45.

About the authors

Alexander N. Vylegzhanin,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

Информация об авторах

Александр Николаевич Вылегжанин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Boris I. Nefedov,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

Борис Иванович Нефёдов,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

Evgeny R. Voronin,

Retired Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Cand. Sci. (Law), Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

tverv@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1229-0012

Евгений Ростиславович Воронин,

Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

tverv@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1229-0012

Olga S. Magomedova,

Post-graduate student at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

Ольга Сергеевна Магомедова,

аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

Polina K. Zotova

Department for External Economic and International Relations, The Government of Moscow,

22, Voznesenskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

zotovapk@mos.ru
ORCID: 0000-0002-8647-7410

Полина Константиновна Зотова

Департамент внешнеэкономических и международных связей, Правительство г. Москвы

125009, Российская Федерация, Москва, Вознесенский переулок, д. 22,

zotovapk@mos.ru
ORCID: 0000-0002-8647-7410

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-61-77>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 26.02.2021
Принята к публикации: 14.05.2021

Владимир Евгеньевич ТАРАБРИН

Министерство иностранных дел Российской Федерации
Смоленская-Сенная пл., д. 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация
dnv@mid.ru
ORCID: 0000-0001-7905-1537

Руслан Алексеевич КАНТУР

Министерство иностранных дел Российской Федерации
Смоленская-Сенная пл., д. 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация
dnv@mid.ru
ORCID: 0000-0002-7153-8276

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЦ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТОЙ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. В настоящей работе рассматриваются различные аспекты международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против лиц, пользующихся международной защитой. Фокус внимания исследователей был сосредоточен на различиях в *corpus delicti* соответствующих деяний в зависимости от характера объективной стороны (совершено ли деяние в мирное время или в ситуации вооруженного конфликта), субъективной стороны (имеется ли в *mens rea* специальный террористический умысел), а также статуса субъекта (наделен ли таковой государственными полномочиями или осуществляет элементы государственной власти либо действует *sua sponte*).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основу исследования были положены международные договоры, нормы и принципы обычного международного права, практика международных судов и трибуналов, а также доктрина. Методология исследования включает сравнительно-правовой метод, а также методы анализа и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате исследования был сделан вывод, что преступления против лиц, пользующихся международной защитой, могут рассматриваться в зависимости от особенностей объективной и субъективной стороны либо как общеуголовные преступления (в том числе, при наличии специального террористического умысла, как акт терроризма), либо как нарушение законов и обычаев войны. При этом в ситуации вооруженного конфликта указанные лица автоматически наделяются статусом покровительствуемых лиц по смыслу ст. 4 IV Женевской конвенции 1949 г., ввиду чего преступления, совершаемые в отношении них государственными агентами вражеского государства, относятся к категории военных преступлений, что является основанием для применения ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г. для целей их уголовного преследования.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В результате проведенного исследования сделан вывод, что для международно-правовой квалификации преступлений

против лиц, пользующихся международной защитой, может быть использован следующий тест, требующий определить, во-первых, совершено ли преступление в условиях вооруженного конфликта, а во-вторых, каково намерение субъекта (имеется ли в субъективной стороне *dolus specialis* террористического характера, наличие такого умысла позволяет квалифицировать соответствующее деяние как акт терроризма). Кроме того, данный тест требует установить, кто является субъектом: государственный агент или негосударственный субъект; лицо, действующее *sua sponte*, либо лицо, наделенное государственными полномочиями или осуществляющее элементы государственной власти (применительно к ситуации вооруженного конфликта – принадлежащее к одной из воюющих сторон и не действующее в личном качестве).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное уголовное право, международные преступления, преступления международного характера, лица, пользующиеся международной защитой, дипломатические агенты, специальный умысел, терроризм, нарушения законов и обычаев войны

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тарабрин В.Е., Кантур Р.А. 2021. Преступления против лиц, пользующихся международной защитой: проблемы международно-правовой квалификации. – *Московский журнал международного права*. №2. С. 61–77. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-61-77>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-61-77>

Research article
Received 26 February 2021
Approved 14 May 2021

Vladimir E. TARABRIN

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow, Russian Federation, 119200
dntv@mid.ru
ORCID: 0000-0001-7905-1537

Ruslan A. KANTUR

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow, Russian Federation, 119200
dntv@mid.ru
ORCID: 0000-0002-7153-8276

OFFENCES AGAINST INTERNATIONALLY PROTECTED PERSONS: PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL QUALIFICATION

INTRODUCTION. *The article examines various aspects of the international legal qualification of offences committed against internationally protected persons. The analysis of different elements of corpus delicti was laid at the heart of the study: namely, those of actus reus (whether the offence was perpetrated in the situation of*

an armed conflict), mens rea (whether the perpetrator was moved by a special intent, particularly the terrorist dolus specialis), and the legal status of a perpetrator (whether he or she was a state agent).

MATERIALS AND METHODS. *The materials of the study encompass international conventions, rules and*

principles of customary international law, case law of international courts and tribunals and international legal doctrine. The paper uses the comparative method and those of analysis and synthesis.

RESEARCH RESULTS. *The key result of the study consists in the assumption that offences against internationally protected persons can be considered as either a conventional crime within the meaning of the 1973 Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents (including, if a terrorist dolus specialis is established, as a crime of terrorism), or (in case of armed conflict) a violation of laws and customs of war, for this category of persons falls within the definition of protected persons by implication of Article 4 of the 1949 IV Geneva Convention, which gives grounds for the application of Article 146 of the 1949 IV Geneva Convention for purposes of the their criminal prosecution.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Given the result of the study, it is states that the following test can be applied for purposes of international legal qualification of offences against internationally protected persons: first, it is necessary to establish whether the offence of committed in a situation of armed conflict; second, it*

is highly important to enquire about the intent of the delinquent. If there is a terrorist dolus specialis, the offence can be qualified as terrorism-related. Moreover, it is necessary to establish the status of the delinquent and whether the one is a state agent or a private person, or, even if the person is a state agent, whether the one is a person acting sua sponte; additionally, the status of a delinquent and its relation with the belligerent state in regard to the situation of armed conflict is also significant for the qualification of respective offences in light of international law.

KEYWORDS: *international criminal law, international crimes, conventional crimes, internationally protected persons, diplomatic agents, special intent, terrorism, violations of laws and customs of war*

FOR CITATION: Tarabrin V.E., Kantur R.A. Offences against Internationally Protected Persons: Problems of International Legal Qualification. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.2. P. 61–77. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-61-77>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В 1979 г. Международный Суд, вводя своим постановлением в рамках дела о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране временные меры, подчеркнул, что нет более необходимого и фундаментального условия для осуществления межгосударственных отношений, чем обеспечение неприкосновенности дипломатических агентов, и что на протяжении человеческой истории представители разных конфессий и культур соблюдали взаимные обязательства для гарантий такой неприкосновенности¹.

В настоящее время преступления против лиц, пользующихся международной защитой (ПМЗ), стали одной из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности. Выдающийся британский юрист-международник

Герш Лаутерпахт в свое время обращал внимание не только на то огромное значение, которое играет международное право в сфере осуществления дипломатических функций, но и на то, что всякое политически мотивированное посягательство на жизнь противоречит духу международного права [International Law...1977:552-553].

В то же время следует отметить, что в науке международного права имеются некоторые разногласия, связанные с юридической квалификацией таких преступлений. С одной стороны, ПМЗ могут рассматриваться в качестве преступлений международного характера и в ряде случаев образовывать одну из форм терроризма, с другой стороны, при определенных обстоятельствах они могут рассматриваться в качестве международных преступлений, подпадая под категорию нарушений законов и обычаев войны (НЗОВ).

¹ International Court of Justice: Case concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran). Order of 15 December 1979. – *I.C.J. Reports*. 1979. Para 38. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/64/064-19791215-ORD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.02.2021).

Таким образом, в рамках данного исследования была предпринята попытка, опираясь на нормативные источники и доктрину, разобраться в проблеме международно-правовой квалификации ПЛМЗ.

2. Сущность и проблема квалификации ПЛМЗ

В международно-правовой доктрине все противоправные деяния, наказуемые по международному уголовному праву, принято дифференцировать на международные преступления (*international crimes, core crimes*) и преступления международного характера (*crimes of international significance; conventional crimes*)².

Международными преступлениями называют противоправные деяния, имеющие следующие характерные особенности, позволяющие их квалифицировать:

1. Особая опасность для человечества.
2. Совершение деяния в массовом или широком масштабе на плановой или систематической основе.
3. Наличие угрозы международному миру и безопасности, создаваемой такими деяниями.
4. Наибольшая, по сравнению с остальными противоправными деяниями, тяжесть.
5. Нарушение основополагающих для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества принципов *jus cogens* и обязательств *erga omnes*.

Совершение данных преступлений является правовым основанием для реализации международно-правовой ответственности государств и уголовной ответственности физических лиц. Данные преступления преследуются по международному праву и влекут возникновение у государств права установления юрисдикции в соответствии с универсальным принципом (универсальная юрисдикция) [O'Keefe 2015:21; Guilfoyle 2016:37-38].

Традиционно к таковым относят агрессию, военные преступления, геноцид и преступления против человечности (именно перечисленные

преступления составляют, в соответствии со ст. 6, 7, 8 и 8bis³ Римского статута 1998 г.⁴, закрытый перечень деяний, в отношении которых установлена юрисдикция Международного уголовного суда).

Для совершения таких деяний требуются ресурсы, сопоставимые только с ресурсами государства, располагающего соответствующим аппаратом и возможностями, поэтому считается, что *in genere* международные преступления могут совершаться лицами, наделенными государственными полномочиями, либо лицами, осуществляющими элементы государственной власти⁵.

Преступлениями международного характера являются противоправные деяния со следующими отличительными характеристиками:

1. Общеуголовный характер деяния.
2. Конвенционный характер запретительной регламентации (преступный характер деяния квалифицирован в соответствующих международных договорно-правовых источниках); вследствие этого данные преступления преследуются *по национальному праву* в той мере, в какой противоправность и наказуемость соответствующего деяния, криминализованного на основании международного договора, предусмотрена законоположениями национального права.
3. Транснациональность (преступление совершено иностранным гражданином либо лицом, постоянно проживающим на территории другого государства; преступление совершено на территории другого государства либо совершено в одном государстве, а подготовлено или спланировано – в другом; последствия такого деяния могут затрагивать иностранных граждан).

К таким преступлениям следует отнести отягощенные иностранным элементом акты терроризма как общеуголовного преступления, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, незаконного оборота оружия, коррупции, легализации полученных преступным путем доходов и т. д. При этом

² Кулебякин В.Н., Скуратова А.Ю. Международно-правовые основы борьбы с преступностью. – *Международное право: учебник*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. 2010. С. 724, 725, 758, 762; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. *Международное право: учебник*. М.: Эксмо. 2004. С. 408, 427.

³ Внесена в соответствии с единогласно принятой резолюцией RC/Res. 6 на 13-м пленарном заседании Кампальской конференции государств-участников Римского статута 11 июня 2010 г.

⁴ Rome Statute of the International Criminal Court of 17 July 1998. URL: https://www.icc-cpi.int/nr/rdonlyres/ea9aeff7-5752-4f84-be94-0a655eb30e16/0/rome_statute_english.pdf. (accessed 22.02.2021).

⁵ Кулебякин В.Н., Скуратова А.Ю. Указ. соч. С. 758.

нельзя сказать, что все перечисленные деяния не составляют международной угрозы, однако ключевой особенностью их является то, что они *наказуемы именно по национальному праву*.

Что касается международно-правовой квалификации ПЛМЗ, то, как представляется, она может быть разной в зависимости от содержания конкретных элементов состава преступления, что позволяет рассматривать ПЛМЗ либо как общеуголовное преступление (в отдельных случаях как террористический акт), либо как НЗОВ.

3. ПЛМЗ как общеуголовное преступление

Для адекватной международно-правовой квалификации ПЛМЗ следует обратиться к базовому договорно-правовому источнику, регламентирующему борьбу с ПЛМЗ, – *Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.)*.

В преамбуле к Конвенции 1973 г. содержатся ссылки на цели и принципы Устава ООН, а также выказывается озабоченность тем, что преступления против дипломатических агентов и иных лиц, на которых распространяется международная защита, создают угрозу для поддержания нормальных международных отношений.

Имеющая относительно небольшой объем преамбула Конвенции 1973 г. не освобождает от необходимости сделать ряд важных юридических наблюдений.

Во-первых, несмотря на то, что Конвенцию 1973 г. традиционно относят к числу универсальных *антитеррористических конвенций*⁶, в преамбуле данного международного договора не содержится квалификации ПЛМЗ в качестве разновидности международного терроризма.

Во-вторых, международное сообщество в преамбуле выражает обеспокоенность ситуацией с безопасностью, в первую очередь, дипломатических агентов, а уже потом – других лиц, пользующихся международной защитой (ЛМЗ), в то время как в названии Конвенции акцент делается на всех лицах, пользующихся международной защитой, а термин «дипломатические агенты» при

помощи лексической конструкции «в том числе» входит в состав общего родового понятия «лиц, пользующихся дипломатической защитой».

В ст. 1 Конвенции представлена норма-определение, закрепляющая, кто именно понимается под термином «лицо, пользующееся международной защитой». В соответствии с данной статьей, таковыми являются: глава государства (в том числе член коллегиального органа, выступающего в качестве главы государства); глава правительства; министр иностранных дел; представитель или должностное лицо государства, имеющее право на международную защиту в момент, когда против его личности, свободы и достоинства совершено преступление; представитель или должностное лицо международной межправительственной организации, имеющее право на международную защиту в момент, когда против его личности, свободы и достоинства совершено преступление.

При этом предполагаемым преступником (an alleged offender) считается лицо, преднамеренно совершившее в отношении лица, пользующегося международной защитой, одно или более преступлений, перечень которых закреплен в ст. 2 Конвенции: убийство, похищение или иное нападение против личности или свободы; угрожающее личности и свободе лица, пользующегося международной защитой, насильственное нападение на его транспортное средство, официальное помещение или жилое помещение; угроза такого нападения; попытка такого нападения; соучастие в таком нападении.

В соответствии с п. 3 ст. 2 Конвенции, указанный перечень не является закрытым и закрепляет обязательство государств предпринимать все надлежащие меры, направленные на предотвращение любых других посягательств в отношении ЛМЗ, которые запрещены международным правом.

Объективная сторона. Анализ вышеприведенных материальных норм Конвенции 1973 г. позволяет сделать вывод о том, что *actus reus* ПЛМЗ подразумевает насильственное и агрессивное воздействие на потерпевшего⁷.

Объект. Объектом такого преступления являются общественные отношения в сфере надле-

⁶ UN Security Council Counter-terrorism Committee: International Legal Instruments. URL: <https://www.un.org/sc/ctc/resources/international-legal-instruments>. (accessed 22.02.2021).

⁷ Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. – *Международное уголовное право: учебник для вузов*. Под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М.: Юрайт. 2015. С. 211.

жащего обеспечения безопасности ЛМЗ, а также здоровье, свобода, честь и достоинство потерпевшего.

Субъект. Субъектом ПЛМЗ является деликтоспособное физическое лицо.

Субъективная сторона. Диспозиция нормы, закрепленной в п. 1 ст. 2 Конвенции 1973 г., криминализует деяния, совершенные преднамеренно (*intentional commission*), что позволяет сделать вывод о том, что они совершены с прямым умыслом (*dolus directus*).

Вместе с тем субъективная сторона этого деяния также может быть осложнена специальным умыслом (*dolus specialis*), что делает его частным случаем деяний по смыслу ст. 2 Конвенции 1973 г. Дело в том, что в международном праве преобладает точка зрения, согласно которой всякое террористическое преступление отличается как минимум двумя неотъемлемыми характеристиками: высокой общественной опасностью совершаемых субъектом преступления действий и наличием у него специального умысла запугать население или принудить государство или международную организацию к совершению определенных действий или воздержанию от их совершения⁸.

Так, согласно выводам Специального трибунала по Ливану (СТЛ), изложенным в промежуточном решении о применимом праве по делу *Айяша и других*, субъективная сторона преступления терроризма обязательно должна иметь специальный умысел (*dolus specialis*, *special intent*), выражающийся в стремлении субъекта преступления запугать население (*spread terror*) или принудить (*coerce*) государство или международную межправительственную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться

от его совершения⁹. При этом, как отмечается в доктрине, наличие идеологической или политической цели является обязательным¹⁰.

Выводы СТЛ в данном случае созвучны правовой позиции Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), изложенной им в решении по делу *Благоевича и Йокича* о том, что устрашение (*spreading terror*) является главной целью (*primary purpose*) такого делинквента, но необязательно – единственной¹¹ (в правовой позиции Специального Суда по Сьерра-Леоне фигурирует термин «специфическое намерение» – *specific intent*¹²). Следует полагать, что в случае если террорист намерен оказать воздействие на государство или международную межправительственную организацию, то это намерение необходимо рассматривать как сопутствующее намерению *устрашить*: иными словами, намерение устрашить имеет место при любом акте терроризма, вне зависимости от того, охватывает ли умысел делинквента еще и намерение оказать воздействие на властные органы [Кантур 2019:73].

В случае с ПЛМЗ субъективная сторона деяния всегда определяется преступным умыслом, выраженным в противоправных действиях делинквента и в большинстве случаев¹³ характеризующимся наличием специального намерения (*dolus specialis*) устрашить либо оказать давление на государство или международную межправительственную организацию [Cassese 2006:933–958; Di Filippo 2008:556; Badar 2013:426; Duffy 2015:60].

Важно при этом отметить, что, как установил МТБЮ в деле *Квочки и других*, в случае если при квалификации преступления требуется установление специального умысла, такое установление

⁸ Special Tribunal for Lebanon: Prosecutor v. Ayyash et al. Interlocutory Decision of 16 February 2011 on the Applicable Law: Terrorism, Conspiracy, Homicide, Perpetration, Cumulative Charging. (hereafter *Prosecutor v. Ayyash et al.*). Para. 106 URL: http://www.worldcourts.com/stl/eng/decisions/2011.02.16_Prosecutor_v_Ayyash_et_al_2.htm (accessed 22.02.2021); International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Prosecutor v. Vidoje Blagojević and Dragan Jokić, Judgment of 17 January 2005 (hereafter *Prosecutor v. Vidoje Blagojević and Dragan Jokić*). Para. 591. URL: https://www.icty.org/x/cases/blagojevic_jokic/tjug/en/bla-050117e.pdf (Rome Statute of the International Criminal Court of 17 July 1998); Special Court for Sierra Leone: The Prosecutor v. Moinina Fofana, Allieu Kondewa (the CDF Accused). Appeal Judgment of 28 May 2008 (hereafter *The Prosecutor v. Moinina Fofana, Allieu Kondewa*). Paras. 356-357. URL: <https://www.refworld.org/cases,SCSL,484417252.html> (accessed 22.02.2021).

⁹ *Prosecutor v. Ayyash et al.* Para. 106.

¹⁰ “Based on most national definitions of terrorism, or on the understanding most states have of the concept, I submit that two elements are essential: the targeting of civilians and the existence of an ideological or political purpose” [Proulx 2003:1034].

¹¹ *Prosecutor v. Vidoje Blagojević and Dragan Jokić* Para. 591.

¹² *The Prosecutor v. Moinina Fofana, Allieu Kondewa*. Paras. 356-357.

¹³ Необходимость отдельного акцентирования того обстоятельства, что ПЛМЗ характеризуются наличием *dolus specialis* именно в большинстве случаев, обусловлена тем, что нельзя исключать ситуации, при которых соответствующие деяния могут совершаться и исходя из личных соображений.

является обязательным¹⁴. В этом же русле выдержана и правовая позиция СТЛ, который особо акцентировал *обычно-правовую природу* нормы о том, что для квалификации терроризма требуется наличие указанного *dolus specialis*, и подчеркнул обязательность его установления¹⁵.

Как указала Апелляционная палата МТБЮ в деле *Штругара*, специальный характер умысла, при котором субъект преступления движим четким противоправным намерением, исключает возможность косвенного умысла или преступной небрежности¹⁶, так как «умышленно» означает, что лицо ясно осознает, что его действия будут материально способствовать достижению террористических целей¹⁷. Таким образом, состав подобного деяния предполагает наивысшую планку умысла, включая только деяния, совершенные с прямым умыслом (*dolus directus*). Таким образом, специальный умысел может быть только прямым.

Кроме того, с точки зрения теории права у преступления, имеющего формальный или усеченный состав, может быть только прямой умысел [Коган 1983:107; Марцев 2000:42; Калугин 2002:36; Епихин 2004:220] (не затрагивая при этом вопроса о наличии в субъективной стороне деяния специального умысла). Поскольку ПЛМЗ, независимо от приобретаемых форм, носит окончанный характер и имеет формальный или усеченный состав, возможность косвенного умысла (*dolus indirectus*) или преступной небрежности (*dolus eventualis*) в данном случае исключается, поэтому снижение планки умысла с *dolus directus* до уровня *dolus indirectus* или, тем более, наполнение субъективной стороны преступной небрежностью (*dolus eventualis*; *negligence*), видится юридически неоправданным, хотя имеют-

ся примеры государств, устанавливающих ответственность за некоторые террористические преступления, где *mens rea* определяется преступной небрежностью субъекта.

Данная логика отражена и в ряде международных документов. В частности, как отмечается в опубликованном в 2018 г. докладе Специального докладчика по защите прав человека и основных свобод при борьбе с терроризмом Совета по правам человека ООН, термин *recklessness* представляет собой более низкую планку умысла, нежели та, которая имеется в виду, когда речь идет о деяниях, совершенных умышленно и преднамеренно (*intentionally or knowingly*)¹⁸, а неуниверсальный характер доктрины *dolus eventualis* подчеркивается в Руководстве ФАТФ по вопросу применения рекомендации 5 ФАТФ¹⁹.

Таким образом, по смыслу Конвенции 1973 г. субъективная сторона ПЛМЗ обязательно характеризуется наличием прямого умысла на совершение противоправных деяний; в отдельных же случаях она может быть осложнена наличием упомянутого выше специального (террористического) умысла.

4. ПЛМЗ как нарушение законов и обычаев войны

Из объективной стороны деяния следует, что ПЛМЗ может быть совершено как в мирное время, так и в ситуации вооруженного конфликта. Как представляется, квалификация ПЛМЗ как нарушения законов и обычаев войны (НЗОВ) возможна при обязательном соблюдении трех условий.

Во-первых, с *объективной стороны* преступление должно быть совершено во время воору-

¹⁴ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Prosecutor v. Kvočka et al. Trial Judgment of 2 November 2001. Para. 288 (“Where the crime requires special intent, ... the accused must also satisfy the additional requirements imposed by the crime, such as the intent to discriminate on political, racial, or religious grounds if he is a co-perpetrator”). URL: <https://www.icty.org/x/cases/kvočka/tjug/en/kvo-tj011002e.pdf> (accessed 22.02.2021).

¹⁵ Prosecutor v. Ayyash et al. Para. 106.

¹⁶ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Prosecutor v. Strugar. Appeal Judgment of 17 July 2008. Para. 270. URL: <https://www.icty.org/x/cases/strugar/acjug/en/080717.pdf> (accessed 22.02.2021).

¹⁷ Supreme Court of the United States: *Holder v. Humanitarian Law Project*. June 21, 2010. P. 16. (“... A person acts with the requisite knowledge if he is aware of (or willfully blinds himself to) a significant likelihood that his or her conduct will materially support the organization’s terrorist ends”). URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/09pdf/08-1498.pdf> (accessed 22.02.2021).

¹⁸ OHCHR: Mandate of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms while Countering Terrorism. Report of 17 July 2018. Para. 6. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Terrorism/SR/OL-GBR-7-2018.pdf> (accessed 22.02.2021).

¹⁹ FATF: Guidance on Criminalizing Terrorist Financing (Recommendation 5). 2016. Para. 28. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Guidance-Criminalising-Terrorist-Financing.pdf> (accessed 22.02.2021).

женного конфликта и в связи с вооруженным конфликтом. Во-вторых, потерпевшим в таком преступлении всегда является ЛМЗ²⁰. В-третьих, деяние должно нарушать установления международного гуманитарного права и быть сопряжено с поведением, являющимся противоправным в силу положений Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г.

При этом квалификация ПЛМЗ именно как *акта терроризма, являющегося нарушением законов и обычаев войны*, допустима при дополнительном условии – наличии террористического *dolus specialis* в субъективной стороне деяния.

Вместе с тем из утверждения о том, что ПЛМЗ могут при определенных обстоятельствах рассматриваться в качестве нарушения законов и обычаев войны, следует закономерный вывод, что сами ЛМЗ должны рассматриваться в качестве покровительствуемых лиц по международному гуманитарному праву для целей уголовной репрессии ПЛМЗ.

В этом контексте следует выделить два важных обстоятельства.

Обстоятельство первое – неохватываемость Венской конвенцией о дипломатических сноше-

ниях 1961 г. (Венская конвенция 1961 г.) вопросов уголовной репрессии в отношении ПЛМЗ²¹. Имеется в виду, что в ситуации вооруженного конфликта, одной из сторон которого является аккредитуемое государство, ЛМЗ, будучи официальными представителями вражеского государства, оказываются в весьма затруднительном положении, поскольку их безопасность целиком зависит от намерения такого государства соблюдать международно-правовые предписания об иммунитетах и привилегиях и обеспечивать безопасность ЛМЗ во исполнение предусмотренного нормой ст. 29 Венской конвенции 1961 г. обязательства «принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство». Однако дипломатическое право не регулирует правоотношения, связанные с уголовным преследованием ПЛМЗ, включая криминализацию соответствующих деяний в национальном праве, надлежащее установление уголовной юрисдикции в случае их совершения и осуществление необходимых процессуальных мер (включая задействование механизмов оказания взаимной правовой помощи и выдачи) [Ogdon 1936:216]²², поскольку обязательство по ст. 29 Венской кон-

²⁰ Важно отметить, что в доктрине представлены разные мнения относительно того, как следует квалифицировать посягательства на ЛМЗ в лице персонала ООН или связанного с ней персонала (причем даже в мирное время). С одной стороны, исходя из содержания пп. (b) п. 1 ст. 1 Конвенции 1973 г., данные лица однозначно подпадают под категорию ЛМЗ по смыслу Конвенции 1973 года. С другой стороны, согласно ст. 19 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятого на 48-й сессии Комиссии международного права в 1996 г., такие преступления рассматриваются в качестве преступлений против мира и безопасности человечества. См.: Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. – *Yearbook of the International Law Commission*. 1996. Vol. II. Part 2. Para. 50, pp. 50-53. Однако, как представляется, после принятия Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., содержащего максимально выверенные и четко определенные элементы преступлений, сама категория «преступления против мира и безопасности человечества» уже устарела и не отвечает современным подходам как к дифференциации международно-противоправных деяний, влекущих индивидуальную уголовную ответственность, так и к содержанию последних. Кроме того, в отношении преступлений против персонала ООН и связанного с ней персонала действует специальный международный договор – Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г., представляющая собой *lex specialis* относительно Конвенции 1973 г.

²¹ В порядке полемики может быть высказано мнение, что вопросы уголовной репрессии против ПЛМЗ *ipso facto* не затрагиваются дипломатическим правом, в том числе Венской конвенцией 1961 г., поскольку его нормы регулируют принципиально иные группы международных правоотношений. Несмотря на то, что с этим тезисом трудно поспорить, пройти мимо дипломатического права было бы методологически неверным по двум причинам. Во-первых, ПЛМЗ – это межотраслевое понятие (собственно, настоящее исследование во многом и нацелено на то, чтобы показать, что в зависимости от особенностей состава преступления ПЛМЗ подлежат различной международно-правовой квалификации и влекут разные международно-правовые последствия). Во-вторых, не затрагивая ни в коей мере вопросов индивидуальной уголовной ответственности, совершение ПЛМЗ на территории государства его агентом всегда влечет международно-правовую ответственность такого государства во многом именно в силу нормоустановлений, предусмотренных дипломатическим правом; причем такая ответственность возникает безотносительно того, совершено ПЛМЗ в ситуации вооруженного конфликта или в мирное время, поскольку целый ряд международно-правовых обязательств по Венской конвенции 1961 г. (в частности, обязательства по ст. 39, 44-45) продолжает действовать даже в ситуации вооруженного конфликта. В этом смысле международный деликт государства и индивидуальная уголовная ответственность конкретного государственного агента, поведение которого привело к возникновению деликта, являются взаимообусловленными юридическими фактами.

²² См. также: Parry C., Grant J.P., Barker C. *J. Parry & Grant Encyclopedic Dictionary of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2009. P. 313.

венции 1961 г. носит превентивно-секьюритарный, а не уголовно-репрессивный характер.

Обстоятельство второе – уязвимость ЛМЗ перед противоправными действиями со стороны государственных агентов вражеского государства (например, применение в отношении них вражеским государством контрмер, что противоречит нормам общего международного права²³). Следует подчеркнуть, что дипломатическое право, включая нормы Венской конвенции 1961 г., регулирует правоотношения государств в сфере конкретно-практического осуществления ими дипломатических сношений [Wagner *et al* 2018:38-40], инструментом которого как раз и выступают дипломатические агенты, входящие в категорию ЛМЗ. В этом смысле правовой интерес, защищаемый нормами и принципами дипломатического права, состоит в том, чтобы отрегулировать межгосударственные отношения (в части, касающейся определения функций, привилегий и иммунитетов данных лиц), возникающие между, во-первых, аккредитуемым государством и государством пребывания; во-вторых, ЛМЗ и государством пребывания; в-третьих, в той мере, в какой это не урегулировано на двусторонней основе, ЛМЗ и аккредитуемым государством. Ситуации, связанные с принятием мер уголовно-правового реагирования в ситуации совершения ПЛМЗ, не охватываются вышеупомянутым правовым интересом.

Гипотетический контраргумент, согласно которому на защиту правового интереса по принятию подобных мер реагирования нацелена Конвенция 1973 г., представляется несостоятельным, поскольку применение этой Конвенции затруднительно в случае, если ПЛМЗ в ситуации воору-

женного конфликта совершает квалифицированный субъект в лице государственного агента²⁴ вражеского государства. Совершение ПЛМЗ государственным агентом вражеского государства, несомненно, порождает международную ответственность последнего за деликт, проистекающий из нарушения нормы ст. 29 Венской конвенции 1961 г., однако возникновение такой ответственности ни в коей мере не затрагивает вопрос об индивидуальной уголовной ответственности конкретных физических лиц, поскольку он не затрагивается самой Венской конвенцией 1961 г.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании правовой лакуны, суть которой сводится к тому, что в ситуации вооруженного конфликта ни нормы Венской конвенции 1961 г., ни нормы Конвенции 1973 г. не содержат нормоустановлений, регулирующих вопросы уголовного преследования ПЛМЗ со стороны государственных агентов вражеского государства.

Итак, почему не может быть применимой Конвенция 1973 г.? Ведь еще Международный Суд в решении по делу о некоторых вопросах оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам указал, что целью Конвенции 1973 г. является предотвращение серьезных преступлений против ЛМЗ, и обеспечение уголовного преследования тех, кто к ним причастен²⁵.

Как представляется, неприменимость Конвенции 1973 г. в условиях вооруженного конфликта определяется ее местом в системе договоров в области международного уголовного права.

В настоящее время в доктрине сложилось понимание того, что Конвенция 1973 г. относится к числу универсальных антитеррористических договоров (конвенций и протоколов)²⁶, общее

²³ International Court of Justice: Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros. (Hungary v. Slovakia). Judgment of 25 September 1997. – *I.C.J. Reports*. 1997. P. 222 (Dissenting Opinion of Judge Vereschetin. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020).

²⁴ В данном случае термин «государственный агент» трактуется как лицо, наделенное государственными полномочиями или осуществляющее элементы государственной власти и действующее при этом в официальном качестве.

²⁵ International Court of Justice: Case concerning Certain Questions of Mutual Legal Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France). Judgment of 4 June 2008. – *I.C.J. Reports*. 2008. P. 60-61. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/136/136-20080604-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.10.2021).

²⁶ United Nations Office of Counter-Terrorism. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/international-legal-instruments> (accessed 22.02.2021). Кроме того, в пункте 3 Приложения к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года во взаимосвязи с подпунктом (а) пункта 1 статьи 2 содержится бланкетная отсылка к Конвенции 1973 года. См., также: International Court of Justice: Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Judgment of 8 November 2019. P. 4 (Declaration of Judge Robinson). URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/166/166-20191108-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.02.2021); UNCHR: Report of the Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, Mr. John Dugard, on the situation of human rights in the Palestinian territories occupied by Israel since 1967. March 6, 2002. Para 13. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/48B2A380133D484085256B87005E1081> (accessed 22.02.2021).

число которых в настоящее время достигает девятнадцати (Конвенция 1973 г. хронологически фигурирует в этом перечне четвертой), из чего следует, что деяния, квалифицированные в качестве противоправных по смыслу Конвенции 1973 г., являются деяниями «одного рода» с теми, которые квалифицированы в качестве противоправных в других конвенциях из данного перечня. Такой вывод подтверждается и *travaux préparatoires* Конвенции 1973 г., из которых следует, что разрабатывавшийся проект конвенции мыслился в контексте, образуемом ранее принятыми Гагской конвенцией о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. (Гагская конвенция 1970 г.) и Монреальской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г. (Монреальская конвенция 1971 г.)²⁷.

Примерно с конца 1970-х гг. в данные конвенции стала неизменно включаться специальная ограничительная клаузула о вооруженных конфликтах (ограничительная клаузула), в соответствии с которой права, обязательства и обязанности *государств и лиц в соответствии с МГП* не затрагиваются нормами данной конкретной конвенции, равно как не затрагиваются ими и действия вооруженных сил, как они понимаются в МГП. Эта клаузула ограничивает деяния, совершаемые негосударственными субъектами, от деяний, совершаемых государственными агентами (в том числе вооруженными силами государства) и подпадающих под действие МГП. При этом, как представляется, речь идет не только о правомерных в рамках МГП деяниях, но и всяких деяниях, как они понимаются по смыслу МГП: ограничительная клаузула не содержит указания на противоправность деяния как неотъемлемую его характеристику, определяющую его подпадение под действие ограничительной клаузулы, поскольку конвенции, содержащие ограничительную клаузулу, не затрагивают *stricto sensu* поведение государственных агентов.

Такая ограничительная клаузула содержится в ст. 12 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г. (Конвенция 1979 г.), пп. (а) и (б) п. 4 ст. 2 Венской конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных

установок 1980 г., п. 1 и 2 ст. 19 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., ст. 21 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., п. 1 и 2 ст. 4 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

Более того, впоследствии государства попытались при помощи ограничительной клаузулы модифицировать регулирование правоотношений, охватываемых другими антитеррористическими конвенциями, принятыми до 1979 г. В частности, несмотря на отсутствие ограничительной клаузулы в Гагской конвенции 1970 г., в 2010 г. в ходе Дипломатической конференции ИКАО в Пекине был принят Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, где нормой ст. VI вводилась ограничительная клаузула в качестве статьи 3bis Гагской конвенции 1970 г. Помимо этого, на той же конференции была принята Пекинская конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации, призванная заменить Монреальскую конвенцию 1971 г. и содержащая ограничительную клаузулу п. 1 и 2 ст. 6.

Кроме того, особого упоминания заслуживает тот вариант ограничительной клаузулы, который фигурирует в Конвенции 1979 г., как по причине того, что это была первая хронологически попытка отграничить преступления международного характера от деяний, регулируемых МГП, так и потому, что ее формулировка существенно отличается от формулировок, закрепленных в остальных конвенциях. Так, норма ст. 12 Конвенции 1979 г. изымает из ее *espace juridique* акты захвата заложников, совершенные во время войны и подпадающие под действие Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним²⁸. Иными словами захват заложников как нарушение законов и обычаев войны и захват заложников как акт терроризма не тождественны, как не тождественны нападение на ЛМЗ по смыслу МГП и нападение на ЛМЗ по смыслу Конвенции 1973 г.

В консультативном заключении по *делу о правовых последствиях для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в На-*

²⁷ Second Report of the Working Group: Revised Draft Articles on the Prevention and Punishment of Crimes against Diplomatic Agents and Other Internationally Protected Persons. – *Yearbook of the International Law Commission*. 1972. Vol. I. P. 241, 244, 245.

²⁸ В частности, захват заложников запрещен в силу норм пп. (б) п. 1 ст. 3, ст. 34 и ст. 147 IV Женевской конвенции 1949 г.

мибии (Юго-Западной Африке) вопреки резолюции СБ ООН 276 (1970) Международный Суд указал, что международный договор должен толковаться и применяться в рамках целостности всей правовой системы (*corpus juris gentium*²⁹), существующей в момент толкования. Таким образом, Конвенцию 1973 г. следует рассматривать в контексте сложившейся к настоящему моменту правовой системы. В этой связи, применяя метод толкования *ejusdem generis*, можно сделать следующий вывод: поскольку деяния, противоправные по смыслу Конвенции 1973 г., «одного рода» с деяниями, противоправными по смыслу других универсальных антитеррористических конвенций, то, принимая во внимание устойчивую практику включения в текст последних ограничительной клаузулы, государства изымали тем самым из-под действия конвенции деяния, регулируемые МГП. Представляется допустимым предположить, что и совершаемые государственными агентами вражеского государства ПЛМЗ в ситуации вооруженного конфликта регулируются нормами МГП, а не Конвенции 1973 г. Что же касается процитированного выше суждения Международного Суда по делу о некоторых вопросах оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам, следует отметить, что предмет правопритязаний Джибути к Франции не был сопряжен с наличием вооруженного конфликта, а значит, данное суждение никак не противоречит тезису о неприменимости Конвенции 1973 г. к ПЛМЗ, совершаемым государственными агентами вражеского государства в ситуации вооруженного конфликта.

Следовательно, ни Венская конвенция 1961 г., ни Конвенция 1973 г., являющиеся фундаментальными международно-правовыми актами, регулирующими вопросы положения ЛМЗ на территории вражеского государства как в части регламентации их дипломатической дискреции на территории государства, объема закрепляемых привилегий и иммунитетов, так и в части противодействия ПЛМЗ, не применимы к ситуациям, когда ПЛМЗ осложнено одновременным наличием квалифицированной объективной стороны (ситуация вооруженного конфликта)

и квалифицированного субъекта (совершение ПЛМЗ государственным агентом вражеского государства). Следовательно, требуется выяснить, содержит ли МГП необходимые нормоустановления, чтобы устранить кажущийся нормативный вакуум, поскольку при отсутствии соответствующих нормоустановлений в Венской конвенции 1961 г. и Конвенции 1973 г. и предполагаемом их наличии в МГП создаются международно-правовые предпосылки для того, чтобы утверждать, что правоотношения, связанные с пресечением ПЛМЗ в ситуации вооруженного конфликта со стороны государственных агентов вражеского государства, являются предметом регулирования МГП, где упомянутые лица должны образовывать некую особую защищаемую категорию гражданского населения по смыслу нормы ст. 4 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. (IV Женевская конвенция 1949 г.), где приведено конвенционное определение покровительствуемых лиц, во взаимосвязи с нормой ее ст. 13, закрепляющей толкуемый в настоящее время в максимально широком смысле принцип недискриминации при защите таких лиц в ситуации войны [Henckaerts, Doswald-Beck 2009:308].

Так, норма ст. 4 IV Женевской конвенции 1949 г. устанавливает защиту тех лиц, которые в случае конфликта или оккупации находятся во власти находящегося в конфликте государства или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются. В комментарии Международного комитета Красного Креста (МККК) к ст. 4 указывается, что пользующиеся международной защитой лица, оказавшись на вражеской территории, «несомненно» (“without any doubt”) подпадают под защиту ст. 4 и могут быть отнесены к категории покровительствуемых лиц³⁰. Данный вывод делается на основании одного из принципов МГП, согласно которому в ситуации вооруженного конфликта лицо под властью вражеского государства не может иметь промежуточного статуса (“[t]here is no intermediate status”³¹): военнопленными ЛМЗ не могут быть по определению, а значит, они должны рассматриваться как гражданские лица и на них в

²⁹ International Court of Justice: Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) Notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970). Advisory Opinion of 21 June 1971. Para. 53. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed 22.02.2021).

³⁰ IV Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War: Commentary. Geneva: International Committee of the Red Cross. 1958. P. 51.

³¹ Ibidem.

полной мере распространяется защита IV Женевской конвенции 1949 г. В решении по делу *Тадича* МТБЮ отметил, что покровительствуемые лица как раз и являются потенциальными жерт-

вами военных преступлений³². Следовательно, всякое ПЛМЗ со стороны агентов вражеского государства следует рассматривать в качестве НЗОВ.

	Преступление совершено в ситуации вооруженного конфликта	Преступление совершено в мирное время
Субъект преступления – негосударственный субъект	Общуголовное преступление; возникновение основания для индивидуальной уголовной ответственности (в силу нормы п. 2 ст. 2 Конвенции 1973 г.)	
Субъект преступления – государственный агент	НЗОВ; возникновение основания для индивидуальной уголовной ответственности (в силу норм ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г.)	
	Международный деликт государства; возникновение основания для международной ответственности государства (в силу нормы ст. 29 Венской конвенции 1961 г.)	

Теперь необходимо ответить на вопрос о том, какой международно-правовой смысл имеет квалификация ПЛМЗ в качестве НЗОВ. Ведь, с одной стороны, на государстве лежит обязательство обеспечить преследование в судебном порядке всякого преступления против иностранца (а ЛМЗ по определению к ним относятся), ставшего жертвой преступления на территории такого государства, причем такое обязательство действует как в мирное, так и в военное время. В частности, как установила Комиссия по спорам между Швецией-Норвегией и Венесуэлой в деле *Боваллинса и Хедлунда* в 1903 г., в случае совершения преступления на территории государства в отношении иностранца, оно обязано обеспечить судебное разбирательство «без дополнительной просьбы об этом [со стороны соответствующего государства]» (*“without being requested”*), так как в противном случае государство, на территории которого совершено преступление, становится ответственным за ущерб, причиненный в результате его совершения³³. Примерно в таком же ключе высказалась Комиссия по спорам между Мексикой и США в 1925 г. в деле *Джейнс*, указав, что если государство не проявляет значительных усилий для предотвращения и / или наказания соответствующих преступлений, то его ответственность является производной, с учетом

характера участия преступника в конкретном деянии, и государство рассматривается ответственным именно за последствия совершаемого противоправного деяния³⁴.

С другой стороны, ЛМЗ не являются обычными иностранцами, и в отношении них действует особый международно-правовой режим, фундамент которого образует Венская конвенция 1961 г., а вопросы межгосударственного сотрудничества в области предотвращения и наказания преступлений против них регулируются Конвенцией 1973 г., не применимой в ситуации вооруженного конфликта к действиям государственных агентов вражеского государства.

Как представляется, для такого выделения ЛМЗ в качестве субкатегории покровительствуемых лиц есть несколько причин.

Во-первых, правовой интерес, на страже которого стоит IV Женевская конвенция 1949 г., состоит в том, чтобы обеспечить защиту гражданского населения как *ab initio* наиболее уязвимой в ситуации вооруженного конфликта категории лиц, не имеющих право применять силу в конфликте. В этом смысле ЛМЗ, находящиеся на территории вражеского государства, могут оказаться в ситуации, когда власти государства не только неохотно следуют своим обязательствам по соблюдению привилегий и иммунитетов

³² International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Prosecutor v. Duško Tadić, Judgement of 15 July 1999. Para. 164. URL: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf> (accessed 22.02.2021).

³³ Mixed Swedish-Norwegian-Venezuelan Claims Commission: Sweden-Norway v. Venezuela (Bovallins and Hedlund Cases). – *Reports of International Arbitral Awards*. 1903. Vol. X. P. 768. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_X/761-770.pdf (accessed 22.02.2021).

³⁴ General Claims Commission: Laura M.B. Janes, et al (U.S.A.) v. United Mexican States. Decision of 16 November 1925. – *Reports of International Arbitral Awards*. Vol. IV. Para. 19 (“... if a State shows serious lack of diligence in apprehending and/or punishing culprits, its liability is a derivative liability, assuming the character of some kind of complicity with the perpetrator himself and rendering the State responsible for the very consequences of the individual's misdemeanor”). URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_IV/82-98.pdf (accessed 22.02.2021).

ЛМЗ в нарушение ст. 29–36 Венской конвенции 1961 г. или попустительствуют возможным угрозам их безопасности (уже в нарушение нормы ст. 29 Венской конвенции 1961 г.), но и сами выступают в качестве субъекта преступления.

В свою очередь, вышеупомянутый правовой интерес IV Женевской конвенции 1949 г. отличается как от правового интереса, защищаемого Конвенцией 1961 г. (регулирование правоотношений в сфере осуществления дипломатических сношений посредством регламентации дипломатических функций и определения привилегий и иммунитетов), так и от правового интереса, на охрану которого нацелена Конвенция 1973 г. (обеспечение механизмов уголовно-правового реагирования на преступления, совершаемые на территории государства как негосударственными субъектами, так и – в мирное время – государственными субъектами).

В этой связи обеспечение уголовного преследования за преступления против ЛМЗ как субкатегории покровительствуемых лиц в наибольшей степени соответствует правовому интересу, защищаемому IV Женевской конвенцией, нежели правовому интересу, защищаемому другими вышеупомянутыми инструментами.

Во-вторых, как представляется, перевод преступления из категории общеуголовного в военное повышает уровень обязательств вражеского государства, агент которого выступил в качестве субъекта противоправного деяния, в части обеспечения неотвратимости наказания за него. Как известно, запрет военных преступлений является нормой *jus cogens* [Bassiouni 2001:115–118; Naqvi 2003:609–614; Kleinlein 2017:303; Guan Sue 2017:472], а совершение таких преступлений дает основание любому государству для установления уголовной юрисдикции в соответствии с универсальным принципом. Наступление столь серьезных правовых последствий обусловлено наличием *заинтересованности всех государств* в том, чтобы их ЛМЗ, оказавшись на территории вражеского государства, не стали жертвой преступлений со стороны агентов последнего, поэтому обязательство по уголовному преследованию государственных агентов, при-

частных к посягательству на ЛМЗ, обладающих на момент конфликта статусом покровительствуемых лиц, является обязательством *erga omnes*³⁵.

В-третьих, автоматическое (с началом вооруженного конфликта) отнесение ЛМЗ к категории покровительствуемых лиц, к которым, как уже упоминалось выше, относится гражданское население *in toto*, стимулирует вражеское государство более тщательно соблюдать международно-правовые гарантии, которыми покровительствуемые лица наделены МГП. Ведь если объем гуманитарных гарантий, которыми пользуется ЛМЗ, и в мирное-то время занимающее привилегированное положение, в условиях вооруженного конфликта стоит на одной ступени с обычным гражданским лицом, а применение репрессалий или контрмер в отношении него со стороны вражеского государства будет иметь точно такие же уголовно-правовые последствия, что и их применение в отношении обычного гражданского лица, военнопленного или лица *hors de combat*, то понимание равнозначности такого рода статуса повысит готовность соответствующего государства к соблюдению данных гарантий.

В-четвертых, при отнесении ЛМЗ к покровительствуемым лицам и переводе совершаемых в отношении них преступлений из категории общеуголовных в военные происходит заполнение лакуны, возникающей ввиду неприменимости Конвенции 1973 г. к действиям государственных агентов во время войны. Несмотря на отсутствие в тексте Конвенции 1973 г. ограничительной клаузулы, которая бы *expressis verbis* отграничивала противоправное по смыслу нормы п. 1 ст. 2 Конвенции поведение от деяний, субъектом которых являются государственные агенты вражеского государства, в том числе члены его вооруженных сил, и регулируемых МГП, следует признать, что, учитывая место данного международного договора в общей системе международного уголовного права, ее положения не могут применяться к действиям такой категории правонарушителей. В этой связи норма ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г., обязывающая государства устанавливать уголовную юрисдикцию за совершение

³⁵ В доктрине преобладает точка зрения о том, что обязательства *erga omnes* составляют содержание норм *jus cogens*. См., напр.: [Черниченко 2012:3-17]. Весьма аргументированно данная точка зрения отстаивается и спецдокладчиком Комиссии международного права Дире Тлади. См.: UN International Law Commission: Fourth Report on Peremptory Norms of General International Law (*Jus Cogens*) by Dire Tladi, Special Rapporteur. 2019. Para. 93. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3798216/files/A_CN-4_727-EN.pdf (accessed 22.02.2021).

преступлений против покровительствуемых лиц, может служить действенным инструментом, направленным на обеспечение неотвратимости наказания виновных лиц, которые не смогут прикрыться статусом члена вооруженных сил, чтобы избежать наказания.

В-пятых, если все-таки предположить, что Конвенция 1973 г. применима в отношении действий государств (в том числе вооруженных сил), как они понимаются в МГП, то в ситуации войны это неизбежно должно создать конкуренцию материальных норм, обязывающих государства устанавливать юрисдикцию за совершение соответствующих деяний, а именно: нормы ст. 3 Конвенции 1973 г. и нормы ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г. Во время подготовки Конвенции 1973 г. данный вполне резонный вопрос не рассматривался разработчиками, однако необходимость разрешения такой коллизии очевидна, и, с учетом специфики объекта и целей МГП, направленного в первую очередь если и не на искоренение войны как явления (на это нацелен корпус норм *jus contra bellum*), то на ее гуманизацию, приходится констатировать, что в такой ситуации именно нормы МГП (а конкретно – норма ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г.) будут иметь характер специальных (*lex specialis*).

В-шестых, отнесение ЛМЗ к категории покровительствуемых лиц способствует усилению института международной ответственности государства, агент которого выступает в качестве субъекта ПЛМЗ в ситуации вооруженного конфликта, институтом неизбежной уголовной ответственности физических лиц. Несмотря на существующие в экспертных кругах дискуссии на предмет того, является ли международная ответственность государства за международно-противоправные деяния объективной³⁶ (то есть возникает из самого факта нарушения нормы международного права) или для возникновения такой ответственности необходимо наступление юридического факта (например, в виде решения уполномоченного международного органа, обладающего соответствующей правоспособностью, или волевого акта признания государством ответственности), индивидуальная уголовная ответственность физических лиц, причастных к совершению международных преступлений, к категории которых относятся и во-

енные преступления, неотвратима (на обеспечение такой неотвратимости как раз и нацелен институт универсальной юрисдикции, а также ставшая уже частью общего международного права норма о неприменении сроков давности за военные преступления, предусмотренная Конвенцией о неприменении сроков давности за военные преступления и преступления против человечности 1968 г. [Henckaerts, Doswald-Beck 2009:614-618]).

Исходя из вышеизложенного, как представляется, допустимо сделать вывод: что нормы МГП, предписывающие государствам осуществлять уголовное преследование ПЛМЗ как НЗОВ, являются *lex specialis* для целей уголовной репрессии совершаемых государственными агентами вражеского государства ПЛМЗ в ситуации вооруженного конфликта.

5. Заключение

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать **следующие выводы:**

1. ПЛМЗ могут совершаться как в мирное время, так и в условиях вооруженного конфликта, а субъектом противоправного деяния могут выступать как лица, наделенные государственной властью или осуществляющие элементы государственной власти, так и лица, не связанные с государством.

2. В зависимости от особенностей объективной и субъективной стороны ПЛМЗ могут рассматриваться либо как общеуголовное преступление (в том числе, при наличии специального террористического умысла, как акт терроризма), либо как НЗОВ.

3. В ситуации вооруженного конфликта ЛМЗ автоматически наделяются статусом покровительствуемых лиц по смыслу ст. 4 IV Женевской конвенции 1949 г., ввиду чего преступления, совершаемые в отношении них государственными агентами вражеского государства, относятся к категории военных преступлений, что является основанием для применения ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г. для целей их уголовного преследования.

4. Выделение ЛМЗ в субкатегорию покровительствуемых лиц обусловлено соответствием

³⁶ UN International Law Commission: First Report on State Responsibility by Mr. James Crawford, Special Rapporteur. 1998. Para 77. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_490.pdf (accessed 22.02.2021).

правового интереса по обеспечению уголовного преследования преступлений против них в ситуации вооруженного конфликта правовому интересу, защищаемому именно IV Женевской конвенцией 1949 г., нежели каким-либо иным международным договором; повышением уровня обязательств государства, агент которого выступил в качестве субъекта противоправного деяния, в части обеспечения неотвратимости наказания за него за счет механизма универсальной юрисдикции, действующего в отношении военных преступлений, запрет которых представляет собой норму *jus cogens*; необходимостью дополнительного стимулирования вражеского государства по соблюдению гуманитарно-правовых гарантий, на которые рассчитывает всякое гражданское лицо в его власти; нейтрализацией теоретической конкуренции материальных норм, обязывающих государства устанавливать юрисдикцию за совершение соответствующих деяний, а именно: нормы ст. 3 Конвенции 1973 г. и нормы ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г.; важностью усиления института международной

ответственности государства, агент которого выступает в качестве субъекта ПЛМЗ в ситуации вооруженного конфликта, институтом неизбежной уголовной ответственности физических лиц.

5. Для международно-правовой квалификации ПЛМЗ следует использовать следующий тест, позволяющий определить:

– совершено ли преступление в условиях вооруженного конфликта;

– каково намерение субъекта (имеется ли в субъективной стороне *dolus specialis* террористического характера; наличие такого умысла позволяет квалифицировать ПЛМЗ как акт терроризма);

– кто является субъектом: государственный агент или негосударственный субъект; лицо, действующее *sua sponte*, или лицо, наделенное государственными полномочиями или осуществляющее элементы государственной власти (применительно к ситуации вооруженного конфликта – принадлежащее одной из воюющих сторон и не действующее в личном качестве).

Список литературы

1. Епихин А.Ю. 2004. *Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве*. СПб.: Юридический центр Пресс. 352 с.
2. Калугин В.Ю. 2002. *Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления*. Минск: Тесей. 144 с.
3. Кантур Р.А. 2019. Международно-правовые проблемы противодействия феномену террористов-смертников. – *Законодательство*. № 2. С. 71–77.
4. Коган В.М. 1983. *Социальный механизм уголовно-правового воздействия*. М.: Наука. 182 с.
5. Марцев А.И. 2000. *Общие вопросы учения о преступлениях*. Омск: Омский юридический институт МВД России. 136 с.
6. Черниченко С.В. 2012. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes*. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 3–16.
7. Badar M.E. 2013. *The Concept of Mens Rea in International Criminal Law: The Case for a Unified Approach*. Oxford: Hart Publishing. 540 p.
8. Bassiouni Ch. M. 2001. Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice. – *Virginia Journal of International Law*. Vol. 42. Issue 1. P. 81–162.
9. Cassese A. 2006. The Multifaceted Criminal Notion of Terrorism in International Law. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. Issue 5. P. 933–958. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql074>
10. Di Filippo M. 2008. Terrorist Crimes and International Cooperation: Critical Remarks on the Problem of Definition and Inclusion of Terrorism into the Category of International Crimes. – *European Journal of International Law*. Vol. 19. Issue. 3. P. 533–570. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chn027>
11. Duffy H. 2015. *The "War on Terror" and the Framework of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 1070 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139028585>
12. Guan Sue S. 2017. Jus Cogens: To Revise a Narrative. – *Minnesota Journal of International Law*. Vol. 26. Issue 2. P. 461–499.
13. Guilfoyle D. 2016. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 472 p.
14. Henckaerts J-M., Doswald-Beck L. 2009. *Customary International Humanitarian Law. Vol. I: Rules*. Cambridge: Cambridge University Press. 690 p.
15. *International Law. Collected Papers of H. Lauterpacht. Vol. 3. The Law of Peace. Parts II-VI*. 1977. Cambridge: Cambridge University Press. 644 p.
16. Kleinlein Th. 2017. Jus Cogens Re-examined: Value Formalism in International Law. – *European Journal of International Law*. Vol. 28. Issue. 1. P. 295–315. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chx015>
17. Naqvi Y. 2003. Amnesty for War Crimes: Defining the Limits of International Recognition. – *International Review of the Red Cross*. Vol. 85. No. 851. P. 582–626.
18. O'Keefe R. 2015. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 678 p.
19. Ogdon M. 1936. *Juridical Bases of Diplomatic Immunity: A Study in the Origin, Growth and Purpose of the Law*. Washington, D.C.: John Byrne & Co. 254 p.
20. Proulx V.-J. 2003. Rethinking the Jurisdiction of the International Criminal Court in the Post-September 11th Era: Should Acts of Terrorism Qualify As Crimes Against Humanity. – *American University International Law Review*. Vol. 19. No. 5. P. 1009–1089.

21. Wagner N.D. [et al]. 2018. *Vienna Convention on Diplomatic Relations of 18 April 1961: Commentaries on Practical Application*. Berlin: BWV Berliner Wissenschafts-Verlag. 408 p.

References

1. Badar M.E. *The Concept of Mens Rea in International Criminal Law: The Case for a Unified Approach*. Oxford: Hart Publishing. 2013. 540 p.
2. Bassiouni Ch. M. Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice. – *Virginia Journal of International Law*. 2001. Vol. 42. Issue 1. P. 81–162.
3. Cassese A. The Multifaceted Criminal Notion of Terrorism in International Law. – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. Issue 5. P. 933–958. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql074>
4. Chernichenko S.V. Vzaimosvyaz' imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava (jus cogens) i obyazatel'stv erga omnes [Interconnection of Peremptory Norms of International Law (Jus Cogens) and Erga Omnes Obligations]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 3. P. 3–16. (In Russ.)
5. Di Filippo M. Terrorist Crimes and International Co-operation: Critical Remarks on the Problem of Definition and Inclusion of Terrorism into the Category of International Crimes. – *European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. Issue. 3. P. 533–570. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chn027>
6. Duffy H. *The "War on Terror" and the Framework of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 1070 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139028585>
7. Epikhin A.Yu. *Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Ensuring Personal Security in Criminal Proceedings]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ. 2004. 352 p. (In Russ.)
8. Guan Sue S. Jus Cogens: To Revise a Narrative. – *Minnesota Journal of International Law*. 2017. Vol. 26. Issue 2. P. 461–499.
9. Guilfoyle D. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford

- University Press. 2016. 472 p.
10. Henckaerts J-M., Doswald-Beck L. *Customary International Humanitarian Law. Vol. I: Rules*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 690 p.
11. *International Law. Collected Papers of H. Lauterpacht. Vol. 3. The Law of Peace. Parts II-VI*. Cambridge: Cambridge University Press. 1977. 644 p,
12. Kalugin V.Yu. *Prestupleniya protiv mira, bezopasnosti chelovechestva i voennye prestupleniya* [Crimes against Peace, Human Security and War Crimes]. Minsk: Tesei Publ. 2002. 144 p. (In Russ.)
13. Kantur R.A. Mezhdunarodno-pravovye problemy protivodeistviya fenomenu terroristov-smertnikov [Countering Suicide Bombers: international legal issues]. – *Zakonodatel'stvo*. 2019. No. 2. P. 71–77. (In Russ.)
14. Kleinlein Th. Jus Cogens Re-examined: Value Formalism in International Law. – *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. Issue. 1. P. 295–315. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chx015>
15. Kogan V.M. *Sotsial'nyi mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeistviya* [The Social Mechanism of Criminal Law Influence.]. Moscow: Nauka Publ. 1983. 182 p. (In Russ.)
16. Martsev A.I. *Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii* [General Aspects of the Doctrine of Crime]. Omsk: Omskii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ. 2000. 136 p. (In Russ.)
17. Naqvi Y. Amnesty for War Crimes: Defining the Limits of International Recognition. – *International Review of the Red Cross*. 2003. Vol. 85. No. 851. P. 582–626.
18. O'Keefe R. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 678 p.
19. Ogdon M. *Juridical Bases of Diplomatic Immunity: A Study in the Origin, Growth and Purpose of the Law*. Washington, D.C.: John Byrne & Co. 1936. 254 p.
20. Proulx V.-J. Rethinking the Jurisdiction of the International Criminal Court in the Post-September 11th Era: Should Acts of Terrorism Qualify As Crimes Against Humanity. – *American University International Law Review*. 2003. Vol. 19. No. 5. P. 1009–1089.
21. Wagner N.D. [et al]. *Vienna Convention on Diplomatic Relations of 18 April 1961: Commentaries on Practical Application*. Berlin: BWV Berliner Wissenschafts-Verlag. 2018. 408 p.

Информация об авторах

Владимир Евгеньевич Тарабрин,

директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел Российской Федерации

119200, Российская Федерация, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34

dnv@mid.ru

ORCID: 0000-0001-7905-1537

About the Authors

Vladimir E. Tarabrin,

Director of the Department on the Issues of New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow, Russian Federation, 119200

dnv@mid.ru

ORCID: 0000-0001-7905-1537

Руслан Алексеевич Кантур,

эксперт Департамента по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел Российской Федерации

119200, Российская Федерация, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34

dnv@mid.ru

ORCID: 0000-0002-7153-8276

Ruslan A. Kantur,

Expert of the Department on the Issues of New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow, Russian Federation, 119200

dnv@mid.ru

ORCID: 0000-0002-7153-8276

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-78-98>

Research article
Received 20 March 2021
Approved 1 June 2021

Kristina O. KEBURIYA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
84-6, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571
ch.keburia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5024-296X

Alexander M. SOLNTSEV

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, Russian Federation, 117198
solntsev_am@rudn.university
ORCID: 0000-0002-9804-8912

THE SIGNIFICANCE OF THE 2005 UN BASIC PRINCIPLES AND GUIDELINES ON THE RIGHT TO A REMEDY AND REPARATION

INTRODUCTION. *The research analyzes the UN Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law (Basic Principles and Guidelines) of December 16, 2005. The Article examines the stages of the adoption of this document, the concept, structure, basic provisions, as well as the importance for the development of modern international law, particularly in the field of human rights protection and international humanitarian law. Consequently, the Article provides a detailed analysis of the approach to the central subject of this document, that is, the right to a remedy and reparation, which is expressed in practical application by universal and regional bodies on human rights and in the field of humanitarian law. In this regard, the position of the right to a remedy and reparation in the complex of human rights is determined, as well as their interconnection and relation to each other.*

MATERIALS AND METHODS. *The theoretical researches of the Russian and foreign experts in the field of international law have been analyzed in this very Article as well as the normative documents, recommendations,*

and decisions of the treaty bodies on human rights within the UN system, the law enforcement practice of universal and regional judicial and quasi-judicial bodies for the protection of human rights and in the field of international humanitarian law have also been studied. Such methods of scientific cognition as analysis and synthesis, the generalization method, the system-structural method, as well as the historical-legal and legal-technical methods have also been applied in this research.

RESEARCH RESULTS. *The Article reveals the significance and impact of the mechanism developed in the Basic Principles and Guidelines, in general, on the international human rights system. The Basic Principles and Guidelines are an international document, developed with the best practice of existing legal systems. It was adopted unanimously through the consensus reached by all parties concerned. The Basic Principles and Guidelines are aimed at codifying the provisions on the right to a remedy and reparation enshrined in various international treaties and as well as at developing a unified approach to these rights. Thus, the said international instrument does not create any new rules but classifies and unifies the set of provisions on the right to a remedy*

and reparation. This nature of the Basic Principles and Guidelines makes them an attractive tool for international bodies in their law enforcement practice related to ensuring the right to a remedy and reparation.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The Basic Principles and Guidelines enshrine the responsibility of States in the field of human rights protection, when the second party to the conflict is individual, or individuals whose rights have been or may be violated. Therefore, the Basic Principles are focused on the interests of the victim of a violation of human rights, that is, they are deliberately humanistic and human rights oriented. The document provides a classification of victims to more adequately cover human rights mechanisms that ensure the protection of persons, individually or collectively. Further, it pays special attention to the protection of victims of gross violations of human rights. In addition, the Basic Principles and Guidelines list and describe forms of reparation for the victims of human rights violations.*

KEYWORDS: *International Law, International Human Rights Law, Human Rights Protection System, International Humanitarian Law, Basic Principles and Guidelines, right to legal protection, remedies, victims of human rights violation, reparation, restitution, compensation, rehabilitation, satisfaction, guarantees of non-repetition*

FOR CITATION: Keburiya K.O., Solntsev A.M. The Significance of the 2005 UN Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.2. P. 78–98. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-87-98>

The authors declare the absence of conflict of interest.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-78-98>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 20.03.2021
Принята к публикации: 01.06.2021

Кристина Отаровна КЕБУРИЯ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Проспект Вернадского, д. 84-6, Москва, 119571, Российская Федерация

ch.keburia@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5024-296X

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Российский университет дружбы народов (РУДН)

Миклухо-Маклая ул., д. 6, Москва, 117198, Российская Федерация

solntsev_am@rudn.university

ORCID: 0000-0002-9804-8912

ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ И РУКОВОДЯЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ООН, КАСАЮЩИХСЯ ПРАВА НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ И ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА 2005 г.

ВВЕДЕНИЕ. Настоящая статья посвящена анализу международно-правового документа под названием «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 2005 г. (далее - Основные принципы и руководящие положения). Авторы исследуют этапы принятия указанного документа, его концепцию, структуру, основные положения, а также значение для развития современного международного права, в частности в области международной защиты прав человека и международного гуманитарного права. В целях реализации поставленной задачи проводится детальный анализ подхода к центральной теме документа - праву на правовую защиту и возмещение ущерба, что выражается в практическом применении универсальными и региональными органами по правам человека и в области международного гуманитарного права. В этой связи определяется положение права на правовую защиту и возмещение ущерба в каталоге прав человека, равно как и их взаимосвязанность и позиция по отношению друг к другу.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании настоящей статьи были проанализированы теоретические материалы исследований российских и зарубежных специалистов в области международного права; изучены нормативные документы, рекомендации и решения договорных органов по правам человека в системе ООН, а также правоприменительная практика универсальных и региональных судебных и квазисудебных органов по защите прав человека и в области международного гуманитарного права. При проведении исследования были применены такие методы научного познания, как анализ и синтез, метод обобщения, системно-структурный метод, а также историко-правовой и юридико-технический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье раскрывается значимость и влияние механизма, выработанного в тексте Основных принципов и руководящих положений в целом на международную правозащитную систему. Основные принципы и руководящие положения представляют собой международный документ, разработанный с учетом наилучшей практики существующих правовых систем, принятый единогласно, на основе достигнутого консенсуса всеми заинтересованными сторонами. Основные принципы и руководящие положения направлены на кодификацию разрабо-

ванных по различным международным договорам положений о праве на правовую защиту и возмещение ущерба, выработку единого подхода к указанным правам. Таким образом, рассматриваемый международный документ не создает каких-либо новых норм, но упорядочивает и придает единомыслию своду положений о праве на правовую защиту и возмещение ущерба. Подобный характер Основных принципов и руководящих положений делает их привлекательным инструментом для международных органов в их правоприменительной практике, связанной с обеспечением права на правовую защиту и возмещение ущерба.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Основные принципы и руководящие положения закрепляют ответственность государств в области защиты прав человека, при этом второй стороной конфликта называют физические лица, то есть, правам которых был или может быть причинен ущерб. Таким образом, Основные принципы и руководящие положения ориентированы на интересы жертвы нарушения прав человека, то есть заведомо носят гуманистический и правозащитный характер. В тексте документа дается классификация жертв, с целью более адекватного охвата правозащитных механизмов, обеспечивающих защиту лиц в индивидуальном или коллективном порядке. Особое внимание в документе уделяется защите жертв грубых и массовых нарушений прав человека. Кроме того, Основные принципы и руководящие положения перечисляют и раскрывают имеющиеся формы возмещения ущерба для жертв нарушений прав человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, международное право прав человека, система защиты прав человека, международное гуманитарное право, Основные принципы и руководящие положения, право на правовую защиту, средства правовой защиты, возмещение ущерба, жертвы нарушения прав человека, реституция, компенсация, реабилитация, сатисфакция, гарантии неповторения случившегося

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кебурия К.О., Солнцев А.М. 2021. Значение Основных принципов и руководящих положений ООН о праве на защиту и возмещение ущерба 2005 г. – Московский журнал международного права. №2. С. 78–98. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-78-98>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

The rule of law is the key to ensuring the protection of human rights and fundamental freedoms at the national and international levels. The rule of law cannot exist where human rights are not respected, and no one can talk about the protection of human rights without the rule of law.

Consequently, the rule of law is a way of implementing human rights not only in theory, but mainly in practice. The rule of law and human rights are aimed at achieving justice and a dignified life for every person without any discrimination. Thus, the rule of law and human rights are interrelated, mutually reinforcing each other and inseparable.

Given the multidimensional nature of the obligation to ensure human rights, the State is obliged not only to prevent possible violations of human rights, but also to avoid actions, such violations may entail, as well as respect, protect and fulfill human rights. The principle of justice permeates all international human rights treaties without exception.

The efforts to ensure and protect human rights have an essential role in maintaining international law and order. Furthermore, the international system for the protection of human rights cannot be considered effective without the possibility of persons whose rights have been violated in one way or another to demand for the redress through free access to remedy and reparation. This provision is equally applicable to the norms of international humanitarian law, which are aimed at protecting human rights in conditions of armed conflict.

Thus, it is necessary to provide every person with legal remedies, which include access to an independent, effective and impartial judicial process¹, recognition by the State of the fact of human rights violations, the search for the truth, bringing the perpetrators of the violation to justice, as well as reparation for the damage caused to victims.

The significance attached by the international community to the right to a remedy and the right to reparation has been reflected in the enshrining of these rights in various international treaties on the human rights, either through direct fixation or through broad interpretation. The latter often refers to the right to reparation, which does not appear in the texts of several international treaties.

The right to a remedy is enshrined in the International Bill of Human Rights, which is understood as a set of the following fundamental human rights instruments: the 1948 Universal Declaration of Human Rights (Art. 8)², the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights (para. 3 of Art. 2),³ the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights⁴ and the Optional Protocols to these Covenants.

The right to reparation is enshrined in the following universal international human rights treaties: the 1965 International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Art. 6)⁵, the 1984 Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Art. 14)⁶, the 1990 International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families (Art. 15, para. 9 of Art. 16,

¹ Shelton D. Human Rights, Remedies. – *The Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Vol. IV. Amsterdam. 2002. P. 1101.

² Universal Declaration of Human Rights, proclaimed and adopted of 10 December 1948. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (accessed 15.03.2021).

³ International Covenant on Civil and Political Rights of 16 December 1966. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx> (accessed 15.03.2021).

⁴ Even though the ICESCR does not contain provisions on the right to a remedy and reparation, the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights in its general comments, in interpreting the norms of the Covenant, has repeatedly emphasized the importance of remedies and various forms of reparation, fully supporting the position of the Basic Principles and Guidelines. See, for example, UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights: General comment No. 3 (1990) “The nature of States parties obligations” (art. 2, para. 1 of the Covenant) of 1 January 1991. URL: https://digitallibrary.un.org/record/114868/files/E_1991_23_E_C.12_1990_8-EN.pdf (accessed 15.03.2021); UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights: General Comment No. 14 (2000) The right to the highest attainable standard of health (article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) of 11 August 2000. URL: <https://undocs.org/E/C.12/2000/4> (accessed 15.03.2021); UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights: General comment No. 16 (2005) “The equal right of men and women to the enjoyment of all economic, social and cultural rights (art. 3 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) of 11 August 2005. URL: <https://undocs.org/E/C.12/2005/4> (accessed 15.03.2021).

⁵ International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of 21 December 1965. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cerd.aspx> (accessed 15.03.2021).

⁶ Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment of 10 December 1984. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201465/volume-1465-I-24841-English.pdf> (accessed 15.03.2021).

para. 6 of Art. 18, para. 5 of Art. 22)⁷, the 2006 International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance (Art. 24)⁸, as well as in different regional human rights instruments as: the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Articles 13 and 41)⁹, the 1969 American Convention on Human Rights (Articles 10 and 25)¹⁰ and the 1981 African Charter on Human and Peoples' Rights (para. 2 of Art. 21)¹¹.

While the international human rights treaties adopted in different years, include measures aimed at ensuring effective remedies for victims of human rights violations, this very right (right to a remedy) has been included in different ways. Thus, some of its essential parts can be divided and enshrined in different Articles or remedies can be included in the norms concerning fair trial or reparation. In this regard, Art. 8 of the 1948 Universal Declaration of Human Rights states that "everyone has the right to an effective remedy by the competent national tribunals for acts violating the fundamental rights granted him by the constitution or by law". However, effective remedy of those violated implies not only the right to access to justice, but also reparation for the victim of human rights violations. Consequently, there is a way for the broader legal interpretation.

Further, the elements of remedies can be dispersed throughout the treaty like in the case of the European Convention on Human Rights, which has different Articles for the right to a fair trial (Art. 6), for the right to an effective remedy (Art. 13) and for just satisfaction (Art. 41).

The positive dynamics in concluding the right to a remedy and the right to reparation for violations of human rights in a wide range of international legal documents necessitated the development of a unified approach to these rights. In this

regard, a decision to prepare a separate document was made within the UN. One of the main purposes to adopt the Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law was to unify the understanding of the rights to a remedy and reparation a quite different in various human rights treaties. So, this treaty codified the best practice of States as well as international instruments without creating any new rule.

2. Process of development and adoption of Basic Principles and Guidelines of the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Law

The necessity to define and classify provisions relating to ensuring each person or group of persons the right to remedy and to reparation required from the international community to develop a unified document that could be adopted not only by various universal and regional bodies, but also by State structures.

Let us take a quick look at the phases of the development and adoption of the Basic Principles and Guidelines.

The UN Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities (hereinafter referred to as "the Sub-Commission")¹² has been involved since 1989¹³ in the development of the unified document in the field of providing victims of violations of human rights and norms of international humanitarian law with remedies and reparation. The activity of the Sub-Commission on the preparation of the document was carried out under the direct su-

⁷ International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families of 18 December 1990. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cmwa.aspx> (accessed 15.03.2021).

⁸ International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance of 20 December 2006. URL: <https://www.ohchr.org/en/hrbodies/ced/pages/conventionced.aspx> (accessed 15.03.2021).

⁹ European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (accessed 15.03.2021).

¹⁰ American Convention on Human Rights of 22 November 1969. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201144/volume-1144-i-17955-english.pdf> (accessed 15.03.2021).

¹¹ African Charter on Human and Peoples' of 26 June 1981. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201520/volume-1520-I-26363-English.pdf> (accessed 15.03.2021).

¹² In 1999, the UN Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities was transformed into the Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights, and in 2006 - into the Advisory Committee.

¹³ UN Economic and Social Council: Report of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. November 13, 1989. URL: https://uvallsc.s3.amazonaws.com/travaux/s3fs-public/E-CN_4-Sub_2-1989-58_E-CN_4-1990-2.pdf?null (accessed 15.03.2021).

pervision of the UN Commission on Human Rights (hereinafter referred to as “the HRC”) and was also included in broader studies on the strengthening of justice and the international system for the protection of human rights in the transition period.

Several human rights non-governmental organizations, such as the International Commission of Jurists, Amnesty International and Redress Trust, as well as some States, primarily representing Latin America (first of these is Chile) were proactive in the process of drafting the document. Western European States had a lesser active position in that field. While negotiations on the document being developed were open, all interested parties could freely express their positions, which demonstrated their willingness and interest in obtaining the result.

Also, in 1989, in accordance with Resolution 1989/13 of the UN Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights, the Dutch lawyer and professor of international law Theodor van Boven was entrusted to conduct a study on the right to restitution, compensation and rehabilitation of victims of serious violations of human rights and fundamental freedoms and on the possibility of developing basic principles and guidelines.¹⁴ In 1990, Van Boven presented a preliminary report on the results of a one-year study, and in 1993 - a final report, the main provisions of which were included in the developed draft principles on restitution, compensation and rehabilitation.

The 1993 report considered the positions provided by non-governmental organizations and experts from various States, especially those, where gross and massive violations were of a larger scale¹⁵.

The final report was sent to the HRC for consideration, and in 1994 States and NGOs were invited to study and discuss it. The Special Rapporteur amended the draft document according to the comments received as well as to the results of working meetings organized jointly by the International Commission of Jurists and the Maastricht Center for Human Rights. The final version of this draft was sent to the HRC for consideration in 1997.

It should also be noted that the provisions on the State responsibility and reparation, enshrined in the 2001 Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts as well as the norms of the 1985 Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power, were under consideration at the development of the Basic Principles and Guidelines. The Declaration was developed in the framework of a regional meeting in Ottawa (Canada) and was adopted at the 7th UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders.

However, let us return to the study of the provisions of Theodor van Boven’s 1993 report [Crawford, Pellet, Olleson 2010: 579]. The report recognized the impossibility of fully eliminating and redressing the consequences of serious and massive violations of human rights, as well as the disproportionality of any reparation [Keburiya 2016:125–127]. The need for special attention to the search for truth, remedy and bringing to justice those responsible for human rights violations was stated also in that document¹⁶.

The provisions of this report by Theodor van Boven were reflected in the draft principles, which consisted of three parts: basic principles, forms of reparation, and procedural elements. According to the provisions of this draft in terms of determining the basic principles, it is an obligation of the State to provide victims of human rights violations with remedies, including the right to reparation. The second part of the document established the concept of the reparation and a classification of its forms (restitution, compensation, rehabilitation, satisfaction and guarantees of non-repetition). Further, the procedures and mechanisms for ensuring fair, effective and prompt access to justice are defined in the last part of the draft.

The next significant milestone in the development of the draft Basic Principles and Guidelines was the establishment by HRC Resolution 1998/43 of the position of Independent Expert, which was occupied by Professor M. Sheriff Bassiouni, formerly Chairman of the Drafting Committee in Ottawa and

¹⁴ UN Economic and Social Council: Resolution No. 1990 /36 “Compensation for victims of gross violations of human rights”. May 25, 1990. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/196840/files/e-1990-90-e.pdf> (accessed 15.03.2003)

¹⁵ UN Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights: Study concerning the right to restitution, compensation and rehabilitation for victims of gross violations of human rights and fundamental freedoms : final report. Submitted by Theo van Boven, Special Rapporteur. July 2, 1993. P. 53. URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f4400.html> (accessed 15.03.2021).

¹⁶ Ibid. P. 53.

actively involved in the preparation of the draft Basic Principles and Guidelines. In 1999, another draft of the document was presented to the HRC, and in 2000, it was presented in its final form¹⁷. At the same time, the draft was revised for the third time.

After the presentation of the draft to the HRC, it did not send it to a vote, but referred it to States, intergovernmental and non-governmental organizations for consideration. Nevertheless, several States were interested in suspending the final adoption of the draft Basic Principles and Guidelines before the UN World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance is held in Durban, South Africa, in September 2001.

The appointment of M. Sheriff Bassiouni was followed by a series of consultations with experts from both governments and non-governmental organizations and resulted in the inclusion of the provisions related to international humanitarian law in the draft¹⁸. In addition, it became necessary to make the text more laconic and clearer. It should be noted that the process of preparing the draft did not move according to a specific plan but considered every proposal from States and NGOs. Thus, an open forum for negotiations was provided, with the goal of ultimately developing and agreeing on a document that would be most acceptable to all parties concerned.

At the same time, returning to the issue of including provisions relating to international humanitarian law in the draft, we would like to mention the following. The initial drafts of the Basic Principles and Guidelines, prior to the second version, presented in 1995, remained within the limits of international human rights law. All the drafts followed already contained the norms of international humanitarian law, which, however, did not find the approval of some States, whose claims were mainly reduced to a different way of development of human rights law and humanitarian law and their special nature. The latter led to differences in the complex of rights and obligations that each of these branches of international law imposes on States.

The main difference between these branches of international law lies in the specifics of the human rights measures proposed by humanitarian law, which are applied only in situations of armed conflict [Rusinova 2006: 11-12]. In other words, opponents of the unification of the norms of the two areas of law advocated the adoption of two separate documents. However, this position still did not find wide support among the parties involved in the process. According to most of the parties concerned, the focus of the Basic Principles and Guidelines is on the protection of human rights, while this document does not specify the legal distinction between violations of international human rights law and international humanitarian law.

It should be noted that, even though these branches of international law indeed have different ways of developing, they intersect in many provisions and, no less important, provide additional protection measures for victims, although using often different terminology [McCracken 2005:77–79].

In this regard, the position of the International Court of Justice in its 2004 advisory opinion in the case *“Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory”* should be cited as an example. In this advisory opinion the Court noted that international humanitarian law and international human rights law complement each other, and, despite different legal sources, they cannot be mutually exclusive¹⁹. Both branches of international law have developed in the context of the consolidation of customary and treaty law, as well as general principles of law, which are also sources of international law.

It is also necessary to note the following point: in the title of the Basic Principles and Guidelines, the term “gross violations of international human rights law” is used, but already in Principle 26, the inadmissibility of restricting any rights or obligations provided for by national legislation or international law is especially noted, and the application of the right to a remedy and reparation, as set out in this document,

¹⁷ UN Commission of Human Rights: Final report of the Special Rapporteur, Mr. M. Cherif Bassiouni, submitted in accordance with Commission resolution 1999/33 “The right to restitution, compensation and rehabilitation for victims of gross violations of human rights and fundamental freedoms”. January 18, 2000. URL: https://digitallibrary.un.org/record/407931/files/E_CN.4_2000_62-EN.pdf (accessed 15.03.2021).

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ International Court of Justice: Advisory opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. July 9, 2004. URL: <https://www.un.org/unispal/document/autoinsert-178825/> (accessed 15.03.2021).

to victims of any violation of international human rights law and humanitarian law. Therefore, it can be concluded that it is optimal to use the term “violation of human rights” rather than “serious violations of human rights” to be able to cover a wider range of human rights violations that entail the victim’s right to claim protection for damages. As to the serious violations of humanitarian law, this document means the crimes under international law.

When developing the idea that the Basic Principles and Guidelines should include serious violations of international humanitarian law, the authors of this document referenced to the Rome Statute of the International Criminal Court concerning the meaning of the war crimes. In this regard, several corresponding norms have been included in the Basic Principles and Guidelines on legal consequences coming from the international crimes. Thus, this document obliges States to investigate and to prosecute the person responsible for the violations and if the person is found guilty, he or she must be punished (para. 4). “To that end, where so provided in an applicable treaty or under other international law obligations, States shall incorporate or otherwise implement within their domestic law appropriate provisions for universal jurisdiction” (para. 5).

In addition, there was some inconsistency during the development of the draft Basic Principles and Guidelines, between the provisions of different legal systems regarding the right to collective reparation, which was incorporated into the draft. Thus, the continental legal system is not familiar with class action in court, and the common law is not aware of the possibility of a civil claim in criminal proceedings.

As a result of the compromise reached by the parties, the final text of the Basic Principles and Guidelines considered the provisions of the continental legal system, common law and, to some extent, the norms relevant to Islamic law.

On 13 April 2005, nearly sixteen years after the beginning of the drafting process, the UN Human Rights Commission²⁰, at its 61st session in Geneva, adopted the final version of the Basic Principles and Guidelines with 40 votes “for”, with 13 abstentions²¹. Its noteworthy that there were no votes against the adoption of the document. Thus, its consensual nature was confirmed. On December 16, 2005, by Resolution No. 60/147, the UN General Assembly supported and adopted the final version of the Basic Principles.

3. Structure of the Basic Principles and Guidelines

Let us move on to consider the structure of the Basic Principles and Guidelines, and then determine the level of significance of this document for international law, as well as the practical application of its provisions by various universal and regional judicial and quasi-judicial bodies.

The structure of the Basic Principles and Guidelines is as follows: Preamble, 13 chapters, combining 27 Articles (principles). The Preamble defines the goals and objectives of this document, including emphasizing that “the Basic Principles and Guidelines contained herein are directed at gross violations of international human rights law and serious violations of international humanitarian law which, by their very grave nature, constitute an affront to human dignity”.

As for the international humanitarian law the Basic Principles and Guidelines in its Preamble refers to the Art. 3 of the Hague Convention respecting the Laws and Customs of War on Land of 18 October 1907 (Convention IV)²², Art. 91 of the Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949 and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) of 8 June 1977²³, and Articles 68 (concerning protection of the

²⁰ UN Human Rights Council replaced Commission on Human Rights by Resolution No. 60/251 adopted by the UN General Assembly on 15 March 2006.

²¹ The following States voted for the adoption of this document: Austria, Argentina, Belgium, Bolivia, Brazil, Burkina Faso, the UK, Venezuela, Hungary, Guatemala, Greece, the Dominican Republic, Ireland, Spain, Italy, Cyprus, Costa Rica, Latvia, Mexico, Nigeria, the Netherlands, Norway, Paraguay, Peru, Poland, Portugal, Romania, Slovenia, Uruguay, Finland, France, the Czech Republic, Chile, Switzerland, Sweden, Ecuador, Estonia, and Japan. At the same time, several States abstained from voting: Australia, Germany, Egypt, India, Qatar, Mauritania, Nepal, Saudi Arabia, Sudan, the USA, Togo, Eritrea, and Ethiopia.

²² Article 3: “A belligerent party which violates the provisions of the said Regulations shall, if the case demands, be liable to pay compensation. It shall be responsible for all acts committed by persons forming part of its armed forces”. Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land of 18 October 1907. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/195> (accessed 15.03.2021).

²³ Article 91 — Responsibility: “A Party to the conflict which violates the provisions of the Conventions or of this Protocol shall, if the case demands, be liable to pay compensation. It shall be responsible for all acts committed by persons forming part of its armed forces”. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949 and relating to the Protection of Victims of

victims and witnesses and their participation in the proceedings) and 75 of the Rome Statute of the International Criminal Court (concerning reparations to victims)²⁴.

Article 8 of the Rome Statute gives the meaning of “war crimes” defining them as serious violations of the laws and customs applicable in international armed conflict or in an armed conflict not of an international character. Further, war crimes meaning “grave breaches of the Geneva Conventions of 12 August 1949, namely, any of the following acts against persons or property protected under the provisions of the relevant Geneva Convention” are: wilful killing; torture or inhuman treatment, including biological experiments; wilfully causing great suffering, or serious injury to body or health; extensive destruction and appropriation of property, not justified by military necessity and carried out unlawfully and wantonly; compelling a prisoner of war or other protected person to serve in the forces of a hostile Power; wilfully depriving a prisoner of war or other protected person of the rights of fair and regular trial; unlawful deportation or transfer or unlawful confinement; taking of hostages.

Other serious violations of the laws and customs applicable in international armed conflict²⁵ include, among others, attacks against the civilian population as well as civilian objects, killing or wounding surrendered combatant, using poison or poisoned weapons, poisonous or other gases, improper using emblems or flags, pillage or other taking of property contrary to international humanitarian law [Sandoval-Villalba 2009: 243–281].

In cases of armed conflicts not of the international character, serious violations are “any of the following acts committed against persons taking no active part in the hostilities, including members of armed forces who have laid down their arms and those placed hors de combat by sickness, wounds, detention or any other cause: violence to life and person, in particular murder of all kinds, mutilation, cruel treatment and torture; committing outrages upon personal dignity, in particular humiliating and degrading treatment; taking of hostages; the passing of sentences and the carrying out of executions without previous judge-

ment pronounced by a regularly constituted court, affording all judicial guarantees which are generally recognized as indispensable”²⁶.

In its Art. 75 concerning reparations for the victims of serious violations, the Rome Statute reflects the language of the draft of the Basic Principles and Guidelines on this issue: “The Court shall establish principles relating to reparations to, or in respect of, victims, including restitution, compensation and rehabilitation”.

The framework of the Basic Principles and Guidelines has been developed with an emphasis on the obligation of States to provide victims of violations of human rights and international humanitarian law with remedies and reparation. However, even though it is the State that is the primary subject of international law, the possibility of unlawful actions on the part of international organizations cannot be ignored. The Basic Principles and Guidelines do consider the responsibilities of international organizations, for example, Principle 15 states the following: “...In cases where a person, a legal person, or other entity is found liable for reparation to a victim, such party should provide reparation to the victim or compensate the State if the State has already provided reparation to the victim”.

The Basic Principles and Guidelines are a document focused on the position of the victim of violations of human rights and international humanitarian law. Regarding the definition of the victim, even at the stage of drafting the text of the Basic Principles and Guidelines, some controversy arose around the inclusion in the concept of “victim” not only individuals but groups of individuals, collectively. Which means that the person could be understood as a victim individually as well as in a group or collectively. In the final version of the document, the concept of “victim” is given in Chapter V, in Principles 8 and 9. Thus, the wording of Principle 8 stipulates that “victims are persons who individually or collectively suffered harm, including physical or mental injury, emotional suffering, economic loss or substantial impairment of their fundamental rights, through acts or omissions that constitute gross violations of international human rights law, or serious violations of

International Armed Conflicts (Protocol I) of 8 June 1977. URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf (accessed 15.03.2021).

²⁴ Rome Statute of the International Criminal Court of 17 July 1998. URL <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf> (accessed 15.03.2021).

²⁵ Ibid. Para. 2 b) of Art. 8.

²⁶ Ibid. Para. 2 c) of Art. 8.

international humanitarian law”. In addition, already in the Preamble, we can observe “that contemporary forms of victimization, while essentially directed against persons, may nevertheless also be directed against groups of persons who are targeted collectively”. Within the meaning of the same Principle 8 of the Basic Principles and Guidelines, “victim” is understood not only as direct victim or person who was directly damaged, but also indirect victims. Let us refer to the text of the mentioned Principle in this context: “the term “victim” also includes the immediate family or dependents of the direct victim and persons who have suffered harm in intervening to assist victims in distress or to prevent victimization”. While the definition of potential victims is not explicitly enshrined in the Basic Principles and Guidelines, it does imply the obligation of States to implement such policies that include compliance with international law with national legislation and human rights policies, thereby preventing the possibility of human rights violations [Shelton 2015: 60–61].

As noted further in the Preamble, this document does not replace existing norms of international law and domestic law, but only proposes mechanism, procedures and methods for fulfilling the responsibilities of States and of the international community in general with respect to providing victims of violations of human rights and humanitarian norms with remedy and reparation for the harm suffered.

Further, let us note that the following wording is enshrined in the title of the Basic Principles and Guidelines: “gross violations of international human rights law”. Nevertheless, Principle 26 of this document emphasizes the inadmissibility of limiting any rights or obligations enshrined in domestic or international law, including the right to reparation. Thus, the drafters of the document concluded that it is advisable to use the term “violation of human rights” rather than “serious violations of human rights”, since any violation leads to adverse consequences, regardless of the severity.

According to Principle 11 (section VII) of the Basic Principles and Guidelines “remedies for gross violations of international human rights law and serious violations of international humanitarian law include the victim’s right to the following as provided for under international law:

- (a) Equal and effective access to justice;
- (b) Adequate, effective and prompt reparation for harm suffered;
- (c) Access to relevant information concerning violations and reparation mechanisms”²⁷.

It is worth noting that, even though the right to reparation for harm suffered is enshrined in several international treaties in the field of human rights protection and international humanitarian law, for the first time only the Basic Principles and Guidelines in one document listed in the most complete form the rights of victims of access to justice and to reparation for harm suffered [McCracken 2005:77-79].

4. Forms of reparation for the violations of human rights established in the Basic Principles and Guidelines

Particular attention in the document is paid to the forms of reparation, namely: restitution, compensation, satisfaction, rehabilitation and guarantees of non-repetition. The first two forms are material, while the last three are non-material forms of reparation for harm suffered. Let us study briefly the definition of each of the five identified forms of reparation.

Restitution (lat. “*restitutio in integrum*” meaning “restoration in the previous state”, “in the previous rights”). The Basic Principles and Guidelines define it as the ability to “restore the victim to the original situation before the gross violations of international human rights law or serious violations of international humanitarian law occurred. Restitution includes, as appropriate: restoration of liberty, enjoyment of human rights, identity, family life and citizenship, return to one’s place of residence, restoration of employment and return of property” (Principle 19).

Restitution as a form of reparation was already known to the ancient jurists. Thus, according to Roman law, if it is possible to restore the violated relationship or return the thing to the owner in the same condition, reparation for damage could be made in the form of restitution. According to the judgement of the Permanent Court of International Justice in the case concerning the Factory at Chorzyw, restitution is the core aim of reparation: “The essential principle contained in the actual notion of an illegal act—a principle which seems to be established by

²⁷ UN Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law adopted by the UN General Assembly Resolution No. 60/147 of 16 December 2005. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/remedyandreparation.aspx> (accessed 15.03.2021).

international practice and in particular by the decisions of arbitral tribunals—is that reparation must, as far as possible, wipe out all the consequences of the illegal act and reestablish the situation which would, in all probability, have existed if that act had not been committed²⁸.

The Basic Principles and Guidelines highlight the restoration of citizenship as one of the examples of reparation. In this regard, if a person is deprived of citizenship in violation of international law, restitution can be achieved by restoring citizenship. This formula has been recognized, for example, by the UN Working Group on Enforced or Involuntary Disappearances²⁹ as well as the African Commission on Human and Peoples' Rights³⁰.

When it is forced displacement of a person abroad of the State of citizenship or permanent residence caused by threats to his or her life and health, the State is obliged not only to eliminate such risks, but also to take appropriate measures to ensure the safety of the person and his life, as well as create conditions for the return of such faces to their homeland³¹. The practice of international courts to some extent correlates with the right to return to the homeland, recognized by the international law, in particular the right of the refugees to return to the State they were forced to leave³².

In cases of deprivation of property in violation of human rights, restitution means, in general, the return of property. In this regard, the European Court of Human Rights has ruled that the most appropri-

ate form of reparation is the return of property³³. The UN Human Rights Committee also recommended property restitution, i.e. return in the same condition prior to the violation or, if it is not possible, compensation³⁴. In addition, the African Commission on Human and Peoples' Rights recommended the use of restitution as reparation for human rights violations when the robbery of the victim's property³⁵.

As it was previously said, since restitution is aimed at restoring a situation existed before violation, it cannot be applied in every case. Article 35 of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts names "a State responsible for an internationally wrongful act is under an obligation to make restitution, that is, to re-establish the situation which existed before the wrongful act was committed, provided and to the extent that restitution: a) is not materially impossible; b) does not involve a burden out of all proportion to the benefit deriving from restitution instead of compensation". If there is no possibility for restitution or it is insufficient for the full reparation, as a rule, compensation is paid based on a financial assessment of the damage caused (Art. 36 of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts). But if there is no way to apply neither restitution nor compensation, "a State responsible for an internationally wrongful act is under an obligation to give satisfaction for the injury caused by that act insofar as it cannot be made good by restitution or compensation"

²⁸ Permanent Court of International Justice: Case Concerning the Factory at Chorzyw (Claim for Indemnity) (The Merits). Germany v. Poland. Judgment of 13 September 1928. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1928.09.13_chorzow1.htm (accessed 15.03.2021).

²⁹ UN Economic and Social Council: General Comments on Article 19 of the Declaration on the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. January 12, 1998. Para. 75. URL: <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=E/CN.4/1998/43&Lang=E> (accessed 15.03.2021).

³⁰ African Commission on Human and Peoples' Rights: Case of Malawi African Association et al. v. Mauritania. Communications 54/91, 61/91, 98/93, 164/97, 196/97, 210/98. May 11, 2000. URL: <https://www.refworld.org/cases,ACHPR,52ea5b794.html> (accessed 15.03.2021).

³¹ UN Human Rights Committee: Case of Jimenez Vaca v. Colombia. Communication No. 859/1999, March 22, 25, 2000. Para. 9. URL: <https://www.refworld.org/cases,HRC,3f588ef4a.html> (accessed 15.03.2021).

³² Para. 2 of Art. 13 of the UN 1948 Universal Declaration of Human Rights; Para. 4 of Art. 12 of the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights; Art. 5 d) of the 1965 International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination.

³³ European Court of Human Rights: Case of Papamichalopoulos and others v. Greece (Article 50). Application No. 14556/89. Judgment of 31 October 1995. Para. 38. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-57961%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-57961%22]) (accessed 15.03.2021).

³⁴ UN Human Rights Committee: Case of Robert Brok and Dagmar Brokova v. Czech Republic. Communication No. 774/1997. Paras. 7.4, 9. URL: http://www.worldcourts.com/hrc/eng/decisions/2001.10.31_Brok_v_Czech_Republic.htm (accessed 15.03.2021); UN Human Rights Committee: Case of Dr. Karel Des Fours Walderode v. The Czech Republic. Communication No. 747/1997. November 21, 1996. Paras 8.4, 9.2. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/747-1997.html> (accessed 15.03.2021).

³⁵ African Commission on Human and Peoples' Rights: Case of Malawi African Association et al. v. Mauritania. Communications 54/91, 61/91, 98/93, 164/97, 196/97, 210/98. May 11, 2000. URL: <https://www.refworld.org/cases,ACHPR,52ea5b794.html> (accessed 15.03.2021).

(part 1 of Art. of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts).

Restitution is the first form of reparation that should be applied to restore violated human rights. However, if it cannot be applied, other forms of reparation are implemented.

Compensation (lat. “*compensatio*” meaning “action of compensating”, “remuneration”, “equalization”) is also a material form of reparation for damage caused to the physical or psychological state of a person. In the text of the Basic Principles and Guidelines, the definition of compensation is given in Principle 20, saying “compensation should be provided for any economically assessable damage, as appropriate and proportional to the gravity of the violation and the circumstances of each case, resulting from gross violations of international human rights law and serious violations of international humanitarian law, such as: *a*) physical or mental harm; *b*) lost opportunities, including employment, education and social benefits; *c*) material damages and loss of earnings, including loss of earning potential; *d*) moral damage; *e*) costs required for legal or expert assistance, medicine and medical services, and psychological and social services”.

The Preamble of the Basic Principles and Guidelines mentions the need to establish, strengthen and expand special compensation funds aimed at providing prompt and adequate payments to victims of human rights violations. In addition, we shall also state that compensation, despite the frequency of its application, should not be equated with the right to reparation, since it is part of it, and not itself.

In its judgement in the case concerning the Factory at Chorzyw, the Permanent Court of International Justice defined compensation as a substitute for restitution when the latter cannot be applied. The amount of compensation must be equivalent to restitution in kind, in other words, the amount of what was lost due to violation: “Restitution in kind, or, if this is not possible, payment of a sum corresponding to the value which a restitution in kind would bear; the award, if need be, of damages for loss sustained

which would not be covered by restitution in kind or payment in place of it—such are the principles which should serve to determine the amount of compensation due for an act contrary to international law”³⁶.

In addition, damage to individuals should be the basis for determining the amount of compensation measures. It should be noted that compensation for material and non-material damage, especially for unlawful deprivation of life or imprisonment, is also payable. Thus, in the famous case of the British ship *Lusitania*, the need for compensation was determined as follows: “It is a general rule of both the civil and the common law that every invasion of private right imports an injury and that for every such injury the law gives a remedy”³⁷.

Of all the forms of reparation for damage, it is compensation that is most often used in international practice. According to Art. 36 of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, which is dedicated to the notion of compensation, “The State responsible for an internationally wrongful act is under an obligation to compensate for the damage caused thereby, insofar as such damage is not made good by restitution” and “the compensation shall cover any financially assessable damage including loss of profits insofar as it is established”.

This non-exhaustive criterion for determining compensation allows the development of methods for financially assessing the damage caused, which cannot be physically seen. The pain and suffering endured by a victim of a human rights violation are also subject to economic assessment. The concept of compensation confirms the obvious provision, according to which the amount of compensation payments should be proportional to the violation with considering moral damage.

International jurisprudence is unanimous in providing compensation to victims of loss of income. In cases where the loss of a job is due to a violation of human rights, the UN Human Rights Committee, for example, without calculating the amount of compensation, recommends to States to compensate for the lost earnings based on the salary that the victim would receive if his rights were not violated³⁸.

³⁶ Permanent Court of International Justice: Case Concerning the Factory at Chorzyw (Claim for Indemnity) (The Merits). Germany v. Poland. Judgment of 13 September 1928. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1928.09.13_chorzow1.htm (accessed 15.03.2021).

³⁷ Mixed Claims Commission (United States and Germany). Opinion in the *Lusitania* Cases. November 1, 1923. P. 35. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_VII/1-391.pdf (accessed 15.03.2021).

³⁸ UN Human Rights Committee: Case of *Busyo v. Democratic Republic of Congo*. Communication No. 933/2000. September 19, 2003. Para. 6.2. URL: <https://undocs.org/en/CCPR/C/78/D/933/2000> (accessed 15.03.2021); UN Human Rights Committee: Case of *Nyekuma Kopit a Toro Gedumbe v. Democratic Republic of the Congo*. Communications No. 641/1995. July 26, 2002. Para. 6.2. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/641-1995.html> (accessed 15.03.2021).

The economic consequences of human rights violations are so various that it is difficult to classify them for compensation purposes. International jurisprudence seeks to create standards for determining the exact amount of compensation to be paid to victims of offenses that have suffered real losses. They can vary in different legal systems, which indicates the uncertainty, therefore, the international practice is in constant development in this matter. It follows from the practice of universal and, to a greater extent, regional human rights courts that compensation, as a rule, excludes damage that is not subject to economic assessment [Gray 1987:33–34]. If pecuniary damage exists, no exact figure from the victim is required to determine compensation [Kaplow, Shavell 1996:191–209]. In the absence of precise information on quantitative indicators of the amount of damage suffered, compensation is provided based on the principle of fairness [Cornejo Chavez 2017:372–392].

Non-pecuniary damage is sometimes easily calculated economically, which comes to the cost of medical or psychological treatment, drugs, etc. However, it can also be measured based on the principle of “equality”, which is an accepted method of assessing damage in comparative jurisprudence, subject to the availability of appropriate evidence.

The first in the list of non-material forms of reparation in the Basic Principles and Guidelines is *rehabilitation* (lat. “*rehabilitatio*” meaning “rehabilitation”), that “should include medical and psychological care as well as legal and social services” (Principle 21).

Rehabilitation is guaranteed by the provisions of many universal treaties and declarations. The 1984 UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment in its para.1 of Art. 14 states that “each State Party shall ensure in its legal system that the victim of an act of torture obtains redress and has an enforceable right to fair and adequate compensation, including the means for as full rehabilitation as possible”. The 1989 UN Convention on the Rights of the Child in Art. 23 and Art. 24 also stipulates the need for States to promote international cooperation in the exchange of information on the possibilities of providing children with rehabilitation measures, including medical and psychological treatment. In addition, Art. 39

of this Convention declares that “States Parties shall take all appropriate measures to promote physical and psychological recovery and social reintegration of a child”.

Further, the 2006 UN International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance in Art. 24 notes that “the right to obtain reparation ... covers material and moral damages and, where appropriate, other forms of reparation such as: a) restitution; b) rehabilitation; c) satisfaction, including restoration of dignity and reputation; d) guarantees of non-repetition”.

Rehabilitation measures are often viewed as part of compensation. In this regard, the violating State is required to provide an amount of money to cover the victim’s rehabilitation when paying compensation. This provision is reflected in the mentioned above para. 1 of Art. 14 of the Convention against Torture, according to which the State provides compensation, “including the means for as full rehabilitation as possible”.

Here, it should be noted that rehabilitation is provided not only in the case of physical or psychological suffering of victims, but it can be of a social nature as well, when it comes to, for example, rehabilitation of victim’s dignity, social position and general legal status. Some of these rehabilitative measures, such as legal status rehabilitation, are carried out, for example, through the removal of convictions or annulment of unlawful sentences³⁹.

Further, the document establishes such a form of reparation as *satisfaction* (lat. “*satis*” meaning “enough”, “sufficient”, and “*facere*” meaning “to do”; “*satisfactio*”, “*satisfacio*” meaning “satisfaction”, “ask for forgiveness”, “apologize”), which, in the document under consideration, means a whole range of measures: “a) effective measures aimed at the cessation of continuing violations; b) verification of the facts and full and public disclosure of the truth to the extent that such disclosure does not cause further harm or threaten the safety and interests of the victim, the victim’s relatives, witnesses, or persons who have intervened to assist the victim or prevent the occurrence of further violations; c) the search for the whereabouts of the disappeared, for the identities of the children abducted, and for the bodies of those killed, and assistance in the recovery, identification

³⁹ Кебурия К.О. Право на возмещение ущерба по международному праву за нарушения государствами прав человека: diss. ... канд. юрид. наук [The Right to Reparation in International Law for The State’s Violations of Human Rights: candidate thesis]. Moscow. 2018. P. 66. (In Russ.).

and reburial of the bodies in accordance with the expressed or presumed wish of the victims, or the cultural practices of the families and communities; *d*) an official declaration or a judicial decision restoring the dignity, the reputation and the rights of the victim and of persons closely connected with the victim; *e*) public apology, including acknowledgement of the facts and acceptance of responsibility; *f*) judicial and administrative sanctions against persons liable for the violations; *g*) commemorations and tributes to the victims; *h*) inclusion of an accurate account of the violations that occurred in international human rights law and international humanitarian law training and in educational material at all levels” (Principle 22).

In a number of cases, international courts in their decisions determined that the recognition of the fact of violation of human rights is already satisfaction in itself. Meanwhile, according to the Inter-American Commission on Human Rights, in cases of gross and massive violations of human rights, recognition or condemnation is not enough to provide fair reparation for the damage suffered by the victims⁴⁰. Therefore, adequate, in other words, sufficient compensation is needed.

The Basic Principles and Guidelines, in general, provide an extensive list of measures that States must take to ensure that reparations for victims of human rights violations are satisfactory, including making public the facts of human rights violations, ending ongoing violations, searching for missing persons, identification and reburial of the deceased. Considering the importance of not only the search for the truth, but also the recognition of the fact of a violation of human rights, the obligation to bear responsibility for it seems to be a key principle of investigation and establishment of the truth in each specific case of violation. In this vein, the Basic Principles and Guidelines recommend that human rights organizations publish their reports for the public to access or so, to be transparent.

It is worth noting the activities of Truth Commissions, which are usually created by the governments of States and are temporary non-judicial bodies to investigate the facts of massive and gross violations

of human rights, for example, committed during civil wars. Victims of such serious violations of human rights, including their relatives and the whole society, have the right to know the truth about the events of the past, the cause and consequences of these events, to establish the whereabouts of the missing or killed persons. The perpetrators of human rights violations must be identified and held responsible⁴¹. In addition, the Truth Commissions are adopting recommendations for the establishment of special programs aimed at reparation of victims of human rights violations [Bishnu 2017:192–230].

Even though public apology is symbolic, it is addressed to present and future generations as a clear indication that the violation should not happen again. This is especially important in cases of violations of the rights of groups or a large number of victims, sometimes impersonal, or in cases of serious violations in the past⁴².

Thus, the main task of satisfaction as a form of reparation is to restore the dignity, psychological health, honor and reputation of the victims of violations of international human rights norms [Bantekas, Oette 2013: 547–550].

Non-material forms of reparation, except for rehabilitation, as mentioned above, in the Art. 37 of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. Meanwhile, the Draft Articles on State Responsibility does not value satisfactory measures. They are, nevertheless, important in the field of human rights protection, where in conditions of inequality between the State and the person whose rights are violated, the State has a significant role to investigate violations, as well as to establish the reasons that led to the violation.

Finally, *guarantees of non-repetition* are enshrined in the list of forms of reparation, which are generally structural measures aimed at helping to prevent future violations of human rights and humanitarian law. These include measures such as: *(a)* ensuring effective civilian control of military and security forces; *(b)* ensuring that all civilian and military proceedings abide by international standards of due process, fairness

⁴⁰ Inter-American Court of Human Rights: Case of El Amparo v. Venezuela. Judgment of September 14, 1996 (Reparations and Costs). Para. 35. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_28_ing.pdf (accessed 15.03.2021).

⁴¹ OHCHR: Rule-of-law Tools for Post-Conflict States. Truth commissions. 2006. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/RuleoflawTruthCommissionsen.pdf> (accessed 15.03.2021).

⁴² Inter-American Court of Human Rights: Case of Cantoral Benavides v. Peru. Judgment of December 3, 2001 (Reparations and Costs). Para. 81. URL: https://www.corteidh.or.cr/corteidh/docs/casos/articulos/seriec_88_ing.pdf (accessed 15.03.2021); Inter-American Court of Human Rights: Case of Moiwana Community v. Suriname. Judgment of June 15, 2005 (Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs). Para. 216. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_124_ing.pdf (accessed 15.03.2021).

and impartiality; (c) strengthening the independence of the judiciary; (d) protecting persons in the legal, medical and health-care professions, the media and other related professions, and human rights defenders; (e) providing, on a priority and continued basis, human rights and international humanitarian law education to all sectors of society and training for law enforcement officials as well as military and security forces; (f) promoting the observance of codes of conduct and ethical norms, in particular international standards, by public servants, including law enforcement, correctional, media, medical, psychological, social service and military personnel, as well as by economic enterprises; (g) promoting mechanisms for preventing and monitoring social conflicts and their resolution; (h) reviewing and reforming laws contributing to or allowing gross violations of international human rights law and serious violations of international humanitarian law” (Principle 23).

The guarantees of non-repetition, like satisfaction, are not always suitable for application at the interstate level, but their importance in the field of human rights protection can hardly be overestimated. The measures enshrined in the Basic Principles and Guidelines are mainly aimed at strengthening national institutions under the rule of law, including the independence of the judiciary and civilian control of military and security forces.

Part two of the Draft Articles on State Responsibility includes Chapter II “Reparation for Injury”, which examines the forms of reparation that can be provided by the State responsible for the violation: restitution, compensation and satisfaction (Art. 34). The Basic Principles and Guidelines differ in the definition of reparations from the text of the Draft Articles on State Responsibility on several conceptual points. Thus, the termination of the violation is included in the concept of satisfaction as one of the forms of compensation for damage in the Basic Principles and Guidelines, while in the Draft Articles on State Responsibility, it together with non-repetition of the violation, stands separately and independently of compensation for damage (Art. 30 – “Cessation and non-repetition” and Art. 31 – “Reparation”). The cessation of the violation, while not reparation, is

nevertheless part of the general obligation to comply with international law. More of it, in the opinion of the International Law Commission, the termination of violation of international obligations and guarantees for non-repetition of what happened are aspects of the restoration of legal relations affected by the violation (Art. 30, para. 1, b).

Sometimes the termination of the violation overlaps with restitution, especially in cases of deprivation of property. Yet, unlike restitution, the cessation of violations is not limited by proportionality. Thus, restitution is applicable only if possible, and cessation of violations can be used in any case. In the same vein, the Commentary to the Draft Articles on State Responsibility notes that guarantees of non-repetition can be realized in practice both through satisfaction and both satisfaction and restitution [Crawford 2002: 196-201].

While the obligation to cease a continuing violation in general does not require interpretation and clarification, guarantees of non-repetition can take a variety of forms, indicating the various measures necessary for the State to take to ensure the measures to prevent further violations.

Non-repetition guarantees also cover structural changes that can be achieved through the adoption of appropriate legislative measures. The UN Human Rights Committee, in its 2016 Guidelines on measures of reparation under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights⁴³, reaffirmed the need for legislation as a first step towards achieving a guarantee of non-repetition of human rights violations and in addition to bringing the State’s national legislation in conformity with the provisions international law.

To prevent further violations, persons at risk of violation of their rights should be provided with special protection measures. Such persons include human rights defenders, media workers and other persons working in the field of human rights protection. According to the position of the UN Human Rights Committee expressed in the case of *Suarez de Guerrero v. Colombia*, ensuring the effective observance of the right to life requires States to amend their domestic legislation to bring it in line with Art. 6 of International Covenant on Civil and Political Rights.⁴⁴

⁴³ UN Human Rights Committee: Guidelines on measures of reparation under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights dated November 30, 2016. URL: <https://undocs.org/en/CCPR/C/158> (accessed 15.03.2021).

⁴⁴ UN Human Rights Committee: Case of Pedro Pablo Camargo v. Colombia, Communication No. 45/1979. March 31, 1982. Para. 15. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/newscans/45-1979.html> (accessed 15.03.2021); UN Human Rights Committee: Concluding Observations on Venezuela. April 26, 2001. Para. 8. URL: <https://www.refworld.org/docid/3be1216f4.html> (accessed 15.03.2021).

Summarizing all the above, we shall note that all five forms of reparation for victims of violations of human rights and international humanitarian law can be applied both independently and in combination with several or even all other forms of reparation⁴⁵. Moreover, recourse to only one of the forms significantly limits the overall effectiveness of reparation. In other words, the most expedient seems to be the simultaneous and combined use of several forms of reparation, considering, of course, the details of each specific case. Only in that way it is possible to achieve full and comprehensive reparation for victims of violations both individually and collectively⁴⁶.

5. Basic Principles and Guidelines in the Practice of Universal and Regional Judicial and Quasi-judicial Bodies

While the Basic Principles and Guidelines are not legally binding, this document is the first comprehensive codification of the rights of victims of violations of international human rights law and international humanitarian law to a remedy, reparation and access to justice.

The Basic Principles and Guidelines have provided guidance to universal and regional judicial and quasi-judicial bodies in the context of providing the reparation for the victims for the harm they suffered. The high appraisal of this document was expressed, for example, by the International Criminal Court (hereinafter referred to as “the ICC”) in its judgment of January 18, 2008 in the case of *Thomas Lubanga Dyilo*. In this judgment, the Court, facing the lack of

a definition of the concept of a victim in the Rome Statute, referred to the provision of Principle 8 of the Basic Principles and Guidelines as “guidance”⁴⁷, according to which “victim” refers to a person who has suffered direct harm, individually or collectively, directly or indirectly, in various forms (physical or psychological harm, mental suffering and economic loss)⁴⁸.

Reflecting the specifics of reparation for harm suffered by a group of persons, it is worth noting that in the aforementioned case of *Thomas Lubanga Dyilo*, the ICC for the first time developed a procedure for a comprehensive mechanism for the implementation of collective reparation for damage, including the preparation of a list of potential victims, an assessment of the extent of damage caused to victims, an analysis of the scope of responsibility of Thomas Lubanga Dyilo, and if necessary, revision of the monetary amount of reparation⁴⁹.

International universal and regional mechanisms for the protection of human rights are often guided by the Basic Principles and Guidelines, including for determining the form of reparation. For example, the Inter-American Court of Human Rights in its decisions regarding reparations for victims of human rights violations repeatedly refers to the provisions of the Basic Principles and Guidelines. It is noteworthy that the Court began to refer to this document at the stage of development of its draft [Rubio-Marín, Sandoval 2011: 1062-1091]⁵⁰.

In general, we can state that the positions of the regional systems of human rights protection (European, Inter-American and African)⁵¹ do not contra-

⁴⁵ Inter-American Court of Human Rights: Advisory Opinion OC-9/87 of October 6, 1987 Judicial Guarantees in States of Emergency (Arts. 27.2, 25 and 8 American Convention on Human Rights). Para. 24. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opinion/es/seriea_09_ing.pdf (accessed 15.03.2021).

European Court of Human Rights: Case of Silver v. the United Kingdom. Application No. 5947/72, No. 6205/73, No. 7052/75, No. 7061, No. 7107/75, No. 7113/75, No. 7136/75. Judgment of 25 March 1983. Para. 113. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/en/g#%22itemid%22:%22001-57577%22> (accessed 15.03.2021).

⁴⁶ UN General Assembly: Report of the Special Rapporteur on the promotion of truth, justice, reparation and guarantees of non-recurrence on his mission to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. November 17, 2006. URL: https://digitallibrary.un.org/record/861416/files/A_HRC_34_62_Add-1-EN.pdf (accessed 15.03.2021).

⁴⁷ International Criminal Court: The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo. Judgment on the appeals of The Prosecutor and The Defence against Trial Chamber I's Decision on Victims' Participation of 18 January 2008. P.16. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2008_03972.PDF (accessed 15.03.2021).

⁴⁸ *Prava cheloveka. Uchebnik*. Otv. red E.A. Lukasheva [Human Rights: a textbook. Ed. by E.A. Lukasheva]. Moscow: Norma Publ. 2015. P. 480-489. (In Russ.)

⁴⁹ International Criminal Court: The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo. Press Release. February 9, 2016. URL: https://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/press%20and%20media/press%20releases/Pages/pr1188.aspx (accessed 15.03.2021).

⁵⁰ Inter-American Court of Human Rights: Case of Bámaca-Velásquez v. Guatemala. Judgment of February 22, 2002 (Reparations and Costs). Para 75. URL: https://www.corteidh.or.cr/corteidh/docs/casos/articulos/Seriec_91_ing.pdf (accessed 15.03.2021); Inter-American Court of Human Rights: Case of Castillo-Páez v. Peru. Judgment of November 27, 1998 (Reparations and Costs). Para 48. https://www.corteidh.or.cr/corteidh/docs/casos/articulos/seriec_43_ing.pdf (accessed 15.03.2021).

dict the provisions laid down in the Basic Principles and Guidelines [Solntsev, Keburiya 2014:16–25].

Thus, Art. 13 of the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (the ECHR) guarantees the right to an effective remedy for damages to persons whose rights and freedoms have been violated, and Art. 41⁵² contains provisions on just satisfaction for the injured party [Tomuschat 2000:1409–1430].

The 1969 American Convention on Human Rights establishes the obligation to pay “just satisfaction” (Arts. 10 and 21)⁵³ and the 1981 African Charter on Human and Peoples’ Rights also provides for the right of deprived peoples to receive adequate compensation (para. 2 of Art. 21)⁵⁴. In addition, the African Commission on Human and Peoples’ Rights developed the 2003 Principles and Guidelines on the Right to a Fair Trial and Legal Assistance in Africa, which provide for the right of victims of human rights violations to achieve remedies and reparation⁵⁵.

The European Court of Human Rights (ECtHR), when dealing with remedies and reparation is guided by the concept of justice, considering the circumstances of the very case. The ECtHR, when establishing the amount and form of reparation, considers not only the positions of the applicant and the violating State, but the public interest of the case. At the same time, there is an obvious positive moment in the prac-

tice of the ECtHR, namely, that the Court considers such determining factors in each case as the actual circumstances of the violation, as well as the political and economic situation not only in a particular State, but in the region where the victim lives⁵⁶.

Unlike the ECtHR, which includes reparations on the merits, and the IACHR and the IACtHR consider claims for remedies and reparation in separate proceedings, the ACHPR and the ACtHPR, in turn, consider claims for remedies and reparation, either on the merits or, in some cases, in separate proceedings. In addition, claim for remedies and reparation should be submitted to the ECtHR separately from the main complaint, while in the Inter-American and African systems for the protection of human rights, the claim is included in the main complaint [Abashidze, Keburia, Solntsev 2016:1–10].

The strength of the Inter-American human rights bodies is in their flexibility and readiness to respond promptly to violations, including in the development of a plan of measures for the violating State in each case to provide the most effective redress.

When determining one or another measure of reparation, the IACHR and IACtHR consider not only reasonableness and fairness, but also the circumstances of each case, including the nature of the victim’s life and the possible benefits missed by him/her due to the violation⁵⁷.

⁵¹ European Court of Human Rights: Case of Zontul v. Greece. Application No.12294/07. Judgment. January 17, 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-3809121-4366096&filename=Arr%EA%20de%20chambre%20Zontul%20c.%20Gr%E8ce%2017.01.2012.pdf> (accessed 15.03.2021); Inter-American Court of Human Rights: Case of Garrido and Baigorria v. Argentina. Judgment of August 27, 1998 (Reparations and Costs). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_39_ing.pdf (accessed 15.03.2021); African Commission on Human and Peoples’ Rights: Egyptian Initiative for Personal Rights and Interights v Arab Republic of Egypt. Communication No. 334/06. March 1, 2011. URL: https://www.achpr.org/public/Document/file/English/achpreos9_334_06_eng.pdf (accessed 15.03.2021). See also: *Regional'nye sistemy zashchity prav cheloveka : uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury*. Pod red. A. Kh. Abashidze [Regional systems for the protection of human rights: a textbook for bachelor’s and master’s]. Moscow: Yurayt Publ. 2017. P. 174. (In Russ.).

⁵² European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (accessed 15.03.2021).

⁵³ American Convention on Human Rights of 22 November 1969. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201144/volume-1144-i-17955-english.pdf> (accessed 15.03.2021).

⁵⁴ African Charter on Human and Peoples’ Rights of 26 June 1981. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201520/volume-1520-I-26363-English.pdf> (accessed 15.03.2021).

⁵⁵ Principles and Guidelines on the Right to a Fair Trial and Legal Assistance in Africa. 2003. URL: <https://www.achpr.org/legal-instruments/detail?id=38> (accessed 15.03.2021).

⁵⁶ European Court of Human Rights: Case of Elci and others v. Turkey: the official text. Applications No. 23145/93 and No. 25091/94. Judgment. November 13, 2003. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-61442%22> (accessed 15.03.2021).

⁵⁷ For example: Inter-American Court of Human Rights: Case of Bámaca-Velásquez v. Guatemala. Judgment of February 22, 2002 (Reparations and Costs). URL: https://www.corteidh.or.cr/corteidh/docs/casos/articulos/Seriec_91_ing.pdf (accessed 15.03.2021); Inter-American Court of Human Rights: Case of Velásquez-Rodríguez v. Honduras. Judgment of July 21, 1989 (Reparations and Costs). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_07_ing.pdf (accessed 15.03.2021); American Court of Human Rights: Case of Trujillo-Oroza v. Bolivia. Judgment of February 27, 2002 (Reparations and Costs). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/Seriec_92_ing.pdf (accessed 15.03.2021).

As mentioned above, none of the regional systems for the protection of human rights has developed a uniform approach to the calculating the amount of compensation. However, the only precedent in which the ACHPR departed from the practice of not determining a specific amount of compensation is the case of the *Egyptian Initiative for Personal Rights and Interights v. Egypt*, when decided the exact amount of compensation. However, the ACHPR did not explain the method of calculation used⁵⁸.

Similar unanimity is found in the approaches of the human rights treaty bodies within the UN human rights protection system, as well as in the Special Procedures of the UN Human Rights Council, as evidenced by the documents they adopt, including general comments, decisions on individual reports of human rights violations or materials of the field missions⁵⁹. In this regard, we should also note *the Guidelines on measures of reparation under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights*, developed by the UN Human Rights Committee in 2016, perfectly in line with the Basic Principles and Guidelines⁶⁰.

One of the objectives of the HRC Guidelines is to harmonize the Committee's practice in relation to the right to reparation, as well as to establish criteria for the most effective consideration of individual communications. According to the position of the

Human Rights Committee (further – the HRC), only full reparation for damage (in the form of restitution, compensation, rehabilitation, satisfaction and guarantees of non-repetition) meets the international obligations of States and requirements of the human rights protection system.

The procedure for including a claim for reparation in individual communications is also enshrined in the HRC Guidelines. Thus, persons reporting facts of human rights violations by State bodies and officials should include their claims on the forms of reparation in communications that are brought to the attention of the State. States, in turn, also have the right to comment on the stated claims, which, however, does not affect the final decision of the HRC (para. 4).

According to the HRC, not only direct victims of human rights violations have the right to reparation, but also indirect ones, first, family members and relatives. The Committee proceeds from an understanding of the link between direct and indirect victims, who, although not equally, may still suffer from the consequences of the same violation⁶¹.

Recognizing in its general comment No. 3 (2012) "Implementation of article 14 by States parties"⁶² that a violation of the provisions of the Convention against Torture requires States to take immediate measures to remedy the situation, the UN Committee against

⁵⁸ African Commission on Human and Peoples' Rights: *Egyptian Initiative for Personal Rights and Interights v. Egypt*. Communication No. 323/06. December 12-16, 2011. URL: <https://africanlii.org/afu/judgment/african-commission-human-and-peoples-rights/2011/85> (accessed 15.03.2021).

⁵⁹ UN Committee Against Torture (CAT): *Case of Gerasimov v. Kazakhstan*. Communication No. 433/2010. July 10, 2012. URL: https://digitallibrary.un.org/record/730578/files/CAT_C_48_D_433_2010-EN.pdf (accessed 15.03.2021); Human Rights Committee: *Guidelines on measures of reparation under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights* dated November 30, 2016. URL: <https://undocs.org/en/CCPR/C/158> (accessed 15.03.2021); UN Human Rights Committee: *General Comment No. 31 "The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States-Parties to the Covenant"*. May 26, 2004. URL: <https://undocs.org/CCPR/C/21/Rev.1/Add.13> (accessed 15.03.2021); UN Committee Against Torture (CAT): *General comment No. 3 "Implementation of article 14 by States parties"*. December 13, 2012. URL: <https://undocs.org/CAT/C/GC/3> (accessed 15.03.2021). See also: Abashidze A.Kh., Koneva A.E. *Dogovornye organy po pravam cheloveka: uchebnoe posobie* [Human rights treaty bodies: a textbook]. Moscow: RUDN Publ. 2015. P. 115 (In Russ.).

⁶⁰ UN Human Rights Committee: *Guidelines on measures of reparation under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights* dated November 30, 2016. URL: <https://undocs.org/en/CCPR/C/158> (accessed 15.03.2021).

⁶¹ UN Human Rights Committee: *Case of Coronel et al v. Colombia*. Communication No. 778/1997 November 29, 2002. Para. 10. URL: <https://undocs.org/en/CCPR/C/76/D/778/1997> (accessed 15.03.2021). Thus, in the case "Coronel v. Colombia" the HRC did not find an obvious violation of Art. 7 of the ICCPR in relation to the relatives of the direct victim, nevertheless recommended to provide them with compensation, referring to the mental suffering of the victim's relatives.

⁶² UN Committee Against Torture (CAT): *General comment No. 3 (2012) "Implementation of article 14 by States parties"*. December 13, 2012. URL: <https://www.refworld.org/docid/5437cc274.html> (accessed 15.03.2021).

⁶³ Comprehensive reparation generally requires a combination of different forms of reparation. The CAT, having examined the case of "Ali Ben Salem v. Tunisia", made it clear "that redress should cover all the harm suffered by the victim, including restitution, compensation, rehabilitation of the victim and measures to guarantee that there is no recurrence of the violations". See: UN Committee Against Torture (CAT): *Case of Ali Ben Salem v. Tunisia*. Communication No. 269/2005. Decision of 7 November 2007. Para. 16.8. URL: http://www.worldcourts.com/cat/eng/decisions/2007.11.07_Ali_Ben_Salem_v_Tunisia.htm (accessed 15.03.2021).

Torture (CAT) recommends for the States to take measures to prevent future human rights violations. If a person applies to the court with a complaint about the use of torture or other cruel, inhuman, or degrading treatment or punishment against him or another person or group of persons, the State shall investigate the case through independent procedures.

The Basic Principles and Guidelines and the CAT's general comment No. 3 may have developed the most thorough and holistic approach to understanding the right to reparation. General comment No. 3 clearly defines the inextricable link between the procedure for claiming reparation and the reparation itself, as well as the broad concept of reparation, which includes effective remedies and the right to reparation (para. 2). General comment No. 3 also emphasizes that the State's duty to provide reparation also extends to cases of torture or ill-treatment by private individuals where States have failed to exercise "due diligence to prevent, investigate, prosecute and punish such non-State officials or private actors" (para. 7). CAT in its general comment No. 3 relied mostly on the provisions on reparations for victims of human rights violations enshrined in the Basic Principles and Guidelines. Thus, for example, general comment No. 3 identifies five forms of reparation: restitution, compensation, rehabilitation, satisfaction and guarantees of non-repetition (para. 6).⁶³

The UN Committee on the Rights of the Child in its general comment No. 21 (2017) "On Children in Street Situations" also pointed to the right of children who have become victims of human rights violations to reparation in the form of "restitution, compensation, rehabilitation, satisfaction and guarantees of non-repetition of rights violations" (para. 22)⁶⁴.

According to the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination, a victim's claim for

compensation should be considered in every case, including in cases where there was no physical harm for the victim, but violation of his dignity and reputation (para. 6.2)⁶⁵.

In accordance with recommendation No. 35 on gender-based violence against women, updating general recommendation No. 19 of the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women, States are required to provide "effective reparations to victims/survivors of gender-based violence against women. Reparations should include different measures, such as monetary compensation, the provision of legal, social and health services, including sexual, reproductive and mental health services for a complete recovery, and satisfaction and guarantees of non-repetition" (para. 22 a)⁶⁶.

The Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families in its general comment No. 2 on the rights of migrant workers in an irregular situation and members of their families, also confirmed the duty of States to ensure victims and their families the right to reparation for damage" (para. 21 d)⁶⁷.

As it was mentioned before, even though the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights does not contain provisions on reparations for victims of human rights violations, however, the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights considered the right to reparation in its different general comments. Thus, the Committee's general comment No. 23 includes in the concept of appropriate remedies "adequate reparation, restitution, compensation, satisfaction or guarantees of non-repetition" (para. 57)⁶⁸. In general comment No. 22, the interpretation of the right to effective remedies and reparation fully coincides with the idea of the Basic Principles and Guidelines (para. 64)⁶⁹.

⁶⁴ UN Committee on the Rights of the Child: General comment No. 21 (2017) on children in street situations. June 21, 2017. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1304490/files/CRC_C_GC_21-EN.pdf (accessed 15.03.2021).

⁶⁵ UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination (CERD): Case of B.J. v. Denmark. Views of 17 March 2000. URL: <https://www.refworld.org/cases,CERD,3f588f01c.html> (accessed 15.03.2021).

⁶⁶ UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women: General recommendation No. 35 on gender-based violence against women, updating general recommendation No. 19. July 14, 2017. URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/1_Global/CEDAW_C_GC_35_8267_E.pdf (accessed 14.03.2021).

⁶⁷ UN Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families: General comment No. 2 on the rights of migrant workers in an irregular situation and members of their families. August 28, 2013. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/cmwr/docs/CMW_C_GC_2_ENG.PDF (accessed 15.03.2021).

⁶⁸ UN Economic and Social Council: General comment No. 23 (2016) on the right to just and favourable conditions of work (article 7 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights). April 27, 2016. URL: <https://www.refworld.org/docid/5550a0b14.html> (accessed 15.03.2021).

⁶⁹ UN Economic and Social Council: General comment No. 22 (2016) on the right to sexual and reproductive health (article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights). May 2, 2016. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfSer>

While recognizing all five forms of reparations identified in the Basic Principles and Guidelines, the treaty bodies emphasize the guarantees of non-repetition, i.e., measures to be taken by States to create a legal situation and the inadmissibility of systemic violations. Thus, States must bring their national legislation in strict accordance with international law.

Meanwhile, despite the recommendatory nature of decisions made by treaty bodies, including those on a remedy and reparations, it seems useful for all other human rights mechanisms, including the judiciary, to refer to the practice of treaty bodies, as well as to the developed theoretical database of mechanisms.

6. Conclusion

The protection of human rights is one of the most important areas of current international law, but it is impossible without ensuring every human being with the right to a remedy and reparation in cases when the rights are violated. This concerns not only violations of the human rights, but the crimes committed during the armed conflicts.

The right of victims to a remedy and reparation is one of the most well-established human rights enshrined in universal and regional international treaties as well as at the national level. This cannot be doubted, since without the ability of a person or group of persons to claim remedies for the damage suffered, including restoration of violated rights, the system of human rights protection would not only be ineffective, but would not make sense at all.

The right to reparation, on the one hand, can be viewed as an element of the right to a remedy but, on the other hand, as an independent human right. At the same time, without respecting the right to a remedy, it is not possible to consider issues of reparation. However, while recognizing such a connection between these human rights, it is nevertheless necessary not to equate them.

Based on the said above, we should highlight the following. The Basic Principles and Guidelines are a document that codifies the best practice of States of different legal systems, but it does not create new rules in the field of the right to a remedy and reparation. This document found wide and unanimous support already at the stage of adoption. And subsequently, its high significance, even without mandatory element, was demonstrated by almost all international bodies as they refer to this document when making recommendations or decisions related to ensuring victims of violations of human rights and norms of international humanitarian law with a remedy and reparation.

Therefore, the Basic Principles and Guidelines serve to unify law enforcement practice in relation to the right to a remedy and reparation for harm suffered as well as common understanding of this right by all international actors. Consequently, this document makes a significant contribution to strengthening and enhancing the efficiency of international law in general. In addition, it is especially important to emphasize the focus of this document, aimed primarily not at the position of the State, but at the needs of the victims of violations, which gives them a human-oriented nature.

References

1. Abashidze A., Keburia K., Solntsev A. The Legal Analysis of the Right to Reparation for the Victims of the Human Rights Violations in the European, Inter-American and African Human Rights Protection Systems. – *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol 9. Issue 37. P. 1–10. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i37/102173
2. Bantekas I., Oette L. *International Human Rights Law and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 778 p.
3. Bishnu P. A Comparative Study of World's Truth Commissions – From Madness to Hope. – *World Journal of Social Science Research*. 2017. Vol. 4. No. 3. P. 192–230.
4. Cornejo Chavez L. New remedial responses in the practice of regional human rights courts: Purposes beyond compensation. – *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. Issue 2. P. 372–392. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mox018>
5. Crawford J., Pellet A., Olleson S. *The law of international responsibility*. Oxford commentaries in International Law. Oxford: Oxford University Press. 2010. 1296 p.
6. Crawford J.R. *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 424 p.
7. Gray C. *Judicial remedies in International Law*. Oxford: Clarendon. 1987. 238 p.
8. Kaplow L., Shavell S. Accuracy in the Assessment of Damages. – *Journal of Law and Economics*. 1996. No. 39. P. 191–209.
9. Keburiya K.O. Sub'ekty vozmeshcheniya ushcherba za narushenie prav cheloveka v mezhdunarodnom prave [Subjects of reparation for human rights violations in international law]. – *Zakon i pravo*. 2016. No. 4. P. 125–127 (In Russ.)

vices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmIBEDzFEovLCuW1a0Szab0oXTdlmnsJZZVQfQejF41Tob4CvIjeTiAP6sGFQktiae1vlbbO AekmaOwDOWsUe7N8TLm%2BP3HJPzjHySkUoHMavD%2Fpyfcp3YlZg (accessed 15.03.2021).

10. Rubio-Marin R., Sandoval C. Engendering the Reparations Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: The Promise of the Cotton Field Judgment. – *Human Rights Quarterly*. 2011. No. 33. P. 1062– 1091.
11. Rusinova V.N. *Narusheniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: individual'naya ugolovnaya otvetstvennost' i sudebnoe presledovanie* [Violations of international humanitarian law: individual criminal responsibility and prosecution]. Moscow: Yurlitinform Publ. 2006. 192 p. (In Russ.)
12. Sandoval-Villalba C. The Concepts of «Injured Party» and «Victim» of Gross Human Rights Violations in the Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: A Commentary on their Implications for Reparations. – *Reparations for Victims of Genocide, War Crimes and Crimes against Humanity-Systems in Place and Systems in the Making*. Ed. by C. Ferstman, M. Goetz, A. Stephens. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. P. 243–281.
13. Shelton D. *Remedies in International Human Rights Law*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. 2015. 512 p.
14. Solntsev A.M., Keburiya K.O. Pravo na pravovuyu zashchitu i vozmeshchenie ushcherba v afrikanskoj sisteme zashchity prav cheloveka [The right to a remedy and reparation in the African system of human rights protection]. – *Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale*. 2014. No. 2. P. 16-25 (In Russ.).
15. Tomuschat Ch. Just Satisfaction under Art. 50 of the European Court of Human Rights. – *Protecting Human Rights: The European Perspective. Studies in Memory of Rolf Ryssdal*. Ed. by P. Mahoney. Cologne: Carl Heymanns. 2000. P. 1409–1430.

About the Authors

Alexander M. Solntsev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, Russian Federation, 117198 s

solntsev_am@rudn.university
ORCID: 0000-0002-9804-8912

Kristina O. Keburiya,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

84-6, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571

ch.keburia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5024-296X

Информация об авторах

Александр Михайлович Солнцев,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН)

17198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

solntsev_am@rudn.university
ORCID: 0000-0002-9804-8912

Кристина Отаровна Кебурия,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 84-6

ch.keburia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5024-296X

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-99-121>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 12.04.2021
Принята к публикации: 23.05.2021

Алла Юрьевна ЯСТРЕБОВА

Дипломатическая академия МИД России
Остоженка ул., д. 53/2, стр.1, Москва, 119021, Российская Федерация
allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

Елена Евгеньевна ГУЛЯЕВА

Дипломатическая академия МИД России
Остоженка ул., д. 53/2, стр.1, Москва, 119021, Российская Федерация
gulya-eva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8376-7212

ПРАВО НА ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА УНИВЕРСАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

ВВЕДЕНИЕ. *Право индивида на здоровье представляет собой комплекс естественных и позитивных правовых основ, которые определяют жизнедеятельность человека, его индивидуальное и семейное благополучие, реализацию гарантий здравоохранения государствами – участниками универсальных и региональных международных договоров указанной сферы. Формирование данного права обусловлено биологическими особенностями каждого человека, социально-экономическими условиями, окружающей средой, доступом к медицинским и санитарным услугам, достижениями национальной системы охраны здоровья, принадлежностью к определенным уязвимым категориям людей. Цели, закрепленные в Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. (резолюция 70/1 Генеральной ассамблеи ООН), включают такие существенные компоненты права на здоровье, как повсеместную ликвидацию социальной нищеты и голода; обеспечение продовольственной безопасности и здорового образа жизни; содействие благополучию всех индивидов в любом возрасте; наличие и рациональное использование водных ресур-*

сов и санитарии; защиту и восстановление экосистем суши; повышение потенциала государств по предупреждению и снижению национальных и глобальных рисков для здоровья людей.

Позиция Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) позволяет считать здоровье одним из прав человека, налагающим на государства юридические обязательства обеспечить своевременную, приемлемую и доступную медицинскую помощь надлежащего качества и доступ к соответствующим детерминантам, включающим безопасную питьевую воду, санитарное просвещение, пищевые продукты, жилье, связанную со здоровьем информацию и гендерное равенство. В связи с этим авторами изучено содержание общих и специальных международных договоров на универсальном уровне и показаны международно-правовые особенности закрепления и гарантии права индивида на здоровье. Также уделено значительное внимание его нормативному оформлению в праве Совета Европы и Европейского союза, с учетом решений и постановлений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Нормативно-правовую основу исследования формируют универсальные международные договоры системы ООН, региональные нормативно-правовые акты Совета Европы и ЕС, правовые позиции специализированных учреждений ООН, Международного комитета Красного Креста (МККК) и ЕСПЧ. В качестве теоретической основы используются научные труды отечественных и зарубежных авторов, связанные с изучением права на здоровье. В исследовании применены общенаучные и специальные методы познания: правовой анализ и синтез, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и диалектический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное исследование показывает, что формирование современного международно-правового понятия права на здоровье осуществляется на универсальном и региональном уровнях. Помимо этого, складываются специфические международно-правовые гарантии защиты данного права у таких особых категорий, как женщины и дети, беженцы, апатриды и трудящиеся-мигранты, покровительствуемые лица, раненые и больные в условиях вооруженных конфликтов. В праве Совета Европы и ЕС наблюдается тенденция расширенного толкования права человека на здоровье как ответ на новые вызовы, связанные с вопросами биоэтики, редактирования генома человека, а также последствиями ядерных испытаний и загрязнения окружающей среды.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Изучив содержание и реализацию права на здоровье в универсальной и региональных международно-правовых системах защиты прав и свобод человека, авторы пришли к выводу о включении его в группу личных прав, социальных благ, предоставляемых государством, и

одновременно в коллективное право на развитие, относящееся к населению в целом. Универсальные международно-правовые институты, устанавливающие специальные права уязвимых категорий, будут применяться государствами-участниками в контексте ситуационного реагирования на глобальные потребности семей, женщин и детей, на международную миграцию, вооруженные конфликты, состояние окружающей среды и вопросы биоэтики. Авторы предлагают дополнить европейскую систему защиты прав человека принятием дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г., предусматривающего охрану и защиту права на здоровье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право на здоровье, оказание медицинских и социальных услуг, доступ индивидов к системе здравоохранения, обеспечение населению безопасной окружающей среды, международно-правовые стандарты и гарантии здоровья, естественные и позитивные права человека, международно-правовые обязательства государств, Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколы к ней, Европейский суд по правам человека, здоровье нации, цели устойчивого развития (ЦУР)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ястребова А.Ю., Гуляева Е.Е. 2021. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне. – *Московский журнал международного права*. №2. С. 99–121. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-99-121>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-99-121>

Research article
Received 12 April 2021
Approved 23 May 2021

Alla Yu. Yastrebova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs the Russian Federation

53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021

allayastrebova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3324-9956

Elena E. GULYAEVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021
gulya-eva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8376-7212

RIGHT TO HEALTH IN THE INTERNATIONAL LEGAL SYSTEM OF HUMAN RIGHTS AT THE UNIVERSAL AND REGIONAL LEVELS

INTRODUCTION. *The individual's right to health is a set of natural and positive legal frameworks that govern a person's life activity, individual and family well-being, enforcement of health guarantees by the state-participants of universal and regional treaties of the field under question. The formation of this right stems from biological characteristics of each person, socio-economic conditions, environment, access to health and sanitation services, national health-care system progress, existence of vulnerable groups of population. Goals of the UN Sustainable Development Agenda 2030 (UN General Assembly resolution 70/1) include such essential aspects of the right to health as ending poverty and hunger in all its forms everywhere; promote food security and healthy lifestyle; the well-being of all individuals at any age; ensure availability and sustainable management of water and sanitation for all; protection and restoration of water-related ecosystems; enhancement of the States capacity to prevent and reduce national and global health risks. According to the position of the World Health Organization (WHO) the right to health imposes on the States a legal obligation to ensure timely access to adequate levels of high-quality health care, clean and safe drinking water, sanitation, adequate nutrition, shelter, health-related information and education, gender equality. As a result, the considerable amount of attention is paid to the analysis of the content of general and specific international instruments at the universal level and the international legal specificities of enshrining and maintaining an individual's right to health. The text also places the emphasis on its normative framing in the law of the Council of Europe and the European Union, reflecting the decisions and rulings of the European Court of Human Rights (ECHR).*

MATERIALS AND METHODS. *The legal framework of the study is based on universal international treaties of the UN system, regional regulations of the*

Council of Europe and the EU, legal position of the UN specialized agencies, the International Committee of the Red Cross (ICRC) and the ECHR. The scientific works of domestic and foreign authors related to the study of the right to health are used as a theoretical foundation. The research uses general scientific and special cognitive techniques wherein legal analysis and synthesis, systemic, formal-legal, comparative-legal, historical-legal and dialectical methods are applied.

RESEARCH RESULTS. *The research indicates that the modern international legal concept of the right to health is being developed at the universal and regional level. Furthermore, specific international legal guarantees for the protection of this right are emerging for special groups such as women and children, refugees, stateless persons and migrant workers, protected persons, the wounded and the sick – all persons affected by international armed conflicts. There is a certain trend in Council of Europe and EU law towards an extended interpretation of the human right to health responding to new challenges to the realization that right, concerning bioethics, human genome editing, and the effects of nuclear testing and environmental pollution.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Following a review of the content and implementation of the right to health in the universal and regional international legal systems for the human rights and freedoms protection, the authors suggest its incorporation in a group of personal rights, social benefits provided by the state, and simultaneously in a collective right to development pertaining to the population as a whole. The universal international legal institutions establishing special rights for vulnerable groups will continue to be applied by member states in the context of a situational response to the global needs of families, women and children, international migration, armed conflicts, environmental conditions, and bioethical issues. The authors encourage*

the complement of the European system of human rights protection with an additional protocol to the Council of Europe Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, involving the right to health security.

KEYWORDS: *right to health, medical and social services, access of individuals to the health care system, maintaining a healthy and safe environment for the population, international legal standards and guarantees, natural and positive rights, international obligations of States, Convention for the protection of human*

rights and fundamental freedoms of 1950, European Court of Human Rights, public health, Sustainable Development Goals (SDG)

FOR CITATION: Yastrebova A. Yu., Gulyaeva E.E. Right to Health in the International Legal System of Human Rights at the Universal and Regional Levels. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.2. P. 99–121. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-99-121>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение: понятие и содержание права индивида на здоровье на универсальном уровне

Право индивида на здоровье изначально принадлежит к группе неотъемлемых естественных прав и свобод человека, сопровождающих его жизнедеятельность, и представляет собой значимое достижение межгосударственного сотрудничества в социальной и медицинской сфере. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. устанавливает его сущность общей формулировкой: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который нужен для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь» (ст. 25)¹.

Совместная позиция Верховного комиссара ООН по правам человека и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) состоит в том, что на состояние здоровья человека влияют одновременно многие факторы, прежде всего индивидуальные биологические особенности и социально-экономическое положение, которые не находятся под прямым воздействием государства. Помимо этого, право индивида на здоровье соотносится с правом пользования набором то-

варов, средств, услуг и условиями, предназначенными для их реализации². В западной науке международного права отмечается сложившаяся обязанность государств проявлять заботу о потребностях своего населения в сфере здоровья и выдвигается концепция перехода от обеспечения доступа к достойной и экономичной системе защиты здоровья и медицинским услугам к праву человека на репродуктивное здоровье. Признание права на здоровье продиктовано основами теории общественного интереса и согласием государств-участников на его закрепление [Tobin 2012:225–253].

Западные ученые рассматривают отношения, возникающие в области защиты окружающей среды и экономического прогресса, в контексте прав человека и связывают устойчивое развитие с обеспечением государствами этих взаимодействующих компонентов [Human Rights...2019]. Помимо этого, на примере рецепции европейским правом Конвенции ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция 1998 г.), озвучивается идея принятия таких процедурных инструментов, «которые опосредованно обеспечивали бы фундаментальное право человека на безопасную и здоровую окружающую среду»³. А.М. Солнцев при определении социальных и экономических

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 07.02.2021).

² OHCHR: The Right to Health: Fact Sheet № 31. 2008. P. 5. URL: <https://www.ohchr.org/documents/publications/factsheet31.pdf> (accessed 12.03.2021).

³ ELSA: International focus programme handbook: How to implement Environmental Law in your Local and National Group. 2016. P. 5. URL: https://files.elsa.org/SC/ifp_environmental_law_handbook.pdf (accessed 07.02.2021).

прав человека как комплекса прав, призванного обеспечить индивиду достойный жизненный уровень, указывает, что «право на здоровье также содержит экологическую компоненту» [Солнцев 2016:196]. Указанный автор отмечает расширительное толкование права на здоровье, требующее от государства «обеспечения такого качества окружающей среды, которое было бы благоприятно для физического и умственного благополучия человека» [Солнцев 2016:197]. Таким образом, сегодня можно говорить об индивидуальном и коллективном формате права на здоровье и его тесном взаимодействии с экологическими правами людей.

Влияние гражданского общества на формирование данного права обусловлено значением здоровья как компонента частной жизни человека и контролем за соблюдением индивидуальной конфиденциальности и правовой защиты персональных данных по состоянию здоровья. Право индивида на здоровье рассматривается как интегральный элемент общего права на развитие, установленного Декларацией тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 г.⁴ (принята резолюцией Генеральной ассамблеи 55/2). Ст. 24 Декларации призывает предпринять совместные усилия «для обеспечения уважения всех международно-признанных прав человека и основных свобод, включая право на развитие». Цели, закрепленные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Резолюция 70/1, принятая Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г.)⁵, были сформулированы с учетом права на здоровье. Среди них выделяются цели 1–3, 6 и 15: повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах и голода; обеспечение продовольственной безопасности и здорового образа жизни; содействие благополучию всех индивидов в любом возрасте; наличие и рациональное использование водных ресурсов и санитарии; защита и восстановление экосистем суши. Особое значение уделено укреплению национальных систем здравоохранения для повышения потенциала государств в области раннего предупреждения и снижения национальных и глобальных рисков для здоровья людей (п. 3 d).

В качестве средств достижения цели 3 нужно выделить осуществление Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака 2003 г.; поддержку исследований, разработку и всеобщий доступ к недорогим вакцинам и лекарствам; увеличение финансирования здравоохранения и укрепление медицинских кадров в развивающихся странах; совершенствование системы раннего предупреждения глобальных угроз здоровью.

А.А. Белоусова указывает на проявленную мировым сообществом заботу о здоровье людей, выраженную еще в ст. 23 Статута Лиги Наций 1919 г. как требование обеспечить гуманные условия труда и принимать меры для предотвращения болезней и борьбы с ними [Белоусова 2013:272]. Она считает, что «целью включения прав человека на здоровье в свод норм международного права было радикальное изменение статуса человека и гражданина в системе принятия решений государством в сторону повышения и укрепления статуса индивида» [Белоусова 2013:275].

Мы поддерживаем автора в том, что охранительная функция государства в сфере здоровья индивидов, находящихся под его юрисдикцией, укрепляется посредством принятия международно-правовых обязательств в сфере естественных и социально-экономических прав индивидов. Так, ст. 35 Хартии ЕС об основных правах, которая является частью Лиссабонского договора 2007 г.⁶, определяет охрану здоровья как право индивида обращаться к профилактическим мерам в сфере здравоохранения и пользоваться медицинским обслуживанием на условиях, предусмотренных законодательством государств – членом ЕС. Право на здоровье также может толковаться как реализация комплекса социальных, экономических и медицинских стандартов благополучия человеческой личности с учетом исполнения вышеуказанных обязательств государствами-участниками. Позиция Международного комитета Красного Креста (МККК) состоит в том, что эти обязательства могут быть расширены нормативными актами «мягкого права», которые имеют целью предложить руководящие основы и

⁴ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

⁵ UN General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 “Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development”. URL: <https://undocs.org/A/RES/70/1> (дата обращения: 07.02.2021).

⁶ European Union: Charter of Fundamental Rights of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (accessed 07.02.2021).

«установить детализированные стандарты прав человека»⁷.

В то же время в позитивной теории прав человека право на здравоохранение закрепляется посредством гарантированного государством доступа индивидов к системе медицинского обслуживания, санитарно-гигиеническим стандартам, экологической и пищевой безопасности, должным условиям труда и бытовой обеспеченности, информации по вопросам профилактики здоровья. И.А. Колоцей при изучении понятия здоровья как социального блага и конституционной ценности учитывает такие его свойства, как универсальность и фундаментальность, высокую оценку конкретными людьми, обществом и государством, гарантии проведения государством и обществом мер по укреплению и сохранению здоровья граждан. Автор отмечает, что конституционное право на охрану здоровья формулируется как субъективное право и медицинская помощь рассматривается в качестве гарантии такой охраны⁸.

2. Международно-правовые основы права индивида на здоровье

Позиция ВОЗ состоит в том, что здоровье выступает в качестве одного из прав человека, «налагающего на государства юридическое обязательство обеспечить доступ к своевременной, приемлемой и доступной по стоимости медицинской помощи надлежащего качества, а также соответствующие детерминанты здоровья, такие как безопасная питьевая вода, санитария, пищевые продукты, жилье, связанная со здоровьем информация и санитарное просвещение и гендерное равенство»⁹. Примером формы международно-правового контроля за соблюдением

права на здоровье ВОЗ считает представление государствами универсальных периодических обзоров (УПО) Совету ООН по правам человека и деятельность Международного комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

Устав (Конституция) ВОЗ 1946 г.¹⁰ (действующий с поправками 1960 г., Резолюция WHA 12.43) закрепляет в преамбуле понятие здоровья как состояния полного физического, душевного и социального благополучия, обладание которым представляет собой одно из основных прав человека. Целью ВОЗ выступает достижение всеми народами возможно высшего уровня здоровья (ст. 1 Устава). Согласно ст. 21 Устава Всемирная ассамблея здравоохранения, которая формируется из делегатов государств-членов, наделена полномочиями установления санитарных и карантинных требований, номенклатуры заболеваний, стандартов диагностики и безвредности биологических и фармакологических продуктов, их рекламы и ярлыков в международной торговле.

В 2020 г. началось формирование т. н. «ковидного» права [Гуляева, Трикоз 2020] на национально-правовом уровне. ВОЗ и Международный комитет по таксономии вирусов включили коронавирусную инфекцию (COVID-19) в Международную классификацию болезней¹¹. Тем самым ВОЗ получила право объявлять меры по обеспечению готовности и призывать государства к реагированию на это заболевание. 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила первую в истории человечества вызванную коронавирусом пандемию¹², при которой мировое сообщество не в состоянии избежать негативного влияния пандемии на глобальную экономику и торговлю¹³. Многие из государств – участников ВОЗ приняли дей-

⁷ International rules and standards for policing: reference. Geneva: ICRC. 2015. P. 13.

⁸ Колоцей И.А. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб. 2010. С. 10.

⁹ Всемирная организация здравоохранения: Права человека и здоровье. Основные факты. 29.12.2017. Доступ: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/human-rights-and-health> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁰ Всемирная организация здравоохранения: Основные документы. 48-е изд. 2014. Доступ: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9> (дата обращения: 07.02.2021).

¹¹ World Health Organization: Naming the coronavirus disease (COVID-19) and the virus that causes it. URL: [https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-\(covid-2019\)-and-the-virus-that-causes-it](https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-(covid-2019)-and-the-virus-that-causes-it) (дата обращения: 07.02.2021).

¹² Пандемия – это распространение нового заболевания в мировых масштабах. См.: Всемирная организация здравоохранения: Что такое пандемия? 24.02.2020. Доступ: https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru/ (дата обращения: 07.02.2021).

¹³ Всемирная организация здравоохранения: Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. Доступ: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (accessed 07.02.2021).

ствительно беспрецедентные меры по борьбе с коронавирусом [Denisenko, Trikoz 2020], провели карантинные мероприятия и установили определенные ограничения прав граждан согласно требованиям общественной безопасности¹⁴.

Доклад ООН о целях устойчивого развития 2020 г. включает такие факторы влияния пандемии коронавируса на выполнение вышеуказанной цели 3¹⁵, как уменьшение прогресса по снижению материнской и детской смертности; повышение числа женщин с нежелательной беременностью из-за ограничения доступа к медицинским услугам и пропуска медицинских осмотров; нарушение деятельности по требуемой иммунизации детей; перебои в оказании медико-санитарных услуг в отношении других заболеваний (ВИЧ, малярия, туберкулез, тропические болезни), которым не уделяется должное внимание; недостаточность медицинского персонала и оплата расходов на здравоохранение самими пациентами. Основной вывод состоит в том, что мировому сообществу будет сложно исполнить свое обязательство обеспечить населению всеобщий охват услугами здравоохранения к 2030 г. при стабилизации нынешних тенденций¹⁶. Цель деятельности ООН и государств-членов в современных условиях – обеспечение доступа к безопасным, эффективным и доступным по цене основным лекарствам, вакцинам, средствам индивидуальной защиты и медицинскому оборудованию, которые требуются для борьбы с коронавирусной инфекцией¹⁷.

Нужно указать, что в содержании универсальных международных договоров, включающих право человека на здоровье, присутствует общий принцип недискриминации. Это по большей части относится к защите уязвимых катего-

рий, таких как дети и женщины с их особыми потребностями; мигранты, беженцы и апатриды, обладающие специальным правовым статусом на территории государства приема; пожилые люди и инвалиды, нуждающиеся в полноценном пользовании общественными и медицинскими достижениями как равные члены социума; раненые и больные лица в условиях вооруженных конфликтов, находящиеся под особым покровительством. Дискриминация означает здесь любое неблагоприятное различие, ограничение или исключение, имеющее целью затруднить или уничтожить возможность уважать, признавать или соблюдать на равных началах основные права и свободы индивида.

Право на наивысший достижимый уровень физического или психического здоровья, установленное Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.¹⁸ (ч. 1 ст. 12), обусловлено наличием доступа к результатам научного прогресса в сфере здравоохранения и высококачественным социальным и медицинским услугам. Мерами, принимаемыми государствами – участниками Пакта для его реализации, выступают: обеспечение сокращения детской смертности, здоровое развитие детей, улучшение всех аспектов гигиены, предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и иных заболеваний и борьба с ними, создание условий, обеспечивающих медицинскую помощь и медицинский уход. Замечание общего порядка 14, принятое Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам на очередной сессии в 2000 г.¹⁹, уточняет основные элементы, которые определяют право человека на здоровье:

¹⁴ Всемирная организация здравоохранения: Смягчение последствий COVID-19 для торговли и рынков продовольствия. Совместное заявление Цюй Дунъюя, Тедроса Адханом Гебрейесуса и Роберту Азеведу, генеральных директоров ФАО, ВОЗ и ВТО. 30.03.2020. Доступ: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-03-2020-joint-statement-by-qu-dongyu-tedros-adhanom-ghebreyesus-and-roberto-azevedo-directors-general-of-the-food-and-agriculture-organization-of-the-united-nations-\(fao\)-the-world-health-organization-\(who\)-and-the-world-trade-organization-\(wto\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-03-2020-joint-statement-by-qu-dongyu-tedros-adhanom-ghebreyesus-and-roberto-azevedo-directors-general-of-the-food-and-agriculture-organization-of-the-united-nations-(fao)-the-world-health-organization-(who)-and-the-world-trade-organization-(wto)) (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁵ Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.

¹⁶ United Nations: The Sustainable Development Goals Report, 2020. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/> (accessed 07.02.2021).

¹⁷ ООН: Международное сотрудничество в целях обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию для противодействия COVID-19. 20.04. 2020. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/74/L.56> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁸ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. Доступ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁹ Экономический и социальный совет ООН: Замечание общего порядка №14 (2000) «Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах». 11.08.2000. Доступ: <https://undocs.org/ru/E/C.12/2000/4> (дата обращения: 07.02.2021).

- достаточное количество функционирующих учреждений, товаров, услуг и программ в сфере здравоохранения и их доступность;
- приемлемость, понимаемая как соответствие принципам медицинской этики и культурным критериям;
- качество, определяемое наличием квалифицированного медицинского персонала, научно проверенных и пригодных медикаментов и медицинского оборудования, безопасной питьевой воды и адекватных санитарных услуг.

Комиссией ООН по правам человека в 2002 г. был учрежден мандат Специального докладчика по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, действие которого возобновлено Советом ООН по правам человека в 2019 г.²⁰ Задачами такого мандата выступают: сбор, запросы, получение и обмен информацией по осуществлению права на здоровье; координация сотрудничества с заинтересованными сторонами в этой области; подготовка докладов об осуществлении права на здоровье и рекомендаций по его поощрению и защите; решение конкретных вопросов, связанных с предполагаемыми нарушениями указанного права. Специальным докладчиком уделяется особое внимание реализации права на здоровье уязвимыми категориями населения.

В докладе, представленном в июле 2020 г. на 75-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, отмечено, что глобальное распространение коронавирусной инфекции и воздействие мер по ее сдерживанию «наглядно иллюстрируют взаимозависимость, взаимосвязанность и неделимость прав человека» (п. 5). Докладчик отдельно рассматривает особые потребности коренных народов, пожилых людей, детей, находящихся в психиатрических клиниках и учреждениях системы социальной опеки, беженцев и мигрантов в контексте обеспечения их права на здоровье без дискриминации и с учетом таких потребностей и рисков, которым они подвержены. Среди выводов доклада содержится положение, где все-

общий доступ к медицинским услугам определяется в качестве выражения права на здоровье, поддерживаемого управляемыми и доступными системами здравоохранения на национальном уровне (п. 51)²¹.

3. Международно-правовые принципы защиты права на здоровье в условиях вооруженных конфликтов

Стоит отдельно остановиться на международно-правовых особенностях защиты раненых и больных лиц в условиях вооруженных конфликтов, которые закреплены международным гуманитарным правом (МГП). Как известно, Женевское право, представляющее собой отдельную подотрасль МГП, имеет целью обеспечение международно-правовой защиты жертв войны, к которым относятся в том числе указанные лица. Ст. 12 Женевской конвенции I об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г.²² устанавливает, что личный состав вооруженных сил и иные категории комбатантов, в случае их ранения или болезни должны «пользоваться покровительством и защитой при любых обстоятельствах». Стороны, находящиеся в конфликте, во власти которых находятся раненые и больные, гарантируют им гуманное обращение и уход без какой бы то ни было дискриминации. Запрещены любые посягательства на жизнь и личность, добывание или уничтожение этих лиц, использование по отношению к ним пыток, проведение биологических опытов, преднамеренное оставление без медицинской помощи и ухода и преднамеренное создание условий для их заражения.

Основные функции оказания помощи и ухода за ранеными и больными в условиях вооруженных конфликтов возложены на медицинский и санитарный персонал воюющих сторон, который может быть представлен как военно-медицинской службой, так и гражданскими специалистами, назначаемыми этими сторонами [Мишкуро 2017:111–115]. Международно-правовой статус

²⁰ Мандат Специального докладчика учрежден Резолюцией № 2002/31 Комиссии ООН по правам человека, поддержан и продлен Резолюцией № 6/29 Совета ООН по правам человека 2007 г. Действие мандата возобновлено Резолюцией № 42/16 Совета ООН по правам человека 2019 г.

²¹ Генеральная ассамблея ООН: Записка Генерального секретаря «Право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». 20.07.2020. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/75/163> (дата обращения: 07.02.2021).

²² Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm> (дата обращения: 07.02.2021).

медицинского персонала связан в МГП с теми защитными функциями, которые он осуществляет применительно к раненым и больным. Так, его представители не могут быть признаны военнопленными; они обладают правом ношения и использования защитной и отличительной эмблемы, беспрепятственного доступа к местам, где находятся раненые и больные, получения содействия от военных властей при выполнении медицинских функций; должны соблюдать принципы нейтральности и беспристрастности в своей деятельности.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 г. (Протокол I)²³ в ст. 8 расширяет значение терминов «раненые» и «больные» и включает в эту категорию «как военнослужащих, так и гражданских, которые вследствие травмы, болезни или другого физического или психического расстройства или инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе и которые воздерживаются от любых враждебных действий». К их числу могут относиться беременные женщины и роженицы, новорожденные дети, инвалиды, пожилые люди, интернированные лица. Помимо того, что они пользуются общей защитой, уважением, принципом недискриминации, гуманным обращением, правом на незамедлительную медицинскую помощь и уход согласно ст. 10 Протокола I, медицинский персонал воюющих сторон обязан воздерживаться от процедур, которые не требуются по состоянию их здоровья, от нанесения физических увечий, проведения научных экспериментов, удаления тканей или органов для пересадки, от преднамеренных упущений в лечении и должен вести записи всех медицинских процедур, открытых для проверки державам-покровительницам (ст. 11). Также ст. 12 Протокола I обеспечивает защиту медицинских формирований от военных нападений.

По нашему мнению, в Женевском праве преобладает тенденция рассматривать право индивида на здоровье как неотъемлемую часть права на жизнь, особенно значимого для покровительствуемых лиц в условиях военной ситуации. Экстренное оказание медицинской помощи раненым

и больным является международно-правовым требованием к воюющим сторонам, чтобы сохранить военнослужащим и гражданским лицам право на жизнь, с тем чтобы обеспечить уважение человеческого достоинства и физическую неприкосновенность. В.А. Карташкин замечает, что «одновременное применение МППЧ и МГП позволяет максимально полно защищать основные права и свободы человека», и указывает на перспективу их позитивного взаимодействия и постепенной интеграции [Карташкин 2012:116].

Специальный статус и закрепленные обязанности медицинского персонала в военных обстоятельствах связаны с особенностями реализации права раненых и больных на здравоохранение с учетом гарантий, требуемых от государств – участников Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и протоколов к ним.

4. Особые гарантии защиты прав женщин и детей на здоровье

Специфика защиты прав детей и женщин на здоровье требует отдельного международно-правового анализа и детального изучения. Ст. 24 Конвенции о правах ребенка 1989 г.²⁴ закрепляет в качестве приоритетного признание права ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения. Оно реализуется посредством первичной медико-социальной помощи, борьбы с болезнями и недоеданием, улучшения окружающей среды, охраны здоровья матерей в дородовый и послеродовый период, информированности общества и профилактики. Помимо этого С.Е. Смирных выделяет субъективные права детей, защита которых осуществляется через признание: право детей, находящихся на попечении с целью ухода за ними, их защиты, физического или психического лечения, право «на периодическую оценку предоставляемого им лечения» [Смирных 2019:82].

Представляется, что в содержание Конвенции о правах ребенка 1989 г. заложена такая международно-правовая концепция, согласно которой дети являются полноправными индивидами и обладают наравне со взрослыми людьми права-

²³ Дополнительный Протокол Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

²⁴ Конвенция о правах ребенка от 20 октября 1989 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

ми и свободами. Ограниченная дееспособность детей по возрасту должна быть компенсирована обязанностями по защите их прав, возлагаемыми на родителей, опекунов или попечителей, гражданское общество и профильные государственные учреждения. Специальным принципом защиты прав и свобод детей, закрепленных Конвенцией, является наилучшее обеспечение интересов ребенка (ч. 1 ст. 3). Этот же принцип применяется в сфере здравоохранения и оказания медицинских услуг, которые предназначены для обеспечения особых потребностей детей.

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.²⁵ также предполагает наличие особых потребностей указанной категории. Здесь международно-правовая регламентация прав женщин выражается прежде всего в установлении особых форм защиты женщин как носителей материнских и семейных функций. Конвенция устанавливает право женщин на здоровье, которое включает:

- право на охрану здоровья и безопасные условия труда, учитывающие в том числе сохранность функции продолжения рода (п. «f» ч. 1 ст. 11);
- защиту здоровья в период беременности на вредных видах работ (п. «d» ч. 2 ст. 11);
- запрет дискриминации и равный доступ мужчин и женщин к медицинскому обслуживанию и планированию семьи (ч. 1 ст. 12);
- предоставление женщинам обслуживания и бесплатных услуг в период родов, беременности и кормления детей (ч. 2 ст. 12);
- организацию доступа к системе здравоохранения в сельской местности (п. «b» ч. 2 ст. 14).

Специальным международно-правовым принципом указанной Конвенции выступает модификация социальной и этической модели поведения мужчин и женщин с тем, чтобы искоренить предрассудки и упразднить обычаи, основанные «на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин» (п. «a» ст. 5). Предусмотрен также доступ женщин к информации по вопросам образования для «содействия обеспечению здоровья и благосостояния семей, включая

информацию и консультации о планировании размера семьи» (п. «h» ст. 10).

Основная задача Конвенции 1979 г. – поддержание прав и свобод женщин, которые могут игнорироваться или ущемляться в семье и обществе из-за дифференциации по гендерному признаку. Право женщин на здоровье рассматривается в том числе в контексте частной жизни и семейного уклада. Большое значение придается обеспечению доступа к информации, оказанию социальных и медицинских услуг, консультированию. Такое понимание специального комплекса прав женщин делает возможным применение принципа равенства в международном праве прав человека с учетом гендерной сферы.

5. Международно-правовые приоритеты регламентации права мигрантов на здоровье

Вышеуказанная Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. определяет мигрантов, беженцев и внутренне перемещенных лиц в качестве представителей уязвимых категорий населения, чьи права и возможности должны быть расширены, так как здоровье и благополучие таких людей влияет на достижение целей устойчивого развития, касающихся преодоления бедности, безопасности в отношении здоровья и сокращения неравенств. (п. 23). Европейское региональное бюро ВОЗ предлагает к поступательной реализации ряд совместных мер государств-участников, таких как «международное трансграничное сотрудничество, сокращение системных барьеров на пути доступа к медицинской помощи при поддержке культурных посредников, специальное обучение медицинских работников по вопросам, связанным с миграцией, а также оказание стандартизированных услуг медицинской помощи с учетом культурных особенностей и потребностей мигрантов», которые должны осуществляться «при полном соблюдении принципа недискриминации и, в целом, в соответствии с подходом, направленным на защиту прав человека»²⁶.

Представляется, что значимыми направлениями межгосударственного сотрудничества в данной области являются защита трудовых прав,

²⁵ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

²⁶ Всемирная организация здравоохранения (Европейское бюро): Миграция и здоровье. Доступ: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/364936/migration-health-rus.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

обеспечение надежных и безопасных условий занятости для трудящихся-мигрантов и наличие у всех мигрантов действительных и законных удостоверений личности, дающих возможность беспрепятственно получать медицинские и санитарные услуги. Позиция Международной организации труда (МОТ) связана с целями принятия конвенций МОТ и выражается в гарантии свободы труда, безопасности и достоинства трудящихся лиц. Прежде всего, международные стандарты труда в ряде основополагающих конвенций МОТ ориентированы на запреты принудительного и детского труда, дискриминации и включают права работников на вступление в ассоциации и ведение коллективных переговоров²⁷.

По нашему мнению обеспечение различных видов мигрантов медицинской помощью и подключение к системе национального здравоохранения должны быть обеспечены при наличии правового статуса беженца, лица, ищущего убежище, или трудящегося-мигранта. Так, ст. 23 и 24 универсальной Конвенции о статусе беженцев 1951 г.²⁸ позволяют применить к лицам, обладающим указанным статусом, такие же гарантии правительственной помощи и социального обеспечения (с определенными законодательными ограничениями) по профессиональным заболеваниям, материнству, болезни, инвалидности, старости, обязанностям в отношении семьи, что и к собственным гражданам принимающего государства. Эти же гарантии заложены в содержание Конвенции о статусе апатридов 1954 г.²⁹ (ст. 23 и 24).

Ст. 28 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.³⁰ предусматривает право «на получение любой медицинской помощи, которая является крайне необходимой для сохранения их жизни или избежания непоправимого ущерба их здоровью на основе равенства с гражданами

соответствующего государства». Очевидно, что данные положения касаются срочной медицинской помощи. В п. «е» ч. 1 ст. 43 и п. «с» ч. 1 ст. 45 Конвенции 1990 г. закреплён национальный режим пользования доступом к социальному и медицинскому обслуживанию трудящимися-мигрантами и членами их семей при условии соблюдения требований, предъявляемых участникам соответствующих программ. Более того, ст. 70 Конвенции позволяет распространять использование национального режима на указанную группу лиц «для обеспечения того, чтобы условия труда и жизни трудящихся-мигрантов и членов их семей, имеющих постоянный статус, соответствовали нормам пригодности, техники безопасности, охраны здоровья и принципам человеческого достоинства».

Нужно отметить, что международно-правовой статус беженцев и трудящихся-мигрантов имеет различное назначение: предполагается постоянное пребывание и возможная натурализация первых в принимающем государстве, во время как вторые пользуются там временным нахождением, консульской защитой и реализацией профессиональных прав и гарантий. Тем не менее, государства – участники вышеприведенных международных договоров сочли возможным применить к обеим категориям национальный режим предоставления медицинской помощи.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции³¹ стал по существу рамочным и рекомендательным международно-правовым актом, регулирующим сотрудничество государств в указанной сфере (п. 7). Цели, на достижение которых он направлен, позволяют связать право мигрантов на здоровье с охватом базовыми услугами (цель 15). Его осуществление предполагает учет потребностей мигрантов в медицинской помощи в национальных и местных планах и политике в области здравоохранения посредством:

²⁷ International Labour Organization: Report "Safety and health at the heart of the future of work: Building on 100 years of experience". 2019. P. 10. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_686645.pdf (accessed 07.02.2021).

²⁸ Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

²⁹ Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

³⁰ Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

³¹ Генеральная Ассамблея ООН: Проект итогового документа Межправительственной конференции для принятия Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Приложение: Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Доступ: <http://undocs.org/ru/A/CONF.231/3> (дата обращения: 07.02.2021).

1) укрепления потенциала в области предоставления услуг;

2) содействия недорогостоящему и недискриминационному доступу;

3) преодоления коммуникационных барьеров и проведения подготовки медицинских работников для предоставления услуг с учетом культурных особенностей для поддержания в достойном состоянии физического и психического здоровья мигрантов и общин в целом.

Очевидно, что в содержании Глобального договора используется обобщенное понятие мигрантов, потребности которых обеспечиваются указанными мероприятиями. Современная концепция охвата услугами таких лиц построена на описании цели 15 и состоит из комплекса прав человека, организации безопасного доступа к базовому обслуживанию и обязанности улучшения его систем с тем, «чтобы различия в обращении были правомерными и соразмерными» и имели законную цель, «как того требуют нормы международного права прав человека».

6. Право на здоровье в системе прав и свобод человека, содержащихся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколах к ней

Следует отметить, что в 2020 г. было отмечено 70-летие Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция, ЕКПЧ)³², в 2019 г. праздновалось 20-летие ратификации Конвенции Россией. Пройдено сложное десятилетие реформ, начатых в 2010 г. в рамках Интерлакенского процесса, в ходе которого удалось частично решить ряд проблем, направленных на освобождение Европейского суда по

правам человека от гигантского бремени копившихся и годами не рассматривавшихся жалоб. Близится вступление в силу Протокола №15 к ЕКПЧ – инструмента Интерлакена, закрепившего принцип субсидиарности ЕСПЧ и доктрину свободы усмотрения государств³³ при выполнении Конвенции. Это означает, что, хотя решения ЕСПЧ являются обязательными для исполнения, он играет так называемую «субсидиарную» (дополнительную) роль.

Государства осуществляют ограничение прав и свобод только в соответствии с нормами внутригосударственного права, а вот содержание таких норм и есть свобода усмотрения (хотя при этом, несомненно, должны учитываться международные обязательства государства). Так, Конвенция допускает заключение под стражу лиц в связи с угрозой распространения инфекционных заболеваний. Однако это не обязанность, а право государства в рамках свободы его усмотрения. Государство вправе закрепить такое основание во внутригосударственном праве, установить условия его применения и т. д.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. прямо не гарантирует право на защиту здоровья или право быть здоровым. Более того, следует подчеркнуть, что вопросы здоровья, жилищных условий, социальных льгот и других социально-экономических прав уместнее рассматривать в таких международных договорах Совета Европы, как Европейская социальная хартия (пересмотрена в 1996 г.)³⁴ или Европейский Кодекс социального обеспечения 1968 г.³⁵ со ссылкой на положения о социально-экономических правах, закрепленных в Международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.³⁶

³² Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней. –Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

³³ В правовых позициях ЕСПЧ детально рассмотрен принцип свободы усмотрения государств (margin of appreciation). В российской правовой концепции указанный принцип именуется по-разному: «свобода усмотрения», «пределы усмотрения», «рамки усмотрения». Вместе с тем именно перевод его как «свобода усмотрения», на наш взгляд, является наиболее приемлемым, поскольку суть принципа состоит именно в оставлении за государством соответствующей свободы. Термин «margin» только подчеркивает, что такая свобода не является безграничной, установить ее пределы, однако, призваны другие правовые конструкции, разработанные в практике ЕСПЧ, такие как принципы законности, обоснованности, соразмерности. Таким образом, применительно к системе защиты прав человека, созданной Конвенцией, термин «свобода усмотрения» можно считать правовым, поскольку он нашел закрепление в правовых позициях ЕСПЧ, носящих правовой характер.

³⁴ Ст. 11 Европейской социальной Хартии 1996 г. гарантирует право на защиту здоровья.

³⁵ Ст. 7–12 Европейского Кодекса социального обеспечения 1968 г. предусматривают право на медицинское обслуживание.

³⁶ Как было указано выше, ст. 12 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. признает право каждого человека на наивысший уровень физического и психического здоровья.

Несмотря на традиционный универсальный подход, следует определить значение права на охрану здоровья в свете развития практики Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). В тематическом докладе ЕСПЧ по вопросам здоровья выделяются следующие категории дел: медицинская небрежность и вопросы биоэтики (например, оплодотворение с медицинской помощью, суррогатное материнство, аборт, пренатальное тестирование, информированное согласие, эвтаназия, охрана здоровья задержанных лиц и их доступ к медицинской помощи в стране пребывания, условия труда, качественная окружающая среда)³⁷.

7. Некоторые аспекты современной биоэтики: право индивида на достоверную информацию в парадигме ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и особенности нормативно-правовых актов ЕС

Защита персональных данных, включая медицинскую информацию, является базовым аспектом права на уважение частной жизни согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Медицинские данные считаются конфиденциальными в соответствии с Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных³⁸ и Конвенцией Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера 1981 г. (ст. 6)³⁹, и как таковые подлежат более строгим правилам обработки. Европейский суд по правам человека также признал, что защита персональных данных, в том числе медицинской информации, имеет основополагающее значение для реализации права на уважение частной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции. Соблюдение конфиденциальности данных о состоянии здоровья

является жизненно важным принципом в правовых системах всех договаривающихся сторон Конвенции. Более того, раскрытие таких данных может серьезно повлиять на личную и семейную жизнь человека, а также на его социальное положение в обществе, занятость, подвергая риску осуждения.

В целом соблюдение конфиденциальности данных о состоянии здоровья имеет решающее значение не только для защиты неприкосновенности частной жизни пациента, но и для поддержания его доверия к профессии врача и к услугам здравоохранения. Без такой защиты лица, которые нуждаются в медицинской помощи, возможно, не станут обращаться за надлежащим лечением, подвергая свое здоровье опасности.

За последнее десятилетие наблюдается стремительное развитие биоэтики на международном и региональном уровне, в практике ЕСПЧ появляется соответствующая категория дел. ЕСПЧ периодически напоминает о том, что в соответствии со ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека 1950 г. государства – члены Совета Европы обязаны защищать право каждого человека на жизнь и что достоинство человеческой личности должно быть защищено от возможного неправомерного использования достижений научного прогресса [Trikoz, Gulyaeva, Belyaev 2020].

Одной из наиболее животрепещущих проблем XXI века стала проблема генных модификаций человека [Монтгомери 2018:42–56]. Изменения в зародышевых клетках (репродуктивные клетки, включая человеческие эмбрионы, яйцеклетки, сперматозоиды и их клетки-предшественники) будут унаследованы потомками пациента. Это означает вмешательство в жизнь будущих поколений, которые не могут дать свое согласие на такое вторжение в их геном [Krekora-Zajac 2020:30; Трикоз, Мустафина-Бредихина, Гуляева 2021:72], которое также посягает на сам принцип биологического разнообразия поко-

³⁷ См.: European Court of Human Rights: Thematic report "Health-related issues in the case-law of the European Court of Human Rights". 2015. P. 3. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_health.pdf (accessed 07.02.2021).

³⁸ European Union: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed 07.02.2021).

³⁹ Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. Доступ: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/108.htm> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴⁰ World Health Organization: Human Genome editing. URL: <https://www.who.int/ethics/topics/human-genome-editing/en/> (accessed 07.02.2021).

лений людей [Rogers, De Bousingen 1995:93; Ishii 2017:46–56]. Так, Е.В. Тарасьянц подробно изучает международно-правовые основы защиты и поощрения прав человека в области биомедицинских исследований, в том числе с позиций их обеспечения и значения в системе поколений прав человека [Тарасьянц 2011].

Как известно, в декабре 2018 г. ВОЗ учредила глобальную междисциплинарную группу экспертов для изучения научных, этических, социальных и правовых проблем, связанных с редактированием соматического и репродуктивного генома человека⁴⁰. Группа занимается систематизацией научной литературы о состоянии исследований и их применении, об отношении общества к различным видам использования геномной технологии. Экспертная группа готовит для ВОЗ рекомендации о соответствующих инструментах (или средствах) надзора и управления как на национальном, так и на универсальном уровне с целью понять, как гарантировать прозрачность и надежность экспериментов, обеспечить взвешенную оценку соотношения рисков / выгод до принятия любого решения о внедрении генномодифицирующих технологий [Лапаева 2020: 53–61].

Европейским Союзом принят ряд актов вторичного законодательства в сфере редактирования генома⁴¹. Так, в Регламенте № 536/2014 Европейского парламента и Совета от 16 апреля 2014 г. о клинических испытаниях лекарственных средств для использования человеком установлен прямой запрет на проведение клинических испытаний с применением геномной терапии, если это приводит к изменениям в генетической идентичности зародышевой линии субъекта (ст. 90)⁴².

8. Правовые позиции ЕСПЧ в части обязательств по защите права на здоровье, которые возложены на государства – членов Совета Европы

В тематическом докладе Европейского суда по правам человека 2015 г.⁴³, посвященного вопросам охраны здоровья человека, отмечено, что обязательства государств по Конвенции могут быть как негативными, так и позитивными. В соответствии с негативным обязательством Договаривающееся государство обязано не вмешиваться в здоровье физического лица, если для этого нет оснований, предусмотренных в Конвенции. Кроме того, от государства – члена Совета Европы может потребоваться принятие мер по охране здоровья человека в соответствии с позитивными обязательствами. Следует учитывать, что объем любого такого позитивного обязательства, в том числе и по вопросам, связанным с охраной здоровья, определяется обстоятельствами конкретного дела. Среди огромного массива прецедентной практики ЕСПЧ можно встретить дела, связанные с правом на здоровье человека, в которых чаще всего нарушаются следующие положения статей Конвенции: право на жизнь (ст. 2), запрещение пыток (ст. 3), право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8) и запрещение дискриминации (ст. 14).

Таким образом, в соответствии со ст. 2 Конвенции, государственные органы обязаны воздерживаться от действий или бездействий, представляющих угрозу для жизни или подвергать серьезному риску здоровье людей⁴⁴. Суд при толковании положений Конвенции приходит к выводу, что без соответствующих правовых оснований государство не должно применять

⁴¹ См.: European Union: Directive 2004/23/EC on setting standards of quality and safety for the donation, procurement, testing, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:324:0121:0137:en:PDF> (accessed 07.02.2021); European Union: Regulation (EC) No 1394/2007 of the European Parliament and of the Council of 13 November 2007 on advanced therapy medicinal products and amending Directive 2001/83/EC and Regulation (EC) No 726/2004. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32007R1394&from=EN> (accessed 07.02.2021); European Union Directive 2001/20/EC on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States relating to the implementation of Good Clinical Practice in the conduct of clinical trials on medicinal products for human use. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0020> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴² См.: European Union: Regulation (EU) No. 536/2014 on clinical trials on medicinal products for human use, and repealing Directive 2001/20/EC. URL: https://ec.europa.eu/health/human-use/clinical-trials/regulation_en (accessed 07.02.2021).

⁴³ European Court of Human Rights: Thematic report “Health-related issues in the case-law of the European Court of Human Rights”. 2015. P.5. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_health.pdf (accessed 07.02.2021).

⁴⁴ См.: European Court of Human Rights: Case of İlhan v. Turkey. Application No. 22277/93. Judgment. June 27, 2000. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-58734> (accessed 07.02.2021).

лишение жизни или силу, которая причиняет серьезные увечья здоровью человека. В соответствии с указанной нормой государства-члены несут позитивные обязательства по защите здоровья человека при определенных обстоятельствах. Более того, может возникнуть проблема в связи с нарушением ст. 2 Конвенции, когда власти Договаривающегося государства подвергают риску жизнь человека, отказав ему в обязательной медицинской помощи⁴⁵. Согласно ст. 3 Конвенции государственные служащие обязаны воздерживаться от действий, которые наносят вред физическому здоровью человека (например, избиение или другие формы насилия)⁴⁶ или могут причинить ему моральный или психологический вред (например, умышленное причинение страданий, мучений или других форм психологического страдания)⁴⁷. От государства может потребоваться принятие позитивных мер для защиты физического и психического здоровья лиц, например, заключенных, за которых государство несет особую ответственность.

Право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное ст. 8 Конвенции, занимает особое место в прецедентной практике Суда в свете защиты права на здоровье. Суд, толкуя содержание понятия «частная жизнь», приходит к

мнению, что положения статьи охватывают право на защиту физической, моральной и психологической неприкосновенности личности, а также право лица выбирать или пользоваться своей личной свободой выбора, например, отказываться от лечения или требовать конкретную форму лечения⁴⁸. В соответствии со ст. 8 Конвенции добровольное информированное согласие на медицинское лечение является характерной чертой прецедентного права ЕСПЧ. В ст. 14 Конвенции закреплено право человека не подвергаться дискриминации по причине физического или психического состояния. Позиция Суда наиболее наглядно выражена в постановлениях по делам «*Kiyutin v. Russia*» и «*I.B. v. Greece*», где ЕСПЧ прямо признает здоровье как один из базовых объектов защиты в делах о недискриминации⁴⁹.

Можно выделить так называемые экологические категории дел [Trikoz, Gulyaeva 2021] в Европейском суде по правам человека, в которых некачественная окружающая среда [Malinovsky, Osina, Trikoz 2020] оказывает вредное воздействие на здоровье человека. Как отмечает Суд в своей практике, существует тесная связь между охраной и защитой окружающей среды и правом человека на здоровье. Уровень транспортного шума⁵⁰ и другие шумы⁵¹ (например, работа ноч-

⁴⁵ European Court of Human Rights: Case of Cyprus v. Turkey. Application No. 25781/94. Judgment. May 10, 2001. Para 219. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-59454> (accessed 07.02.2021). См. также: European Court of Human Rights: Case of Nitecki v. Poland. Application No. 65653/01. Judgment. March 21, 2002. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22339> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Oyal v. Turkey. Application No. 4864/05. Judgment. March 23, 2010. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-97848> (accessed 07.02.2021).

⁴⁶ См.: European Court of Human Rights: Case of Kaçiu and Kotorri v. Albania. Applications No. 33192/07 and No. 33194/07. Judgment June 25, 2013. Para 99. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-121770> (accessed 07.02.2021).

⁴⁷ European Court of Human Rights: Case of Gäfgen v. Germany. Application No. 22978/05. Judgment. June 1, 2010. Para. 128. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-99015> (accessed 07.02.2021).

⁴⁸ European Court of Human Rights: Case of Glass v. the United Kingdom. Application No. 61827/00. Judgment. March 9, 2004. Paras. 74–83. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-61663> (accessed 07.02.2021). См. также: European Court of Human Rights: Case of Tysięc v. Poland. Application No. 5410/03. Judgment. March 20, 2007. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-79812> (accessed 07.02.2021).

⁴⁹ См.: European Court of Human Rights: Case of Kiyutin v. Russia. Application No. 2700/10. Judgment. March 10, 2011. Paras. 63–74. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-103904> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of I.B. v. Greece. Application No. 552/10. Judgment. October 3, 2013. Paras. 78–91. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-127055> (accessed 07.02.2021).

⁵⁰ См.: European Court of Human Rights: Case of Hatton and Others v. the United Kingdom. Application No. 36022/97. Judgment. July 8, 2003. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-61188> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Flamenbaum and Others v. France Applications No. 3675/04, and No. 23264/04. Judgment. December 13, 2012. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-115143> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Deés v. Hungary. Application No. 2345/06. Judgment. November 9, 2010. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-101647> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Grimkovskaya v. Ukraine. Application No. 38182/03. Judgment. July 21, 2011. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-105746> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Bor v. Hungary. Application No. 50474/08. Judgment. September 18, 2013. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-120959> (accessed 07.02.2021).

⁵¹ См.: European Court of Human Rights: Case of Moreno Gómez v. Spain. Application No. 4143/02. Judgment. November 16, 2004. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-67478> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Oluić v. Croatia. Application No. 61260/08. Judgment. August 20, 2010. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-98829> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Mileva and Others v. Bulgaria. Application No. 43449/02.

ных баров), загрязнение от промышленной деятельности предприятий⁵², несчастные случаи на производстве⁵³, загрязнение опасными отходами⁵⁴, ядерные испытания⁵⁵ рассмотрены Судом применительно к вопросу о причинно-следственной связи между состоянием окружающей среды и правом на здоровье.

В прецедентной практике ЕСПЧ были рассмотрены дела по экологии в связи с нарушением ст. 2 и позитивным обязательством государства в пределах его усмотрения принять меры для сохранения жизни⁵⁶ в случаях, когда речь идет о потенциально вредной для здоровья граждан деятельности тех или иных организаций. По мнению Суда, национальное законодательство должно регулировать такие сферы, как лицензирование, создание промышленных предприятий, безопасность их эксплуатации, надзор за их деятельностью, и при необходимости следить за принятием конкретных мер всеми заинтересованными сторонами для обеспечения эффективной защиты граждан от рисков, сопровождающих такую деятельность⁵⁷. В своих решениях ЕСПЧ подчеркивает, что среди превентивных мер государства особое внимание должно быть уделено праву общественности на информацию, а также всем необходимым техническим норма-

тивам, которые способствуют выявлению недостатков и любых ошибок, допущенных ответственными лицами на разных уровнях⁵⁸.

В деле «*López Ostra v. Spain*» заявительница жаловалась, что пары газа, запахи и загрязнение от завода по переработке промышленных отходов рядом с ее домом вызвали проблемы со здоровьем у местных жителей, включая дочь заявительницы, которая страдала тошнотой, рвотой и анорексией. ЕСПЧ установил нарушение ст. 8 Конвенции в том, что государству не удалось найти справедливый баланс между интересами экономического благополучия города и эффективным использованием заявительницей права на уважение ее жилища, частной и семейной жизни⁵⁹.

Несчастные случаи на производстве могут стать причиной ухудшения состояния здоровья местного населения, и в таких обстоятельствах государство несет позитивное обязательство эффективно устранять последствия таких событий. В деле «*Guerra and Others v. Italy*» после аварии, вызванной неисправностью заводского оборудования, 150 местных жителей, включая заявителей, были госпитализированы с острым отравлением мышьяком. Заявители в течение нескольких лет ждали важной информации, ко-

Judgment. November 25, 2010. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/Eng?i=001-101815> (accessed 07.02. 2021); European Court of Human Rights: Case of Zammit Maempel and Others v. Malta. Application No. 3356/15. Judgment. January 15, 2019. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-189164> (accessed 07.02. 2021).

⁵² См.: European Court of Human Rights: Case of López Ostra v. Spain. Application No. 16798/90. Judgment. December 9, 1994. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57905> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Fadeyeva v. Russia. Application No. 55723/00. Judgment. June 9, 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-69315> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Ledyayeva, Dobrokhotova, Zolotareva and Romashina v. Russia. Applications No. 53157/99, No. 53247/99 and No. 56850/00. Judgment. October 26, 2006. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-77688> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Dubetska and Others v. Ukraine. Application No. 30499/03. Judgment. February 10, 2011. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-103273> (accessed 07.02.2021).

⁵³ См.: European Court of Human Rights: Case of Guerra and Others v Italy. Application No. 14967/89. Judgment. February 19, 1998. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58135> (accessed 07.02.2021).

⁵⁴ См.: European Court of Human Rights: Case of Giacomelli v. Italy. Application No. 59909/00. Judgment. November 2, 2006. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-77785> (accessed 07.02.2021).

⁵⁵ См.: European Court of Human Rights: Case of McGinley & Egan v. the United Kingdom. Applications No. 21825/93 and No. 23414/94. Judgment. June 9, 1998. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58175> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of L.C.B. v. The United Kingdom. Application No. 14/1997/798/1001. Judgment. June 9, 1998. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58176> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Roche v. The United Kingdom. Application No. 32555/96. Judgment. October 19, 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-70662> (accessed 07.02.2021).

⁵⁶ European Court of Human Rights: Case of L.C.B. v. The United Kingdom. Application No. 14/1997/798/1001. Judgment. June 9, 1998. Para 36. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58176> (accessed 07.02.2021).

⁵⁷ European Court of Human Rights: Case of Önerildiz v. Turkey. Application No. 48939/99. Judgment. November 30, 2004. Para 90. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-67614> (accessed 07.02.2021).

⁵⁸ European Court of Human Rights: Case of Budayeva and Others v. Russia. Applications No. 67667/09, No. 44092/12 and No. 56717/12. Judgment. March 20, 2008. Para 132. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-85436> (дата обращения: 07.02.2021).

⁵⁹ European Court of Human Rights: Case of López Ostra v. Spain. Application No. 16798/90. Judgment. December 9, 1994. Para. 51. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57905> (accessed 07.02.2021).

торая позволила бы им оценить риски, которым они и члены их семей подвергались, продолжая жить в городе и которые проявились только при аварии на заводе. Суд установил, что государство не выполнило свое позитивное обязательство по предоставлению местному населению информации о факторах риска и о том, как действовать в случае аварии. Таким образом, государство нарушило право заявителей на уважение частной и семейной жизни смыслу ст. 8 Конвенции⁶⁰.

В деле «*Tătar v. Romania*» золотой рудник, в процессе добычи которого использовался цианид натрия, находился недалеко от дома заявителей. При аварии в окружающую среду было выброшено около 100 000 кубометров воды, загрязненной цианидом. Заявители утверждали, что в результате этого инцидента у их сына обострилась астма. Несмотря на то что заявители не смогли доказать наличие причинной связи между воздействием цианида натрия и астмой сына, Суд установил, что государственные органы не должным образом выполнили свои обязанности по оценке рисков, связанных с деятельностью компании, и не приняли соответствующие меры для защиты права людей на частную жизнь и жилище, в частности, их права на здоровую и безопасную окружающую среду⁶¹.

В деле «*Öneryıldız v. Turkey*» жилище заявителя было построено без соответствующего разрешения на земле, окружающей свалку отходов. В апреле 1994 г. произошел взрыв метана, и отходы, выброшенные этим взрывом, загрязнили более десяти домов, включая дом заявителя. Суд отметил, что власти не предоставили жителям информацию о рисках, которым они подвергаются, проживая здесь, но далее ЕСПЧ пришел к выводу, что, даже если они и имели такую информацию, власти несут ответственность, поскольку

они не приняли необходимых практических мер, чтобы избежать риска для жизни граждан⁶².

По мнению ЕСПЧ, проведение ядерных испытаний государством является опасной деятельностью, которая может иметь скрытые неблагоприятные последствия для здоровья населения. Например, дело «*McGinley & Egan v. the United Kingdom*» касалось бывших военнослужащих британской армии, которые присутствовали при ядерных испытаниях на острове Рождества в 1950-х годах. Рассмотрев все факты, Суд установил, что заявителям была предоставлена достаточная информация о том, подвергались ли они воздействию опасного уровня радиации во время тестирования ядерного оружия, и что государство, таким образом, выполнило свое позитивное обязательство в соответствии со ст. 8 Конвенции⁶³. Дело «*L.C.B. v. the United Kingdom*» касалось дочери одного из военнослужащих с острова Рождества. После развития лейкемии она пожаловалась на непринятие властями мер по защите ее здоровья. Суд отметил, что невозможно установить, действительно ли отец заявителя подвергался воздействию опасного уровня радиации. Таким образом, причинно-следственная связь между возможным облучением отца и лейкемией заявителя не была установлена и нарушения ст. 2 Конвенции не было⁶⁴. В деле «*Roche v. The United Kingdom*» заявитель страдал от серьезных проблем со здоровьем из-за воздействия иприта и нервно-паралитического газа во время испытаний, проведенных в 1960-х годах, когда он служил в британской армии. Суд установил, что государство-ответчик не предоставило заявителю относящейся к делу информации, позволяющей ему оценить риск, которому он подвергался во время своего участия в тестах. Следовательно, имело место нарушение ст. 8 Конвенции⁶⁵.

⁶⁰ European Court of Human Rights: Case of Guerra and Others v Italy. Application No. 14967/89. Judgment. February 19, 1998. Para. 66. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58135> (accessed 07.02.2021).

⁶¹ European Court of Human Rights: Case of Tătar v. Romania. Application No. 67021/01. Judgment. January 27, 2009. Para. 3. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-90981> (accessed 07.04.2021).

⁶² European Court of Human Rights: Case of Öneryıldız v. Turkey. Application No. 48939/99. Judgment. November 30, 2004. Para. 93. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-67614> (accessed 07.04.2021).

⁶³ European Court of Human Rights: Case of McGinley & Egan v. the United Kingdom. Applications No. 21825/93 and No. 23414/94. Para. 3. Judgment. June 9, 1998. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58175> (accessed 07.02.2021).

⁶⁴ European Court of Human Rights: Case of L.C.B. v. The United Kingdom. Application No. 14/1997/798/1001. Judgment. June 9, 1998. Para. 41. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58176> (accessed 07.02.2021).

⁶⁵ European Court of Human Rights: Case of Roche v. The United Kingdom. Application No. 32555/96. Judgment. October 19, 2005. Para. 167. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-70662> (accessed 07.02.2021).

9. Проблемы соотношения права индивида на личную свободу и неприкосновенность и интересов общественного здоровья

Право на охрану здоровья подразумевает, что лицо не может подвергаться произвольному лишению свободы. Например, содержание под стражей лиц, страдающих острыми психическими расстройствами, в месте, которое полностью не приспособлено к их состоянию, может привести к нарушению ст. 3⁶⁶ или ст. 5⁶⁷ Конвенции. Наконец, непринятие судом во внимание психических или физических недостатков обвиняемого может привести к нарушению права на справедливое судебное разбирательство. Например, неспособность удовлетворить потребности обвиняемого, страдающего серьезным нарушением слуха, который, таким образом, лишен возможности эффективно участвовать в судебном разбирательстве, считается нарушением права на охрану здоровья и, таким образом, нарушает положения ст. 6 Конвенции⁶⁸.

Пункт «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод допускает «законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг». Как отмечает Европейский суд по правам человека, целью данного положения Конвенции является как защита общества от такого рода «социально дезадаптированных» категорий лиц, так и защита их собственных интересов⁶⁹.

В той или иной форме превентивное заключение под стражу является общей чертой большинства национально-правовых систем, в том числе в качестве средства социальной защиты [Preventive Detention...1992:1]. Превентивное заключение под стражу не исключается и действием ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах⁷⁰.

Конвенция выделяет пять специальных категорий лиц, право на свободу и личную неприкосновенность которых может быть ограничено в силу лишь потенциальной их опасности для общества или самих себя. Общее у этих категорий лиц то, что они могут быть лишены свободы в целях медицинского лечения или в целях, продиктованных социальной политикой, либо одновременно по медицинским и социальным основаниям⁷¹. ЕСПЧ делает вывод, что основной причиной, по которой Конвенция допускает лишение свободы лиц, перечисленных в п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции, является не только то, что они представляют угрозу для общественной безопасности, но также и то, что их собственные интересы могут требовать их заключения под стражу⁷².

Таким образом, можно выделить двойной объект, на охрану которого направлено предусмотренное п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции основание для ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. Указанным объектом выступает, с одной стороны, общественная безопасность, а с другой – собственные интересы лица. При этом разделение объекта не имеет практического значения, поскольку данные элементы неразрывно связаны между собой⁷³.

⁶⁶ См.: European Court of Human Rights: Case of M.S. v. the United Kingdom . Application No. 24527/08. Judgment. May 3, 2012. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-110717> (accessed 07.02.2021).

⁶⁷ См.: European Court of Human Rights: Case of Stanev v. Bulgaria. Application No. 36760/06. Judgment. January 17, 2012. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108690> (accessed 07.02.2021).

⁶⁸ См.: European Court of Human Rights: Case of Timergaliyev v. Russia. Application No. 40631/02. Judgment. October 14, 2008. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88888> (accessed 07.02.2021).

⁶⁹ European Court of Human Rights: Case of Guzzardi v. Italy. Application No. 7367/76. Judgment. November 6, 1980. Para 98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57498> (accessed 07.02.2021).

⁷⁰ UN Human Rights Committee: CCPR General Comment No. 8 of 27 July 1982: Right to liberty and security of persons (Art. 9). URL: <https://www.refworld.org/docid/4538840110.html> (accessed 07.02.2021).

⁷¹ European Court of Human Rights: Case of Witold Litwa v. Poland. Application No. 26629/95. Judgment. April 4, 2000. Para. 60. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58537> (accessed 07.02.2021).

⁷² European Court of Human Rights: Case of Guzzardi v. Italy. Application No. 7367/76. Judgment. November 6, 1980. Para. 98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57498> (accessed 07.02.2021); European Court of Human Rights: Case of Witold Litwa v. Poland. Application No. 26629/95. Judgment. April 4, 2000. Para. 60. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58537> (accessed 07.02.2021).

⁷³ Так, в большинстве дел по п. е) ч. 1 ст. 5 Конвенции ЕСПЧ специально не делает различия в отношении того, опасно лицо для общества или для себя, обычно эти элементы объединены.

Следует обратить внимание на тот факт, что охрана здоровья нации⁷⁴ служит одним из правовых оснований ограничения прав человека и основных свобод в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. государствами-членами Совета Европы. В связи с этим представляется, что Конвенция оставляет за государствами широкую свободу усмотрения в отношении определения содержания данного термина. Содержание Конвенции предполагает его использование, скорее, в узком значении, что следует из корреляции в них общественной безопасности с такими целями, как, например, обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, предотвращение преступлений и т.д.

Связь охраны здоровья с ограничением прав и свобод человека фигурирует во многих статьях Конвенции с ограничительной оговоркой⁷⁵. Другие международно-правовые акты, посвященные правам человека, также предусматривают возможность ограничения отдельных прав и свобод в целях охраны здоровья⁷⁶. Представляется, что аналогичная общая цель осуществляется также включением в п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции положения о заключении под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний.

В отличие от других положений, перечисляющих лиц, которые могут быть в силу их принадлежности к той или иной категории (душевнобольные лица, алкоголики, наркоманы, бродяги) заключены под стражу, отправной точкой в формулировке п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции, является не

отнесение лица к категории, например, страдающих инфекционным заболеванием, а указание на цель ограничения его права на свободу и личную неприкосновенность – предотвращение распространения инфекционных заболеваний.

Таким образом, п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции допускает задержание и заключение под стражу лиц, страдающих инфекционными заболеваниями, душевнобольных, алкоголиков, наркоманов, бродяг в целях защиты общественных и / или их собственных интересов. Соблюдение предусмотренного данным правовым основанием требования правомерности ограничения права на свободу и личную неприкосновенность определяется:

- 1) наличием у лица соответствующего заболевания или состояния;
- 2) такой характеристикой данного заболевания или состояния, которая требует заключения лица под стражу.

10. Заключение

Право индивида на здоровье может быть представлено как комплекс естественных и позитивистских международно-правовых основ его признания, общих и специальных принципов сотрудничества государств в сфере здравоохранения и гарантий обеспечения физического и психического благополучия людей. Существуют международно-правовые особенности реализации права на здоровье для уязвимых категорий лиц, к которым относятся дети, женщины, апатриды, вынужденные и добровольные мигранты,

⁷⁴ Общественное здравоохранение определяется как «наука и практика предупреждения болезней, продления жизни и укрепления здоровья посредством организованных действий, предпринимаемых обществом» (Acheson, 1988; WHO). Мероприятия по укреплению потенциала и услуг общественного здравоохранения направлены на создание условий, при которых люди могут оставаться здоровыми, улучшать свое здоровье и благополучие или предотвращать ухудшение своего здоровья. Общественное здравоохранение сосредоточено на всех аспектах здоровья и благополучия, а не только на искоренении отдельных болезней. Многие мероприятия, например, кампании по охране здоровья, нацелены на отдельные группы населения. Общественное здравоохранение также предоставляет индивидуальные услуги отдельным лицам, например, вакцинацию или медицинские консультации. См.: World Health Organization: Public Health Services. URL: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/Health-systems/public-health-services> (accessed 07.02.2021). ВОЗ отмечает, что среди вызовов общественному здравоохранению XXI века в Европе следует выделить экономический кризис, неравенство, старение населения, увеличение количества лиц, страдающих хроническими заболеваниями, миграцию, урбанизацию, ухудшение качества окружающей среды и изменение климата. В связи с этим Европейский региональный офис ВОЗ принял Европейский план действий по укреплению потенциала и услуг общественного здравоохранения. См.: Европейский план действий по укреплению потенциала и услуг общественного здравоохранения. Доступ: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/171773/RC62wd12rev1-Rus-updated.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

⁷⁵ См.: ст. 8, 9, 10, 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

⁷⁶ См.: п. b ч. 2 ст. 13, ст. 15, 16, 22 Межамериканской Конвенции о правах человека 1969 г.; ч. 3 ст. 12, ст. 18, 19, 21, 22 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

жертвы вооруженных конфликтов. Обеспечение права на здоровье как части коллективного права населения на развитие связано с поддержанием благоприятной окружающей среды, использованием достижений биоэтики и защитой персональных данных физических лиц. С учетом различных национальных позиций в отношении преодоления пандемии коронавирусной инфекции продолжится формирование универсальных международно-правовых стандартов ВОЗ, предназначенных для организации действенных медико-социальных мероприятий. Стремление к унификации санитарно-гигиенических требований и создание единых сертификатов состояния здоровья будет преобладать при осуществлении поездок, пересечении межгосударственных границ и обращении за набором социальных и медицинских услуг в стране пребывания. Доклад ООН по целям устойчивого развития 2020 г. указывает на значимость обязательства государств обеспечить населению всеобщий охват услугами здравоохранения к 2030 г. Специальный докладчик ООН по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья замечает, что данное обязательство должно поддерживаться управляемыми и доступными системами национального здравоохранения. Генеральная ассамблея ООН призывает государства-члены обеспечить «право всех без исключения по какому бы то ни было признаку людей на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, напоминая при этом, что каждый человек имеет право индивидуально или совместно с другими лицами содействовать обеспечению и добиваться защиты и реализации именно этого права, и призывая лидеров всех слоев общества и групп населения выразить этому общественную поддержку»⁷⁷. Международно-правовым приоритетом также выступает защита частной жизни индивида при осуществлении права на здоровье.

Следует отметить, что в практике ЕСПЧ, относящейся к праву на здоровье, чаще всего встречаются отсылки к положениям Конвенции, гарантирующим право на жизнь (ст. 2), запрещение пыток (ст. 3), право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8) и запрещение дискриминации (ст. 14). Кроме того, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. прямо

не гарантирует право на защиту здоровья или право быть здоровым. Однако с учетом практики ЕСПЧ можно ожидать появления новых дел относительно права на здоровье.

Государство в рамках Интерлакенского процесса вправе закрепить определенные основания для ограничения прав и свобод человека с целью сохранения, защиты и поддержания здоровья нации. В вопросах соотношения права индивида на личную свободу и неприкосновенность и интересов общественного здоровья следует учитывать тот факт, что с одной стороны, целью такого ограничения выступает общественная безопасность, а с другой – собственные интересы лица.

Помимо универсальных стандартов права на здоровье, Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г. оставляет за государствами расширительное толкование ее положений. В связи с этим, в эпоху развития современных технологий возникают новые вызовы в отношении реализации права на здоровье по вопросам биоэтики, редактирования генома человека [Дубов, Дьяков 2019: 127–137; Кубышкин, Косилкин, Астрелина 2019: 30; Абросимова 2020: 133–141; Калиниченко 2020: 20–25], а также последствий ядерных испытаний и загрязнения окружающей среды. Авторы полагают, что некоторые аспекты современной биоэтики и право индивида на достоверную информацию в парадигме статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также особенности нормативно-правовых актов ЕС позволяют указать на требование соблюдения конфиденциальности медицинской информации. Поэтому следует дополнить европейскую систему защиты прав человека принятием дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г., предусматривающего охрану и защиту права на здоровье. Обзор правовых позиций ЕСПЧ приводит к выводу о том, что соблюдение конфиденциальности данных о состоянии здоровья имеет решающее значение не только для защиты неприкосновенности частной жизни пациента, но также для поддержания доверия этого человека к профессии врача и к услугам здравоохранения. При этом достоинство человеческой личности должно быть защищено от возможного неправомерного использования достижений научного

⁷⁷ Генеральная Ассамблея ООН: «Здоровье населения мира и внешняя политика: всеохватный подход к укреплению систем здравоохранения». 04.12. 2019. П. 8. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/L.26> (дата обращения: 07.02.2021).

прогресса. Как известно, на уровне законодательного урегулирования в Европейском Союзе действует прямой запрет на любые манипуляции с зародышевыми материалами человека.

При этом государства обязаны гарантировать экологическую и ядерную безопасность своих граждан без какой-либо дискриминации. Государству необходимо найти справедливый баланс между интересами экономического благополучия города и использованием права индивида на уважение жилища, частной и семейной жизни.

Анализ прецедентов ЕСПЧ по вопросам влияния окружающей среды на жизнь и здоровье человека позволяет сделать вывод о появлении новых категорий дел в будущем, связанных с ответственностью государств за глобальное потепление и изменение климата.

Вышеизложенное предполагает объективную необходимость более тесного сотрудничества государств в сфере обеспечения права человека на здоровье и эффективной деятельности систем здравоохранения.

Список литературы

1. Абросимова Е.А. 2020. Генетическая паспортизация населения как вклад в биологическую безопасность – не опережаем ли мы время?. – *Правовые основы биоэкономики и биобезопасности: монография*. Отв. ред. А.А.Мохов, О.В.Сушкова. М.: Проспект. С. 133–141.
2. Белоусова А.А. 2013. Право на здоровье в международном праве: история становления. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. № 3. С. 270–278.
3. Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. 2020. Юридические аспекты политики противодействия коронавирусной инфекции (COVID-19) в РФ. – *Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер»*. № 4. Доступ: <http://interlegal.ru/yuridicheskie-aspekty-politiki-protivodejstviya-koronavirusnoj-infeksii-covid-19-v-rf> (дата обращения: 07.02.2021).
4. Дубов А.Б., Дьяков В.Г. 2019. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. №4. С. 127–137. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.127-137>
5. Калининченко П.А. 2020. Глобальное и региональное регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: особенности предмета и подходов. – *Международный правовой курьер*. № 3-4. С. 20–25.
6. Карташкин В.А. 2012. Международное право и личность. – *Международное и зарубежное право*. № 11. С. 110–118.
7. Кубышкин А.В., Косилкин С.В., Астрелина Т.А. 2019. Международно-правовое регулирование генетических исследований, биобанкинга, биоинформатики и репродукции человека: анализ основных международно-правовых актов. – *Международный правовой курьер*. № 2-3. С. 29–34.
8. Лапаева В.В. 2020. От Всеобщей декларации о геноме человека к международно-правовому регулированию геномных исследований и технологий: идея и реальность. – *Государство и право*. № 7. С. 53–61. DOI: [10.31857/S102694520010680-9](https://doi.org/10.31857/S102694520010680-9)
9. Мишкуро М.А. 2017. Международно-правовое положение медицинского и духовного персонала в международном гуманитарном праве. – *Новый юридический вестник*. № 1. С. 111–115.
10. Монтгомери Дж. 2018. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями. – *Прецеденты Европейского суда по правам человека*. № 3. С. 42–56.
11. Смирных С.Е. 2019. Институт субъективных прав детей в системе современного международного права. – *Московский журнал международного права*. №1. С. 68-88. DOI: [10.24833 / 0869-0049-2019-1-68-88](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-68-88)
12. Солнцев А.М. 2016. Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права. – *Вестник Костромского государственного университета*. № 4. С. 196–199.
13. Тарасьянц Е.В. 2011. *Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований*. М. 224 с.
14. Трикоз Е.Н., Мустафина-Бредихина Д.М., Гуляева Е.Е. 2021. Правовое регулирование процедуры генного редактирования: зарубежный опыт. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. Т. 25. № 1. DOI: [10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86)
15. Denisenko V., Trikoz E. 2020. Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic. – *E3S Web of Conferences*. Vol. 175. No. 14013. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017514013>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/35/e3sconf_interagromash2020_14013.pdf (accessed 07.02.2021).
16. *Human Rights and the Environment: Legality, Indivisibility, Dignity and Geography*. Ed. by J.R. May and E. Daly. 2019. Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing. 616 p.
17. Ishii T. 2017. Germ line genome editing in clinics: the approaches, objective and global society. – *Brief Funct Genomics*. Vol. 16. Issue 1. P. 46-56. DOI: [10.1093/bfpg/elv053](https://doi.org/10.1093/bfpg/elv053)
18. Krekora-Zajac D. 2020. Civil liability for damages related to germline and embryo editing against the legal admissibility of gene editing. – *Palgrave Communications*. Vol. 6. Issue 1. P. 1-8. DOI: [10.1057/s41599-020-0399-2](https://doi.org/10.1057/s41599-020-0399-2)
19. Malinovsky A., Osina D., Trikoz E. 2020. Legal instruments for stimulating environmentally friendly behavior: successful practices in Russia and abroad. – *E3S Web of Conferences*. Vol. 164. No. 11039. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016411039>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/24/e3sconf_tpacee2020_11039.pdf (accessed 07.02.2021).
20. *Preventive Detention: a Comparative and International Law Perspective*. Ed. by S. Frankowski and D. Shelton. 1992. Dordrecht; Boston: M. Nijhoff. 302 p.
21. Rogers A., De Bousingen D.D. 1995. *Bioethics in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Press. 366 p.

22. Tobin J. 2012. *The Right to Health in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 416 p. DOI:10.1093/eurpub/cks138
23. Trikoz E., Gulyaeva E., Belyaev K. 2020. Russian experience of using digital technologies in law and legal risks of AI. – *E3S Web of Conferences*. Vol. 224. No. 03005. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202022403005>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/84/e3sconf_TPACEE2020_03005.pdf (accessed 07.02.2021).
24. Trikoz E., Gulyaeva E. 2021. Ecological cases of the ECHR and the environmental risk of GMO. – *E3S Web of Conferences*. Vol. 244. No. 12024. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124412024>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/20/e3sconf_emfnt2020_12024.pdf (accessed 07.02.2021).

References

1. Abrosimova E.A. Geneticheskaya pasportizatsiya nasele-niya kak vklad v biologicheskuyu bezopasnost' – ne operezhaem li my vremya? [Genetic certification of the population as a contribution to biological safety - are we ahead of our time?]. – *Pravovye osnovy bioekonomiki i biobezopasnosti: monografiya*. Otv. red. A.A.Mokhov, O.V.Sushkova [Legal foundations of bioeconomics and biosafety: a monograph. Ed. by A.A.Mokhov, O.V.Sushkova]. Moscow: Prospekt Publ. 2020. P. 133-141. (In Russ.)
2. Belousova A.A. Pravo na zdorov'e v mezhdunarodnom prave: istoriya stanovleniya [The right to health in international law: history of formation]. – *RUDN Journal of Law*. 2013. No. 3. P. 270–278. (In Russ.)
3. Denisenko V., Trikoz E. Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic. – *E3S Web of Conferences*. 2020. Vol. 175. No. 14013. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017514013>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/35/e3sconf_interagromash2020_14013.pdf (accessed 12.03.2021)
4. Dubov A.B., D'yakov V.G. Bezopasnost' genomnoi informatsii: pravovye aspekty mezhdunarodnogo i natsional'nogo regulirovaniya [Genomic Information Security: legal aspects of international and national regulation]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU)*. 2019. No. 4. P. 127–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.127-137>
5. Gulyaeva E.E., Trikoz E.N. Yuridicheskie aspekty politiki protivodeistviya koronavirusnoi infektsii (COVID-19) v RF [Legal aspects of the policy of countering coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation]. – *Elektronnoe setevoe izdanie "Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er"*. 2020. No. 4. URL: <http://inter-legal.ru/yuridicheskie-aspekty-politiki-protivodejstviya-koronavirusnoj-infektsii-covid-19-v-rf> (accessed 07.02.2021).
6. *Human Rights and the Environment: Legality, Indivisibility, Dignity and Geography*. Ed. by J.R. May and E. Daly. Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing. 2019. 616 p.
7. Ishii T. Germ line genome editing in clinics: the approaches, objective and global society. – *Brief Funct Genomics*. 2017. Vol. 16. Issue 1. P. 46–56. DOI:10.1093/bfgp/elv053
8. Kalinichenko P.A. Global'noe i regional'noe regulirovanie issledovaniy i razrabotok v oblasti chelovecheskogo genoma i ikh prakticheskogo ispol'zovaniya: osobennosti predmeta i podkhodov [Global and Regional Regulation of the Human Genome Research and Developments and their Practical Use: Specific of the Subject and Approaches]. – *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er*. 2020. No. 3-4. P. 20–25. (In Russ.)
9. Kartashkin V.A. Mezhdunarodnoe pravo i lichnost' [International Law and Personality]. – *Mezhdunarodnoe i zarubezhnoe pravo*. 2012. No. 11. P. 110–118. (In Russ.)
10. Krekora-Zajac D. Civil liability for damages related to germline and embryo editing against the legal admissibility of gene editing. – *Palgrave Communications*. 2020. Vol. 6. Issue 1. P. 1-8. DOI: 10.1057/s41599-020-0399-2
11. Kubyshevskiy A.V., Kosilkin S.V., Astrelina T.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie geneticheskikh issledovaniy, biobankinga, bioinformatiki i reproduksii cheloveka: analiz osnovnykh mezhdunarodno-pravovykh aktov [International legal regulation of genetic research, bio-banking, bioinformatics and human reproduction: analysis of the main international legal acts]. – *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er*. 2019. No. 2-3. P. 29–34. (In Russ.)
12. Lapaeva V.V. Ot Vseobshchei deklaratsii o genome cheloveka k mezhdunarodno-pravovomu regulirovaniyu genomnykh issledovaniy i tekhnologii: ideya i real'nost' [From the Universal Declaration on the human genome to the international legal regulation of genomic research and technology: idea and reality]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2020. No. 7. P. 53–61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S102694520010680-9
13. Malinovsky A., Osina D., Trikoz E. Legal instruments for stimulating environmentally friendly behavior: successful practices in Russia and abroad. – *E3S Web of Conferences*. 2020. Vol. 164. No. 11039. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016411039>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/24/e3sconf_tpac2020_11039.pdf (accessed 14.02.2021).
14. Mishkuro M.A. Mezhdunarodno-pravovoe polozhenie meditsinskogo i dukhovnogo personala v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [International Legal Status of Medical and Religious Personnel in International Humanitarian Law]. – *Novyi yuridicheskii vestnik*. 2017. No. 1. P. 111–115. (In Russ.)
15. Montgomery J. Modifikatsiya genoma cheloveka: vyzovy so storony sfery prav cheloveka, obuslovlennyye nauchno-tekhnicheskimi dostizheniyami [Modification of the human genome: challenges from the human rights sphere caused by scientific and technical achievements]. – *Prezidenty Evropejskogo suda po pravam cheloveka*. 2018. No. 3. P. 42–56. (In Russ.)
16. *Preventive Detention: a Comparative and International Law Perspective*. Ed. by S. Frankowski and D. Shelton. Dordrecht; Boston: M. Nijhoff. 1992. 302 p.
17. Rogers A., De Bousingen D.D. *Bioethics in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Press. 1995. 366 p.
18. Smirnykh S.E. Institut sub'ektivnykh prav detei v sisteme sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Institute of Subjective Rights of Children in the System of Modern International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 1. P. 68–88. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-68-88
19. Solntsev A.M. Zashchita ekologicheskikh prav cheloveka v kontekste internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava [Protection of Environmental Human Rights in the Context of the Internationalisation of Constitutional Law]. – *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No. 4. P. 196–199. (In Russ.)
20. Taras'yants E.V. *Mezhdunarodnaya zashchita i pooshchrenie prav cheloveka v oblasti biomeditsinskikh issledovaniy*

- vanii* [International Protection and Promotion of Human Rights in Biomedical Research]. Moscow. 2011. 224 p. (In Russ.)
21. Tobin J. *The Right to Health in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 416 p. DOI:10.1093/eurpub/cks138
22. Trikoz E., Gulyaeva E., Belyaev K. Russian experience of using digital technologies in law and legal risks of AI. – *E3S Web of Conferences*. 2020. Vol. 224. No. 03005. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202022403005>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/84/e3sconf_TPACEE2020_03005.pdf (accessed 14.02.2021).
23. Trikoz E., Gulyaeva E. Ecological cases of the ECHR and the environmental risk of GMO. – *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 244. No. 12024. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124412024>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/20/e3sconf_emft2020_12024.pdf (accessed 20.03.2021).
24. Trikoz, E.N., Mustafina-Bredikhina, D.M., Gulyaeva, E.E. Pravovoe regulirovanie protsedury gennogo redaktirovaniya: zarubezhnyi opyt [Legal regulation of gene editing procedure: USA and EU experience]. – *RUDN Journal of Law*. 2021. Vol. 25. Issue 1. P. 67–86. (In Russ.). DOI:10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86.

Информация об авторах

Алла Юрьевна Ястребова,

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, Дипломатическая академия МИД России

119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

Елена Евгеньевна Гуляева,

кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского права, Дипломатическая академия МИД России

119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

gulya-eva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8376-7212

About the Authors

Alla Yu. Yastrebova,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Theory of State and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021

allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

Elena E. Gulyaeva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of European Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021

gulya-eva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8376-7212

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 13.02.2021
Принята к публикации: 27.04.2021

Сандра Игоревна ЦЫГАНЦОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., д. 18, Казань, 420008, Российская Федерация
tsygantsova.sandra@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4161-7800

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ВВЕДЕНИЕ. Целью данной работы является определение главных проблем современной международно-правовой защиты животных и теоретическое обоснование необходимости изменения их правового статуса (режима). Исследуются концепции, уже ставшие основой существующих международно-правовых актов по защите различных категорий животных, а также идеи, имеющие достаточный потенциал для того, чтобы заложить фундамент более осознанного отношения к представителям других биологических видов. Выявлены значительные недостатки глобальной правовой политики по охране животных, препятствующие достижению основных целей международного сотрудничества в данной области. Предложены новые подходы, способные разрешить как этические, так и экологические проблемы взаимоотношений людей и животных в самом ближайшем будущем. Кроме того, в ходе исследования приводятся различные философско-правовые доводы, подтверждающие возникшую надобность присвоения животным особого правового положения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Работа построена на изучении доктринальных позиций преимущественно зарубежных исследователей и правоведов, занимающихся проблемами международно-правовой защиты животных. По мере необходимости рассматриваются нормы международно-правовых соглашений глобального и регионального характера, а также положения документов рекомендательного характера. В настоящем исследовании

были использованы логический, системный и компаративистский подходы, общетеоретические (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение, идеализация, аналогия, моделирование, конкретизация) и специально-юридические методы (историко-правовой, формально-юридический и метод правового прогнозирования).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования выявлены основные несовершенства международно-правового регулирования отношений по сохранению биоразнообразия в рамках реализации концепций охраны окружающей среды и устойчивого развития. Отмечаются важнейшие достижения и существенные пробелы правовой политики ЕС по обеспечению благополучия животных. Благодаря синтезу и обобщению основных положений концепции благополучия и концепции прав животных формируется представление о наиболее успешной модели международно-правовой защиты животных. На основе проделанной работы прогнозируется неизбежное изменение их правового статуса (режима) и пересмотр существующей антропоцентрической парадигмы современной юридической науки.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Подавляющее большинство действующих международно-правовых соглашений по охране и использованию животного мира направлено на удовлетворение интересов современного общества потребления, в котором животные ранжируются исходя из сте-

пени их полезности, практически не обладая имманентной ценностью. При сохранении тенденций последних десятилетий не удастся достичь природоохранных целей, стоящих перед международным экологическим правом. Для того чтобы решить проблемы этического и экологического характера, необходимо отказаться от антропоцентрического подхода, пронизывающего всю систему международного права, в пользу более совершенной организации взаимоотношений человека с природой (например, антропокосмоцентризма, космоцентризма, биоцентризма и др.).

Кроме того, отождествление животных с имуществом не отвечает современным представлениям о них как о чувствующих существах. Отношение к ним, как к вещам в рамках национальных правовых систем и международного права непозволительно. Вне зависимости от того, будут ли животные наделены правоспособностью или возглавят новую, специфическую категорию лиц, они должны обла-

дать определенным набором международно-правовых гарантий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: защита животных, правовая защита животных, международно-правовая защита животных, благополучие животных, права животных, охрана животного мира, охрана биоразнообразия, рациональное использование биоресурсов, охрана окружающей среды, устойчивое развитие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цыганцова С.И. 2021. Международно-правовая защита животных: проблемы и перспективы. – *Московский журнал международного права*. №2. С. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132>

Sandra I. TSYGANTSOVA

Kazan Federal University

18, ul. Kremlevskaya, Kazan, Russian Federation, 420008

tsygantsova.sandra@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4161-7800

Research article
Received 13 February 2021
Approved 27 April 2021

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF ANIMALS: PROBLEMS AND PROSPECTS

INTRODUCTION. *The purpose of this work is to identify the main problems of modern international legal protection of animals and the theoretical justification of the need to change their legal status (regime). The main task of the research is to study modern concepts that have already become the basis of international legal acts for the protection of various categories of animals, as well as ideas that have sufficient potential to lay the foundation for a more conscious attitude to other biological species. Furthermore, the research highlights significant shortcomings of the global legal*

policy on animal protection, which hinder the achievement of the main goals of international cooperation in this area. The research also suggests new approaches that can solve both ethical and environmental problems of human-animal relationships in the very near future. In addition, this scientific work provides various philosophical and legal arguments that confirm the need to assign a special legal status to animals.

MATERIALS AND METHODS. *The research examines the doctrinal positions of mainly foreign researchers and legal experts dealing with the problems*

of international legal protection of animals. This study uses the norms of some international legal agreements of a global and regional nature, as well as the provisions of recommendation documents. The research used general theoretical (analysis, synthesis, comparison, induction, deduction, abstraction, generalization, idealization, analogy, modeling, concretization, logical, systematic and comparative approaches) and special legal methods (historical-legal, formal-legal and the method of legal forecasting).

RESEARCH RESULTS. Based on the results of the study, the author identifies the main problems of international legal regulation of relations on the conservation of biodiversity in the framework of the implementation of the concepts of environmental protection and sustainable development. In addition, the study highlights the most important achievements and significant gaps in the EU's legal policy on animal welfare. Through the synthesis and generalization of the main provisions of the concept of well-being and the concept of animal rights, this scientific work forms an idea of the most successful model of international legal protection of animals. Based on the obtained result, the study predicts the inevitable change in their legal status (regime) and the revision of the existing anthropocentric paradigm of modern legal science.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The vast majority of existing international legal agreements on the protection and use of animals protect the secondary interests of modern consumer society, where animals have a rank based on their usefulness, without taking into account their immanent value. If the trends

of recent decades continue, the environmental goals set by international environmental law will remain unattainable. In order to solve a layer of ethical and environmental problems, it is necessary to abandon the anthropocentric approach, which permeates the entire system of international law, in favor of a more perfect organization of human relations with nature (for example, in favor of anthropocosmocentrism, cosmocentrism, biocentrism, etc.).

In addition, the identification of animals with property does not correspond to modern ideas about them as sentient beings. It is unacceptable to treat them as «things» within the framework of national legal systems and international law. Regardless of whether they will have legal capacity or will lead a new, specific category of persons, animals must have a certain set of international legal guarantees.

KEYWORDS: animal protection, legal animal protection, international legal animal protection, animal welfare, animal rights, wildlife protection, biodiversity protection, rational use of biological resources, environmental protection, sustainable development

FOR CITATION: Tsygantsova S.I. International Legal Protection of Animals: Problems and Prospects. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.2. P. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Рецепция римского права во многом предопределила структуру и значительно повлияла на содержание основных компонентов большинства действующих систем права. Достижения римской правовой мысли составляют фундамент современной юриспруденции, однако по мере развития этики, науки и технологий все больше исследователей так или иначе ставят под сомнение актуальность норм, институтов или конструкций римского права, используемых по сей день [Ткаченко 2009:18–29]. Ярким примером этого можно считать традицию причисления

животных к «вещам», несмотря на наличие явных признаков, роднящих их с «лицами». Между тем сам термин «лицо» нередко становится предметом научных дискуссий [Чиркин 2007:5–8]. Названные проблемы характерны и для теории международного права.

Определение правосубъектности в правовой доктрине не лишено изъянов. Субъектами права могут быть личности, несмотря на отсутствие у них дееспособности, а также объединения, обладающие правоспособностью, вовсе не имея реальных признаков жизни. Это объясняется тем, что абсолютное большинство организаций создается в целях удовлетворения тех или иных че-

¹ См.: Астапенко П.Н. *Римское право: учебник*. М.: «КНОРУС». 2018. С. 8.

ловеческих интересов, являясь доказательством доминирования антропоцентрических начал в праве. Несмотря на то что животные являются живыми существами, явно отличающимися от имущества, проблема их правового положения по-прежнему не привлекает к себе достаточного внимания, особенно в отечественной науке. При этом продолжаются споры о правоспособности лиц до своего рождения, а также людей, находящихся в различных вегетативных состояниях и т. д., что способствует возникновению полемики о потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта [Лаптев 2019:79–102], гибридных существ и пр. Между тем абстрактное понимание личности позволило зарубежным ученым выдвинуть теорию «нечеловеческой личности» (non-human being) [Brožek 2017:56], так как граница, разделяющая людей и животных, все-таки весьма условна. Более того, вопрос о когнитивных, интеллектуальных и прочих способностях животных не должен иметь какого-либо значения, ведь совсем не степень развитости определяет личность как субъект правоотношений. Наиболее сильным аргументом для так называемой «дереификации», т. е. изъятия животных из категории вещей, представляется способность чувствовать, которой обладают по крайней мере все позвоночные животные, а также головоногие моллюски². Все они являются «субъектами жизни» [Regan 1986:186–187], поэтому нет никаких весомых оснований отрицать наличие у животных, вне зависимости от их категорий, естественных прав, которые принадлежат им в силу рождения: например, права на жизнь, свободу, где это необходимо, безопасность и т. д. Представляется, что главный вопрос сегодня состоит в том, как скоро международное сообщество будет готово обеспечить соблюдение минимальных стандартов этих прав.

2. Современные концепции защиты животных и их отражение в нормах международного и европейского права

Именно концепция естественного права стала основой первых международно-правовых соглашений, гарантирующих равенство всех лю-

дей в принадлежащих им от природы правах и свободах, независимо от воли других лиц и государственных органов. Истоки этой концепции также восходят к Древнему Риму, где считалось, что «естественное право – то, чему природа научила все живое, ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам»³. Однако под влиянием гуманистического мировоззрения, зародившегося в эпоху Ренессанса и впоследствии усилившего свои позиции за счет рационализма и механицизма эпохи Просвещения, концепция естественного права окончательно сформировалась ориентированной исключительно на человека. Необходимо учитывать тесную историческую связь естественно-правовой концепции и международного права, для понимания которого она имеет первостепенное значение, являясь неотъемлемой основой прав человека [Shaw 2008:17]. Переосмысление ее сути могло бы способствовать изменению правового статуса других биологических видов, так как главным преимуществом в обладании правами является то, что они предоставляют положение, возвышающее носителей над привычным уравниванием конфликтующих интересов [Peters 2020:111].

Видные юристы и философы прошлого неоднократно предпринимали попытки эгалитарной трактовки и соответствующей ей корректировки базовых положений концепции естественного права, но существенного результата это так и не принесло. Один из выдающихся мыслителей своей эпохи Жан-Жак Руссо, будучи весьма озабоченным проблемой правового положения животных, не раз уравнивал их с людьми: «Таким образом мы покончим и с давнишними спорами о причастности животных к естественному закону: ибо ясно, что, будучи лишены знаний и свободы, они не могут признавать этот закон; но так как они имеют с нашей природою нечто общее, поскольку и они одарены способностью чувствовать, то можно считать, что они также должны быть причастны естественному праву и что на человеке лежат по отношению к ним некоторого рода обязанности» [Руссо 1998:68]. Основатель утилитаризма Джереми Бентам, хоть и отвергал

² European Union: Directive 2010/63/EU of the European Parliament and of the Council of 22 September 2010 on the protection of animals used for scientific purposes. Preamble, Para. 8. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:276:0033:0079:en:PDF> (accessed 11.01.2021).

³ *Дигесты Юстиниана*. Т. I. Кн. I-IV. Под ред. Л.Л. Кофанова. М.: Статут. 2008. С.82.

концепцию естественных прав, настаивал на наделении животных правами и справедливом отношении людей ко всем живым существам, исходя из их общей способности испытывать боль [Бентам 1998:179]. Однако на фоне расцвета гуманистического мировоззрения подобные заявления звучали крайне неубедительно, побуждая общественных деятелей искать компромисс, соответствующий духу своего времени. Благодаря таким изысканиям возникла идея гуманного отношения к животным, осуждающая жестокость главным образом по причине вреда для личности самого человека, что является ничем иным, как антропоцентрическим измерением обращения с ними [Зубченко 2014:143]. Хотя некоторые исследователи продолжают рассматривать защиту животных от жестокого обращения в качестве самостоятельного явления [Короткий, Зубченко 2014:358], в настоящее время концепция гуманного отношения к животным, в отличие от концепции прав, рискует остаться данью истории: пока они ценятся, исходя из полезности для людей, говорить о гуманном обращении с ними довольно проблематично [Авдеева 2018:76].

Зародившаяся в XIX в. концепция прав животных сегодня бескомпромиссно подвергается критике антропоцентризм естественного права, отстаивая юридическое признание фундаментальных интересов других биологических видов. Один из выдающихся представителей концепции Том Реган в своих работах нередко подчеркивал, что если люди обладают естественными правами в силу имеющегося у них сознания, то и многие животные должны обладать ими [Regan 1986:186-187]. Некоторые теоретики и вовсе убеждены, что обязанности, налагаемые на людей существующими законами о защите животных, уже сейчас наделяют животных соответствующими правами [Kurki 2017:71]. При существующей разнице в подходах и различных точках зрения на то, какими правами животные должны обладать и как могут осуществлять их, почти все приверженцы концепции прав животных единодушны во мнении, что каждое чувствующее существо может иметь статус, схожий с правовым положением недееспособных лиц, пользующихся защитой закона, будучи субъектами права.

В этом контексте особого внимания заслуживает теория «неличных субъектов» (non-personal subjects) [Pietrzykowski 2017:58–62], выдвинутая польскими юристами Анджеем Елжановским и Томашем Петшиковским (Andrzej Elżanowski, Tomasz Pietrzykowski), которая предусматривает наделение животных единственным правом – «правом быть учтенными», что позволит защитить их жизненно важные интересы от притязаний со стороны человека. Авторы уверены, что люди не должны посягать на первичные интересы животных в целях удовлетворения своих вторичных потребностей. Ранее профессор Питер Сингер в своих работах высказывал схожее мнение, считая, что принцип равного учета интересов должен применяться без различия между людьми и животными [Cardozo 2020:69], а способность страдать и чувствовать боль должна стать необходимым условием их измерения [Singer 1990:3–5]. В некоторых конвенциях СЕ, например, в Европейской конвенции о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях 1986 г.⁴, содержатся нормы о моральном обязательстве людей уважать животных и должным образом учитывать их способность к страданиям и памяти, что можно расценивать как значительный шаг на пути признания субъективных интересов представителей животного мира. Тем не менее, концепция прав животных пока не нашла явного отражения в нормах международного права, в отличие от концепции благополучия, которая уже легла в основу многих региональных международно-правовых документов.

Современная политика ЕС в области защиты животного мира базируется на положениях концепции благополучия животных, основные черты которой стали закладываться еще в конце XVII – начале XVIII в. во многом благодаря соображениям Джона Локка. Позднее мысль о необходимости обеспечения животных должными условиями комфорта и безопасности стала развиваться не только его последователями, но и другими философами, идеи которых были восприняты первыми организациями против жестокого обращения с домашними и сельскохозяйственными животными. Между тем сам термин «благополучие животных» впервые был

⁴ Council of Europe: European Convention for the protection of vertebrate animals used for experimental and other scientific purposes dated March 18, 1986. Preamble. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A21999A0824%2801%29> (accessed 11.01.2021).

упомянут в Протоколе «О защите и благополучии животных» к Амстердамскому договору от 2 октября 1997 г.⁵, нормы которого дублируются в ст. 13 Договора о функционировании Европейского Союза от 25 марта 1957 г. (в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.⁶). Несмотря на то что благополучие животных фигурирует в наиболее значимых документах европейского права, какого-либо общепринятого понимания этого термина на данный момент по-прежнему не существует.

Между тем Всемирная организация по охране здоровья животных (МЭБ) выработала собственную дефиницию этого понятия: «Животное находится в надлежащем состоянии благополучия, когда оно здорово, чувствует себя комфортно, хорошо питается, находится в безопасности, способно демонстрировать присущее ему поведение и когда оно не страдает от таких неприятных состояний, как боль, страх и стресс»⁷. Таким образом, невзирая на многоаспектность данной концепции, ее суть сводится к необходимости поддержания физического и психического здоровья животных на надлежащем уровне и в той мере, которая соответствует их природе [Duncan, Frazer 1997:21–27]. Обеспечить качество жизни, соответствующее должным стандартам, можно только посредством предоставления животным так называемых «пяти свобод», сформулированных британским Советом по благополучию сельскохозяйственных животных при содействии МЭБ и других организаций в конце 70-х годов прошлого века. Впоследствии принцип «пяти свобод» был отражен в Директиве Совета 98/58/ЕС «О защите животных, содержащихся для сельскохозяйственных целей» от 20 июля 1998 г.⁸, которая обязывает обращаться с животными подобающим образом, исключаяющим их физические и моральные страдания, предоставлять им благоприятные условия проживания, достаточное место для выражения естественного поведения, доступ к еде и воде, а также ветеринарную

помощь. Таким образом, страны – члены ЕС обязаны исходить из требований концепции в любой из областей своей деятельности, не наделяя животных правами, но признавая за ними способность чувствовать. В целом, учитывая особую правовую защиту, предоставляемую животным как чувствующим существам, они становятся отдельной правовой категорией между субъектами и объектами [Stucki 2020:538]. Однако в рамках большинства национальных правовых систем европейских стран животные не изъяты из категории имущественных объектов, на которые распространяется соответствующий правовой режим, фактически продолжая оставаться в «серой зоне» между группами лиц и вещей.

Несмотря на существенные недостатки, отражение концепции благополучия животных в нормах европейского права, несомненно, является положительной практикой. К сожалению, правовой опыт ЕС в области защиты животных до сих пор почти не был воспринят на глобальном уровне. Профессор Мичиганского государственного университета Дэвид Фавр (David S. Favre) отметил эту проблему, выступив за принятие рамочной конвенции универсального характера, закрепляющей общие принципы благополучия животных [Favre 2016:87]. По всей видимости, отсутствие подобных международных стандартов связано со специфическим рассмотрением животного мира сутогу в качестве компонента природной среды. Следовательно, при разработке соглашений, касающихся всего биоразнообразия, благополучие животных не является главным предметом обсуждения государств и организаций, приверженных холистическому подходу к сохранению и устойчивому использованию животного мира [Futhazar 2020:100]. Исключением из этого правила можно признать п. 6 ст. 3 Приложения II Протокола об охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 4 октября 1991 г.⁹, который предписывает осуществлять изъятие местных млекопитаю-

⁵ European Union: Protocol №33 on protection and welfare of animals annexed to the Treaty establishing the European Community dated October 2, 1997. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tec_2006/pro_33/oj (accessed 11.01.2021).

⁶ European Union: Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union signed 25 March 1957. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed 11.01.2021).

⁷ World organisation for animal health: A new definition for the Terrestrial Animal Health Code: “animal welfare”. URL: <https://www.oie.int/doc/ged/D5517.PDF> (accessed 11.01.2021).

⁸ См.: European Union: Council Directive 98/58/EC of 20 July 1998 concerning the protection of animals kept for farming purposes. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31998L0058> (accessed 11.01.2021).

⁹ Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 4 октября 1991 г. Приложение II. Ст. 6. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/901886692> (дата обращения: 11.01.2021).

щих и птиц таким образом, чтобы это причиняло им как можно меньше страданий и боли. В целом глобальная международно-правовая защита животных ограничивается охраной биоразнообразия в интересах нынешнего, а также будущих поколений и осуществляется в рамках утвердившихся концепций охраны окружающей среды и устойчивого развития, где животные выступают в роли природных ресурсов, использование которых подвергается специальной регламентации.

3. Защита животных в рамках концепций охраны окружающей среды и устойчивого развития

Концепция охраны окружающей среды, которая уверенно заняла свое место в системе международного права после проведения Конференции ООН по проблемам окружающей среды 1972 г., неразрывно связана с сохранением биоразнообразия, являющегося необходимым условием нормального функционирования экосистем и дальнейшего поддержания благоприятной экологической обстановки во всем мире. Продолжающаяся утрата различных биологических видов из-за потребительского отношения к природе провоцирует катастрофические последствия и приводит к угрозе экологической безопасности, что является главной причиной ежегодного фигурирования данного вопроса на международной повестке дня. Центральным звеном концепции является человек, поэтому любые действующие на ее основе международно-правовые соглашения об охране тех или иных объектов животного мира, несомненно, осуществляются не столько в целях защиты самих животных, сколько в угоду человеческим интересам, которые традиционно преобладают над интересами других биологических видов и даже самой природы. Попытки уравновесить интересы животных и человека, как правило, заканчиваются тем, что приоритет отдается человеческим интересам, даже незначительным [Peters 2020:111]. Таким образом, международная охрана животного мира вовсе

не исключает масштабной эксплуатации природных ресурсов, к которым традиционно относятся и животные, регламентируя порядок использования биоресурсов с целью недопущения их полной утраты. Однако разрушительное воздействие антропологической деятельности на биоразнообразие и естественную среду обитания животных вследствие усиления интенсивного характера промышленного и сельскохозяйственного производства, представляя растущую угрозу для жизни и здоровья людей, побуждает мировое сообщество все больше ориентироваться на концепцию устойчивого развития, впервые упомянутую во Всемирной стратегии охраны природы от 5 марта 1980 г.

Сохранение биоразнообразия, необходимое для реализации концепции устойчивого развития, хоть и отличается более осознанным подходом, все так же базируется на антропоцентрических началах. В докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее» (1987 г.)¹⁰ была провозглашена главная идея – развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные. Вскоре концепция нашла отражение в ряде документов, принятых на Конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.), среди которых особое место занимает Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г.¹¹, являющаяся одним из главных инструментов сохранения и устойчивого использования биоресурсов. Наряду с ней была открыта для подписания Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г.¹², направленная на минимизацию последствий изменения климата в целях поддержания здорового функционирования экосистем.

Другие принятые на конференции международные акты, хоть и уступают вышеупомянутым документам по юридической силе, являются не менее значимыми. Например, Декларация по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г.¹³ заложила основу для подготовки более

¹⁰ См.: ООН: Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» от 4 августа 1987 г. Доступ: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

¹¹ См.: Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 11.01.2021).

¹² См.: Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 11.01.2021).

¹³ ООН: Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 3–14 июня 1992 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 11.01.2021).

поздних экологических соглашений, а «Повестка дня на XXI век» от 14 июня 1992 г.¹⁴ не только скоординировала политику государств в этой области, но и стала прототипом нового программного документа, которым мировое сообщество руководствуется сегодня, – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г.¹⁵

Нормы об охране животного мира содержатся в Целях устойчивого развития (ЦУР) № 14 и № 15: «сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» и «защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия». Тем не менее, практические успехи в этих направлениях не столь очевидны: в докладах ООН о прогрессе осуществления ЦУР за последние несколько лет отмечается, что, несмотря на расширение природоохранных зон и основных районов биоразнообразия (ОРБ) на суше и в море, темпы загрязнения окружающей среды и утраты животных не сокращаются¹⁶. Доклад о целях в области устойчивого развития ООН за 2020 г. признает, что, несмотря на определенные достижения, намеченные на 2020 г. задачи по прекращению процесса утраты биоразнообразия не выполняются¹⁷. Причины, по которым популяциям грозит скорое вымирание, остаются прежними: нерациональные методы ведения сельского хозяйства, вызывающие обезлесение и деградацию земель, истощительные лесозаготовки и торговля лесом, в том числе негативно влияющие на изменение климата, а также браконьерство и контрабанда диких животных и растений, помимо прочего влекущая за собой губительное воздей-

ствие инвазивных видов на чужеродную флору и фауну.

Кроме этого, из-за распространившейся пандемии COVID-19 в последнем докладе ООН о целях в области устойчивого развития на примере незаконного оборота панголинов была отмечена причинно-следственная связь преступлений против дикой природы с возникновением новых инфекционных заболеваний зоонозного характера, которые угрожают не только животным и экосистемам, но и здоровью человека. Между тем ситуация с морскими ресурсами еще более плачевна: современные темпы лова рыбы не только уменьшают ее воспроизводство, но также отрицательно сказываются на функционировании экосистем и поддержании биоразнообразия¹⁸. Бесспорно, мировое сообщество заинтересовано в строгом регулировании рыболовства с целью восстановления устойчивости и производительности биологических ресурсов, но исключительно ради удовлетворения собственных нужд, тогда как вопросы этического характера, касающиеся лова морских обитателей, до сих пор не являются предметом обсуждения на глобальном уровне.

Хотя мировое сообщество во многом ориентируется на концепцию устойчивого развития уже более тридцати лет, из-за непомерных потребностей растущего населения планеты результаты принятых природоохранных мер едва ли оправдывают ожидания. Если имеющиеся угрозы не будут устранены в срочном порядке, международное право рискует не выполнить стоящих перед ним задач (по крайней мере, в экологической сфере). Поэтому вполне вероятно, что концептуальные положения, а также их место в системе международного права совсем скоро могут подвергнуться пересмотру. По мнению современных исследователей, роль потребностей, имеющая определяющее значение для концепции устойчивого развития, должна

¹⁴ ООН: Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 3–14 июня 1992 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 11.01.2021).

¹⁵ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/70/L.1> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁶ ООН: Доклад о целях в области устойчивого развития, 2018. Доступ: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/The-SustainableDevelopmentGoalsReport2018-RU.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁷ ООН: Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020. Доступ: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020-Russian.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁸ ООН: Доклад о целях в области устойчивого развития, 2019. Доступ: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2019-Russian.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

будет уступить доминирующие позиции более совершенной организации взаимоотношений общества и природы, находящейся в стадии своего становления [Кузнецова 2012:214-215]. Критический взгляд на философию современного общества потребления призывает к отказу от антропоцентрического принципа, определяющего все существующее призванным обслуживать человечество, например, в пользу идеи антропокосмоцентризма [Кузнецова 2012:216]. Таким образом, обнадеживающее переосмысление концепции устойчивого развития способно значительным образом повлиять на изменение отношения к животным как к биологическим ресурсам, придавая им ценность, не зависящую от пользы, приносимой людям.

4. Заключение

Несмотря на наличие определенных проблем, представляется, что международное право обладает достаточным потенциалом для создания действенных механизмов защиты животных по аналогии с обеспечением прав и свобод человека. Опыт становления отрасли международного права права человека показывает, каким образом можно преодолеть предсказуемый скептицизм в отношении некоторых вопросов, связанных с возможными юридическими коллизиями и другими нормативными трудностями. Стоит отметить, что правовая доктрина, как правило, также не причисляет людей к субъектам международного права, что не мешает им пользоваться его защитой. Напротив, международно-правовые нормы во многом антропоцентричны, что является главной причиной малоэффективности глобальных природоохранных мер.

Наиболее целесообразным решением не только этических, но и экологических проблем должно стать изменение правового положения животных и построение адекватных взаимоотношений с ними. Так как проблема защиты животных распространена по всему миру, а многие ее аспекты носят трансграничный характер,

только международное право способно гармонизировать стандарты обращения с ними, соответствующие современным представлениям о животных как о чувствующих существах. Традиционная дихотомия лиц и вещей, зародившаяся еще в Древнем Риме, не отвечает современным реалиям, во многом искажая объективную картину действительности: сегодня животные больше не могут являться имуществом, которым собственник имеет право бездумно пользоваться и распоряжаться. Независимо от того, будут ли они наделены определенным объемом правоспособности (некоторыми естественными правами, такими как право на жизнь, свободу, где это необходимо, безопасность и т. д.) или войдут в иную категорию пересмотренной доктрины правосубъектности, их правовая защита должна основываться на том, что каждое живое существо имеет индивидуальные интересы, среди которых особенно выделяются потребность в выживании и стремление избежать боли.

Кроме того, признание субъективных интересов других биологических видов могло бы не только избавить их от страданий, но и решить целый комплекс проблем, связанных с поддержанием благоприятной экологической обстановки. Сегодня антропоцентрическая деятельность продолжает наносить колоссальный ущерб естественным экосистемам, а темпы исчезновения популяций являются самыми стремительными за всю историю. Антропоцентрические начала права лишь потакают безмерным прихотям современного общества, из-за чего баланс интересов людей и природы по-прежнему не достигнут. Учитывая взаимосвязь человека с природной средой, частью которой он является, вполне возможно, уже совсем скоро международное право будет вынуждено обратиться к иным концепциям и доктринам (антропокосмоцентризм, космоцентризм, биоцентризм и др.), дабы обеспечить сохранение благоприятной окружающей среды не только для человечества, но и в интересах всех живых организмов.

Список литературы

1. Авдеева И.А. 2018. Трансформация гуманизма: от антропоцентризма к биоцентризму в контексте построения новых принципов отношения человека к животным. – *Философия и общество*. №3. С. 66–82. DOI: 10.30884/jfo/2018.03.05
2. Бентам И. 1998. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН. 415 с.
3. Зубченко Н.И. 2014. К вопросу о соотношении понятий «благополучие животных» и «защита животных от жестокого обращения» в международном праве. – *Актуальні проблеми політики*. № 52. Одесса: НУ «ОЮА». С. 135–145.
4. Короткий Т.Р., Зубченко Н.И. 2014. Обеспечение благополучия животных и их защита от жестокого обращения: от этических норм к международно-правовому регулированию. – *Международное право и междуна-*

- родные организации. №3. С. 361–372. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.3.12522
5. Кузнецова М.Ф. 2012. Принцип антропокосмоцентризма в концепции устойчивого развития общества. – *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. № 1. С. 214–217.
 6. Лаптев В.А. 2019. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102
 7. Руссо Ж.Ж. 1998. *Об общественном договоре. Трактаты*. М.: КАНОН-пресс. 416 с.
 8. Ткаченко С.В. 2009. *Римское право в России: монография*. М.: СГА. 204 с.
 9. Чиркин В.Е. 2007. *Юридическое лицо публичного права: монография*. М.: Норма. 352 с.
 10. Brožek B. 2017. The Troublesome “Person”. – *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Law and Philosophy Library. Vol. 119. Cham: Springer. P. 3–13. DOI: 10.1007/978-3-319-53462-6_1
 11. Cardozo E.D. 2020. *The Legal Guardianship of Animals*. 3rd ed. Belo Horizonte: Minas Gerais. 346 p.
 12. Duncan I.J.H., Fraser D. 1997. Understanding animal welfare. – *Animal Welfare*. Wallingford, UK: CABI Publ. P. 19–31.
 13. Favre D. 2016. An International Treaty for Animal Welfare. – *Animal Law and Welfare – International Perspectives*. Vol. 53. Cham: Springer. P. 87–106. DOI: 10.1007/978-3-319-26818-7_5
 14. Futhazar G. 2020. Biodiversity, Species Protection, and Animal Welfare Under International Law. – *Studies in Global Animal Law*. Vol. 290. Berlin; Heidelberg: Springer. P. 109–120. DOI: 10.1007/978-3-662-60756-5_10
 15. Kurki V.A.J. 2017. Why Things Can Hold Rights: Reconceptualizing the Legal Person. – *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Vol. 19. Cham: Springer. P. 69–89. DOI: 10.1007/978-3-319-53462-6_5
 16. Peters A. 2020. Toward International Animal Rights. – *Studies in Global Animal Law*. Vol. 290. Berlin; Heidelberg: Springer. P. 109–120. DOI: 10.1007/978-3-662-60756-5_10
 17. Pietrzykowski T. 2017. The Idea of Non-personal Subjects of Law. – *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Vol. 119. Cham: Springer. P. 49–67. DOI: 10.1007/978-3-319-53462-6_4
 18. Regan T. 1986. A case for animal rights. – *Advances in animal welfare science*. Ed. by M.W. Fox and L. Mickley, Washington, DC: The Humane Society of the United States. P. 179–189.
 19. Shaw M. 2008. *International law*. 6th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1542 p.
 20. Singer P. 1990. *Animal Liberation*. 2nd ed. New York: Avon Books. 320 p.
 21. Stucki S. 2020. Towards a Theory of Legal Animal Rights: Simple and Fundamental Rights. – *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 40. Issue 3. P. 533–560. DOI: 10.1093/ojls/gqaa007
 2. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (Russ. ed: Bentham J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva*. Moscow: ROSSPEN Publ. 1998. 415 p.)
 3. Brožek B. The Troublesome “Person”. – *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Law and Philosophy Library. Vol. 119. Cham: Springer. 2017. P. 3–13. DOI: 10.1007/978-3-319-53462-6_1
 4. Cardozo E.D. *The Legal Guardianship of Animals*. 3rd ed. Belo Horizonte: Minas Gerais. 2020. 346 p.
 5. Chirkin V.E. *Yuridicheskoe litso publichnogo prava: monografiya* [Legal entity of public law: a monograph]. Moscow: Norma Publ. 2007. 352 p. (In Russ.)
 6. Duncan I.J.H., Fraser D. Understanding animal welfare. – *Animal Welfare*. Wallingford, UK: CABI Publ. 1997. P. 19–31.
 7. Favre D. An International Treaty for Animal Welfare. – *Animal Law and Welfare – International Perspectives*. Vol. 53. Cham: Springer. 2016. P. 87–106. DOI: 10.1007/978-3-319-26818-7_5
 8. Futhazar G. Biodiversity, Species Protection, and Animal Welfare Under International Law. – *Studies in Global Animal Law*. 2020. Vol. 290. Berlin; Heidelberg: Springer. P. 109–120. DOI: 10.1007/978-3-662-60756-5_10
 9. Korotkii T.R., Zubchenko N.I. Obespechenie blagopoluchiya zhivotnykh i ikh zashchita ot zhestokogo obrashcheniya: ot eticheskikh norm k mezhdunarodno-pravovomu regulirovaniyu [Ensuring the welfare of animals and their protection from cruelty: from ethical standards to international legal regulation]. – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 2014. No. 3. P. 361–372. (In Russ.). DOI: 10.7256/2226-6305.2014.3.12522
 10. Kurki V.A.J. Why Things Can Hold Rights: Reconceptualizing the Legal Person. – *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Vol. 119. Cham: Springer. 2017. P. 69–89. DOI: 10.1007/978-3-319-53462-6_5
 11. Kuznetsova M.F. Printsip antropokosmotsentrizma v kontseptsii ustoichivogo razvitiya obshchestva [The principle of anthropocentrism in the concept of sustainable development of society]. – *Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva*. 2012. No. 1. P. 214–217. (In Russ.)
 12. Laptev V.A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu [Artificial Intelligence and Liability for its Work]. – *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*. 2019. No. 2. P. 79–102. (In Russ.). DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102
 13. Peters A. Toward International Animal Rights. – *Studies in Global Animal Law*. Vol. 290. Berlin; Heidelberg: Springer. 2020. P. 109–120. DOI: 10.1007/978-3-662-60756-5_10
 14. Pietrzykowski T. The Idea of Non-personal Subjects of Law. – *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Vol. 119. Cham: Springer. 2017. P. 49–67. DOI: 10.1007/978-3-319-53462-6_4
 15. Regan T. A case for animal rights. – *Advances in animal welfare science*. Ed. by M.W. Fox and L. Mickley, Washington, DC: The Humane Society of the United States. 1986. P. 179–189.
 16. Rousseau J-J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract. Treatises]. Moscow: KANON-press Publ. 1998. 416 p. (In Russ.)
 17. Shaw M. *International law*. 6th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 1542 p.
 18. Singer P. *Animal Liberation*. 2nd ed. New York: Avon Books. 1990. 320 p.
 19. Stucki S. Towards a Theory of Legal Animal Rights: Simple and Fundamental Rights. – *Oxford Journal of Legal Studies*

References

- ies. 2020. Vol. 40. Issue 3. P. 533–560. DOI: 10.1093/ojls/gqaa007
20. Tkachenko S.V. *Rimskoe pravo v Rossii: monografiya* [Roman law in Russia: a monograph]. Moscow: SGA Publ. 2009. 204 p. (In Russ.)
21. Zubchenko N.I. К вопросу о соотношении понятий

“blagopoluchie zhivotnykh” i “zashchita zhivotnykh ot zhestokogo obrashcheniya” v mezhdunarodnom prave [On the relation between the definitions of “animal welfare” and “protection of animals from cruelty” in international law]. – *Aktual'ni problemi politiki*. No. 52. Odessa: NU “OYuA”. 2014. P. 135–145. (In Russ.)

Информация об авторе**Сандра Игоревна Цыганцова,**

аспирант кафедры международного и европейского права, Юридический факультет, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, д. 18

tsygantsova.sandra@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4161-7800

About the Author**Sandra I. Tsygantsova,**

Post-graduate student at the Department of International and European Law, Faculty of Law, Kazan Federal University

18, ul. Kremlevskaya, Kazan, Russian Federation, 420008

tsygantsova.sandra@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4161-7800